

Елена Егорова
Детство Александра Пушкина

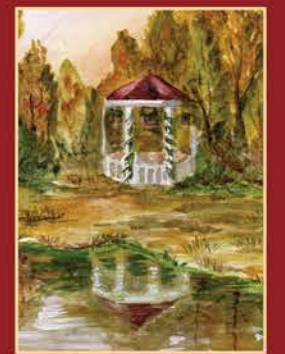
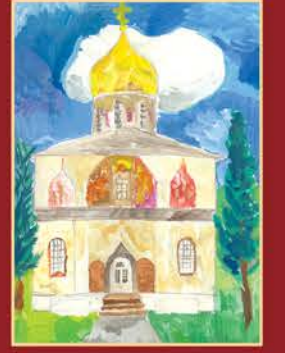
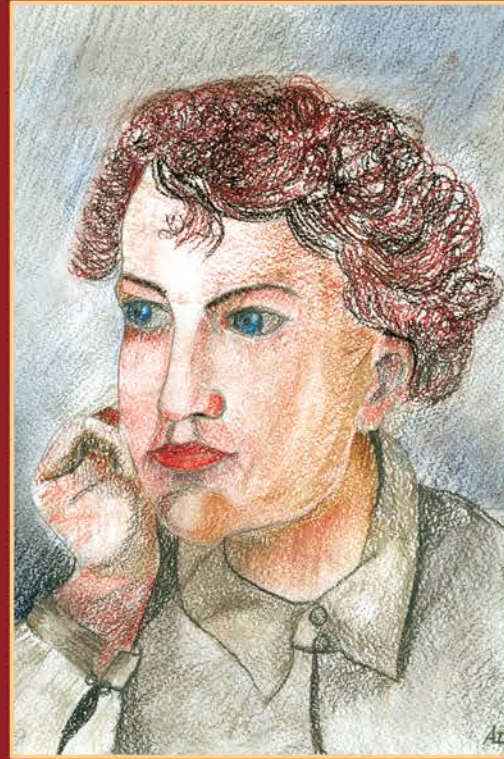
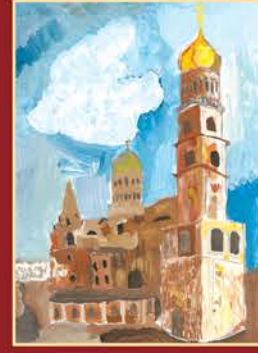
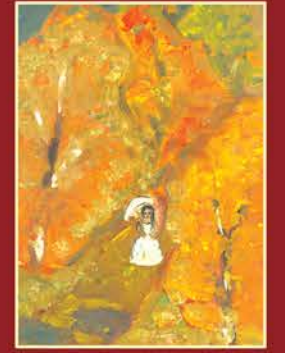
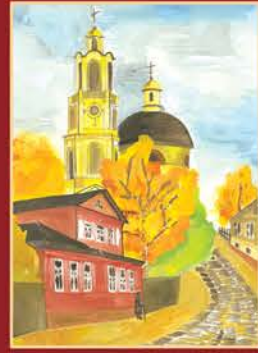
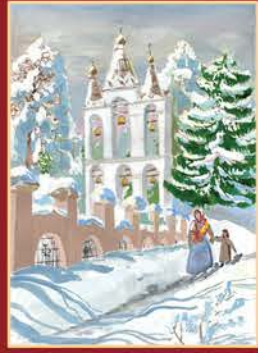
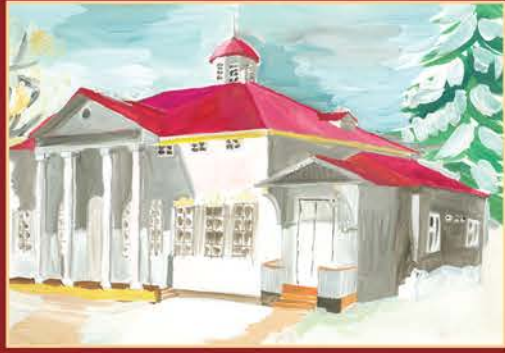
Елена Егорова

Елена Егорова

ДЕТСТВО АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА

Издание второе

Елена Егорова

**Детство
Александра Пушкина**

Рассказы, стихи, сказки

Издание второе, дополненное

Москва–Большое Болдино

2012

УДК 82-32
ББК 84(2Рос=Рус)6
Е 30

Егорова Е.Н. Детство Александра Пушкина. Издание второе, дополненное. — Москва: Московская областная организация Союза писателей России (литературное объединение «Угреша»); Дзержинский: БФ «Наш город»; Большое Болдино: Государственный литературно-мемориальный и природный музей-заповедник А.С. Пушкина «Болдино», 2012. — 208 с., ил.

Новая книга члена Союза писателей России Елены Егоровой адресована детям от 8 лет и взрослым. Серия рассказов о детстве А.С. Пушкина уникальна тем, что представляет собой первый опыт живого художественно-документального повествования, полно и достоверно отражающего жизнь юного гения и его семьи в 1799–1811 годах.

В книге учтены все известные факты биографии Пушкина и людей, окружавших его в детстве, особенности быта разных слоёв общества в начале XIX века. Широко использованы фольклорные материалы, относящиеся к описываемой эпохе и местам детства великого поэта, воспоминания его современников, гипотезы авторитетных пушкиноведов. Художественный вымысел в книге используется для «реконструкции» событий, сведения о которых неполны или отрывочны. В его основе лежит многолетнее глубокое изучение автором произведений и писем А.С. Пушкина, научных статей и архивных материалов.

Иллюминка книги — иллюстрации юных художников из разных регионов России, победителей и лауреатов открытого конкурса «Наш юный Пушкин».

Второе издание книги дополнено небольшой поэмой «Святочные сказки Арины Родионовны», в основе которой лежат два сказочных сюжета, записанных А.С. Пушкиным в январе 1825 года со слов няни А.Р. Яковлевой, но не использованных им самим.

Попечители проекта: Конюшевский А.В. (ЗАО «Фора»), Жук В.П. (ООО «Торговый двор»), Чичин С.Л. (ООО «Серверк»), Агили А.А. (ООО «Сокол на Угрешской»), Зимин А.В. (ООО «Спецтехсервис»), Лебедев Ю.А. (ООО «Неон»), Карпинский О.Ю. (ООО «Кантро»), Романов А.С. (ООО «Инфосервис»), Ерастов Г.И. (ООО «Нефтьмагистраль»), Шувалов И.Е. (ЦСКП «Северо-Запад»), Жулин Ю.А. (Государственный музей-заповедник А.С. Пушкина «Болдино»), Рязанов А.М. (ГИЛМЗ А.С. Пушкина, с. Большие Вязёмы).

ISBN 978-5-9903866-2-4

- © Литобъединение «Угреша» Московской областной организации СП России, 2012
- © Егорова Е.Н., текст, дизайн, 2012
- © БФ «Наш город», 2012
- © Государственный литературно-мемориальный и природный музей-заповедник А.С. Пушкина «Болдино», 2012

Детство Александра Пушкина

*Рассказы для детей и взрослых
с рисунками юных художников*

Ad.

Рождение

На праздник Вознесения Господня 26 мая 1799 года день в Москве выдался тёплым и погожим. Ровные и чистые, как в европейских городах, улицы Немецкой слободы благоухали расцветающими пионами и чубушником, а кое-где и поздней сиренью. Служба в приходской Богоявленской церкви, что в Елохове, отошла, и под

звон колоколов народ неспешно покидал храм. По обычаю перекрестившись у дверей, Сергей Львович Пушкин вышел на небольшую площадь и, едва кланяясь знакомым, стал пробираться сквозь празднично одетую толпу. Невысокий, ладный, в лёгком щегольском плаще, он торопливо зашагал по улице, почти не опираясь на модную трость. Жена его была на сносях и, с утра почувствовав недомогание, на

службу не пошла, несмотря на великий праздник. Потому Сергей Львович и спешил домой.

Прошло почти три года, как он женился, но любовь его к супруге нисколько не остыла. Надежда Осиповна, внучка Абрама Петровича Ганнибала, арапа государя императора Петра Великого, приходилась мужу дальней родственницей: её мать Марья Алексеевна Ганни-

бал в девичестве носила фамилию Пушкина. Сергей Львович познакомился с ними в Петербурге, когда служил подпоручиком в Лейб-гвардии Егерском полку. Наденька, которую за необычную внешность прозвали прекрасной креолкой, покорила его сердце и ответила ему взаимностью. Её смугловатое лицо, обрамлённое чёрными вьющимися волосами, словно освещалось большими карими глазами с густыми ресницами. Грациозная, весёлая, начитанная и образованная, она стала для жениха тем идеалом женского ума и красоты, который занимал его воображение с юности.

Обвенчались они 28 сентября 1796 года в Воскресенской церкви в Суйде, имении её родного дяди и крёстного Ивана Абрамовича Ганнибала, знаменитого генерала, героя Чесменского сражения. Дома Сергей Львович теперь звал жену Надей, а при посторонних — Надин, как было принято в обществе. Когда через год после свадьбы вышел указ о переводе Егерского полка в Москву, молодожёнам пришлось переехать и первое время поселиться у матери мужа Ольги Васильевны Пушкиной в Огородной слободе. Большую усадьбу на Божедомке, где вырос Сергей Львович, его братья Василий, Николай и Пётр, сёстры Анна и Елизавета, овдовевшая Ольга Васильевна продала и приобрела владение поменьше в Огородниках.

Полтора года назад Надежда Осиповна подарила мужу дочку Оленьку, названную в честь бабушки, и теперь ждала второго ребёнка. Вскоре после переезда Сергей Львович снял квартиру, чтоб жить отдельно от матери, но как только молва донесла до ушей суеверной жёнушки слух, будто там умирали младенцы, ему пришлось срочно искать новое жильё. У своего знакомого Ивана Васильевича Скворцова нанял он деревянный дом в Немецкой слободе на углу Хампиловской улицы и Госпитального переулка. Когда-то здесь селились иноземные купцы и ремесленники, а теперь жил русский

люди разных сословий. Огородники, где были усадьбы Ольги Васильевны Пушкиной, родни и многочисленных знакомых, находились недалеко.

Ожидая родов дочери, Марья Алексеевна приехала из Петербурга к молодым и взяла в свои опытные руки их хозяйство, к ведению коего они не имели особой охоты. К тому времени Сергей Львович уволился из полка в чине гвардейского капитан-поручика, по армии равного майору. Он и раньше-то не питал большой склонности к военной службе, а после кончины государыни императрицы Екатерины Великой и воцарения Павла I строгие порядки в гвардии с бесконечной муштрой и вовсе показались ему несносными. Соблюдение всех правил и регламентов было для него тяжкой обязанностью. Однажды, беседуя с однополчанами у камина, он по рассеянности стал помешивать угли своей офицерской тростью, а на другой день командир язвительно заметил ему, что лучше б уж он пришёл на дежурство с кочергой. Другой раз капитан-поручик Пушкин забыл надеть положенные по уставу перчатки... По-настоящему его, как и жену, интересовали литература, музыка, театр, искусство, танцы и светские развлечения. Это был их мир, в котором им было хорошо и уютно.

Когда Сергей Львович подошёл к дому, колокольный звон уже умолк. Сквозь птичий щебет послышался весёлый смех полуторагодовалой Оленьки и звонкий лай моськи Жужу. Собачка, подаренная жене, когда та была ещё невестой, теперь привязалась к дочке и позволяла ей делать с собой что угодно. Увидев отца, Оленька побежала к нему с радостным криком: «Папа! Папа!» Умилившись её нарочито французскому выговору с ударением на последний слог, он подхватил малышку и расцеловал, потом, заметив озабоченное лицо её няни Арины, спросил:

— Ну что там? Как Надя?

— Началось, барин! Доктор сказали, к закату разрешится.

Взволнованный отец передал дочку няне и пошёл в дом, забыв про трость, которую уже пробовала на зуб Жужутка.

— А барыня не велели Вас к ней пускать, — услышал он вслед и вспомнил, что и при рождении дочки жена не хотела, чтоб он видел, как страдание искажает её красивое лицо.

Вздохнув, Сергей Львович пошёл к себе переодеться. Потом он без особого аппетита отобедал и в кабинете начал было читать книгу Вольтера, но мысли о жене не дали ему сосредоточиться. Понимая, что помочь ей ничем не может, что подле неё теперь и Марья Алексеевна, и доктор, и слуги, он протомился так около часа, затем снова оделся, вышел из дома и, взяв извозчика, направился в Огородники сообщить новость матушке. У неё до времени хранилось золотое колечко, заранее купленное им для жены. По натуре он был скуповат, но ради такого случая денег, конечно, не пожалел.

Ольга Васильевна новостью была и обрадована, и озабочена. Она сразу велела закладывать дрожки и сама поехала к невестке. Сергей Львович остался, чтобы скоротать время с младшей незамужней сестрой Лизой. Она сыграла на клавикордах недавно разученную пьесу и завела с братом оживлённый разговор о мало-значительных светских новостях. Впрочем, Лизино увлечение молодым переводчиком коллегии иностранных дел Матвеем Сонцовым явно заслуживало внимания.

Прогулявшись с сестрой в небольшом садике и почаяёвничав, Сергей Львович простился и хотел уже ехать домой, но, услышав звон к вечерне, донёсшийся с колокольни приходской Харитоньевской церкви, передумал. С детских лет он ходил с матерью, братьями и сёстрами по воскресеньям и праздникам на службу в

Троицкий храм на Божедомке, но стоять и литургию, и вечерню в один день было не в его обычае. А теперь ноги сами понесли его к Харитонию Исповеднику помолиться о благополучном разрешении жены.

За молитвой служба протекла незаметно, и когда Сергей Львович вышел на улицу, солнце клонилось к закату. Он кликнул извозчика и поспешил домой.

— Что Надя? — спросил он с порога у матери, вышедшей в переднюю из комнаты жены.

— Уже скоро, — ответила Ольга Васильевна и, дав распоряжения прислуге, вернулась к невестке.

Этот последний час показался ему самым томительным, а светлый летний вечер бесконечно долгим. Солнце бросало последние лучи через окно гостиной на старинные ганнибаловские клавикорды, привезённые Марьей Алексеевной из Петербурга. На них для мужа и гостей иногда музицировала Надежда Осиповна. Из детской доносилась протяжная колыбельная: няня Арина укачивала похныкивающую Оленьку. Сергей Львович прислушался:

*Ай, баю-баю-баю!
Не ложися на краю,
Ты ложись у стеночки
На мягенькой постелечке.
Баю-баюшки-баю!
Не ложися на краю.
Придёт маленький волчок
И ухватит за бочок...*

Похожую, но не точно такую песенку пела и ему в детстве крепостная няня. Он подумал, что именно под эту колыбельную засыпала его Надя, когда была маленькой, ведь Арина происходила из села Кобриня, петербургского имения Марьи Алексеевны, где росла жена.

Напевный голос любящей няни скоро успокоил малышку. «Уснула наша Занавесная Барыня», — умилился отец, вспомнив прозвище, данное Ариной Оленьке,

когда та была ещё грудной. Матери тогда показалось, что дочурка начала косить глазками, поэтому во время кормления грудью ей их прикрывали платочком, чтобы зря не напрягалась, таращась на няню с близкого расстояния. Скоро девочка косить перестала, но иногда её ещё называли младенческим прозвищем...

Тут послышался громкий вскрик роженицы и вслед за ним тоненький, похожий на мяуканье, плач младенца. Сергей Львович встrepенулся. «Слава Богу, кажется, разрешилась!» — пронеслось у него в голове. От жены вышла Марья Алексеевна и сообщила радостную весть:

— Поздравляю! Сын! Здоровенький.

— А Надя?

— Слава Богу! Благополучно. Надобно погодить. Пока не всё, — остановила тёща зятя, рванувшегося было к двери. — Ульяша, пора! — позвала она свою дворовую.

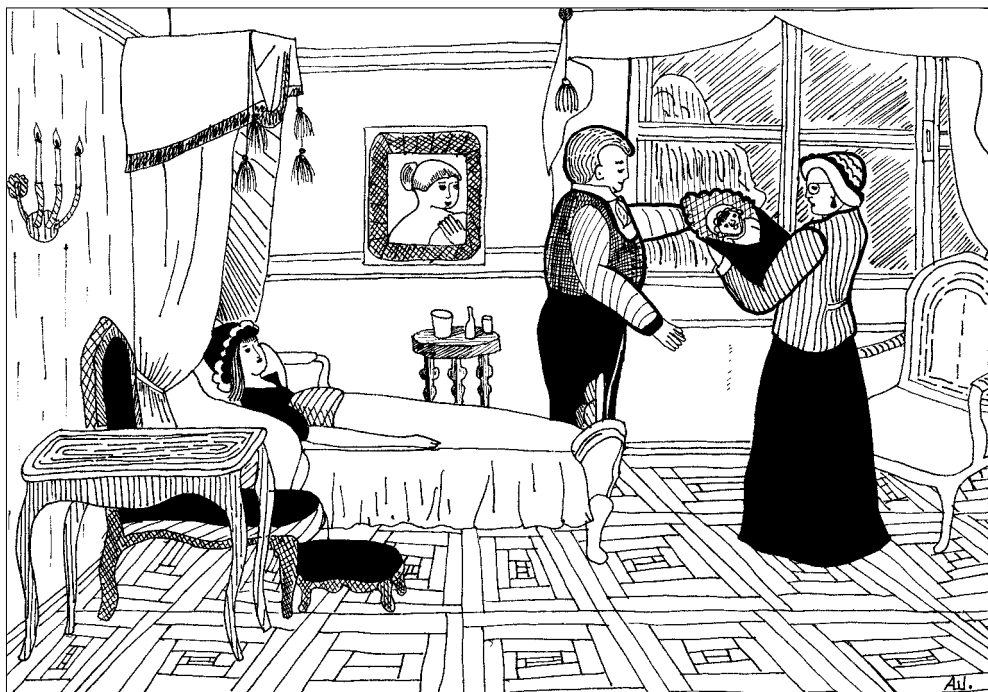
Ульяна Яковлева, сметливая дворовая баба лет тридцати, которая по мысли Марьи Алексеевны должна была стать няней, прошла в комнату с заранее приготовленным приданым для новорождённого.

Сын! Наследник! В душе Сергея Львовича всё ликовало, он с трудом дождался, когда дверь, наконец, открылась, доктор вышел, поздравил его и, получив плату, откланялся.

Ольга Васильевна держала на руках расшитый кружевами конверт, откуда выглядывало крошечное красноватое личико. Из-под белого чепчика выбились чёрные кучерявые родовые волосики. Хорошенько разглядев сына и слегка погладив его по головке, Сергей Львович подошёл к жене.

Уставшая Надежда Осиповна лежала на кровати, глаза её выражали одновременно и страдание, и радость.

— Поздравляю, Надюша, — сказал он, надевая на палец жене золотое колечко.

— Мерси. Как тебе сын? — чуть слышно спросила она.

— Слава Богу, хорош! На арапчоночка похож.

— В Ганнибалов пошёл, — согласилась Марья Алексеевна, но тотчас добавила: — И от Пушкиных в нём много чего. Носатенький мальчишечка, а глазки будто бы не тёмные.

— Что правда, то правда, — подтвердила Ольга Васильевна.

— Александром надо его наречь, — предложила Марья Алексеевна, — в честь племянника моего Александра Юрьича Пушкина. Добрый малый, хорошо служит. Он теперь в походе с Суворовым, в Италии где-то.

— Хорошее имя. Деда моего тоже Александром звали. Александр Сергеич — звучит! — отозвался Сергей Львович. — Надюша, ты как?

Жена обрадованно кивнула. Кузена Сашу она любила, как родного брата, и была с ним очень дружна. Когда тот учился в кадетском корпусе в Петербурге, ча-

сто приходил к ним в дом. Марья Алексеевна его опекала как тётушка и крёстная.

У Ольги Васильевны тоже не нашлось возражений. Она ещё припомнила, что именины Александра близко: 2 июня по церковному календарю — память святого патриарха Александра Константинопольского.

Тут и новонаречённый младенец подал голосок.

— Слышите, согласен! — пошутил Сергей Львович. — Стало быть, решено. Александр!

Младенец тем временем начал широко открывать ротик и раскричался.

— Грудь просит, — заключила Ольга Васильевна. — Ульяша, носи-ка его скорей кормить, — приказала она няне и бережно передала ей внучонка.

* * *

Вскоре после праздника Троицы новорождённого Сашу Пушкина окрестили в Елоховской Богоявленской церкви. Восприемницей стала родная бабушка Ольга Васильевна, а в восприемники Марья Алексеевна позвала своего троюродного брата графа Артемия Ивановича Воронцова. В метрической книге дьячок старательно вывел запись, по церковному обычаю пометив её 27 мая, потому что младенец родился накануне этого дня после захода солнца: «Во дворе коллежского регистратора Ивана Васильевича Скворцова у майора Сергея Львовича Пушкина родился сын Александр, крещён июня 8 дня...»

Раннее детство

Осень 1799 года Пушкины с детьми провели в сельце Михайловском под Псковом, в имении Осипа Абрамовича Ганнибала. В молодости отец Надежды Осиповны вёл бурную расточительную жизнь, следствием чего стал его разъезд с Марьей Алексеевной, при поддержке Ивана Абрамовича Ганнибала отсудившей у него дочь и имение Кобрينو. С тех пор она видеть бывшего мужа не желала и в Михайловское не поехала.

Старый больной арап, на лице которого почти не осталось следов былой привлекательности, жил в своём маленьком, обременённом долгами сельце в одиночестве, покинутый всеми. Когда-то он жалел денег на воспитание единственной дочери, а теперь был искренне рад её приезду с зятем и внучатами. Он даже играл с резвой Оленькой, но угнаться за нею не мог: ноги у него давно уже болели и с трудом носили погрузневшее тело. Саша деду понравился: спокойный крепенький младенец, очень похожий на Ганнибалов. Правда, постепенно родовые чёрные волосики стали у мальчика вылезать и вместо них росли рыжеватые кудряшки, а глазки приобрели светло-голубой оттенок. Но это уже не имело значения. Несколько месяцев на свежем воздухе пошла малышу впрок: пухлые румяные щёчки стали видны с затылка.

Зимой в глухой деревне с маленькими детьми делать было нечего, и Пушкины перебрались в Петербург. Первые дни жили в доме Ивана Абрамовича Ганнибала, а потом сняли квартиру в Литейной части неподалёку от Юсуповского дворца. Хоть и был Иван Абрамович рад любимой крестнице и внучатым племянникам, но обременять его не захотели: старику-генералу нужен был покой. Вслед за молодыми в Петербург приехала и Марья Алексеевна. Большую часть лета семья провела в Кобрине, пока бабушка хлопотала о продаже этого имения.

В начале августа Пушкины вернулись в Петербург. Жизнь пошла своим чередом. Оленька, тоненькая, живая, похожая на мать, заметно вытянулась, начала бойко говорить, подражая взрослым. Надежда Осиповна научила её делать книксены — приветственные поклоны с приседанием. Дочкин лепет и старательные книксены умиляли отца и гостей дома. Саша, напротив, рос толстым и неуклюжим. Летом он начал ходить, неуверенно переваливаясь на полных ножках. На прогулках малыш хватался за няинну или бабушкину юбку и просился на ручки, дичась незнакомцев.

Гуляли дети обыкновенно в живописном Юсуповском саду. Здесь было где порезвиться: зелёные лужайки и широкие дорожки под сенью раскидистых деревьев. В большом пруду с круглым островком, на который вёл горбатый мостик, отражался красивый дворец с портиком на белых колоннах.

Хозяином дворца и сада был князь Николай Борисович Юсупов, человек государственный, дипломат и сенатор, любитель искусства и заядлый коллекционер. Пушкины поддерживали с ним доброе знакомство.

Однажды прохладным пасмурным днём в августе 1800 года няня Арина с Олей и Ульяна с Сашей, как обычно, вышли на прогулку в Юсуповский сад. Девочка играла со сверстниками, а малыш нехотя плёлся за своей няней. Неожиданно в конце аллеи показался невысокий очень важный господин в генеральском мундире, напудренном парике и большой треуголке. Он быстро шёл, опираясь на трость, в сопровождении свиты блестящих офицеров.

Расторопные нянюшки подозвали своих подопечных и почтительно отошли с ними в сторонку. Ульяна взяла Сашу на руки и встала рядом с Ариной. Так она чувствовала себя увереннее. Важный генерал стремительно приближался, оглядывая аллею властным прон-

зительным взглядом. Все склонили перед ним головы. Оля присела в глубоком книксене, как учили.

Поклонилась и Ульяна, не спуская Сашу с рук. Вдруг она почувствовала: кто-то подошёл к ним. Не успела няня испугаться, как тот самый генерал снял с малыша картуз и, отдавая ей, строго выговорил:

«Снимать шапку должно перед императором! Поняла?!»

Боже мой! Да это сам государь Павел Петрович! Сердце у няни так и оборвалось. Она не могла вымолвить ни слова и долго не решалась поднять голову, а когда, наконец, осмелилась и взглянула вслед, император был уже далеко. Он шёл не оборачиваясь и чётко печатая шаг, окружённый своей свитой. Саша прижался к няне, заплакал и никак не мог остановиться. Ульяна вспомнила о безотказном успокоительном средстве, припасённом у неё в кармане. Она достала сушку и протянула малышу. Мальчик тотчас угомонился и захрустел угощением. Няня надела ему картуз.

«Ох, и угораздило же нас! — посетовала Арина. — Государь-то император очами так и сверкал, как тебе выговаривал! Ну да мы с печалью, а Господь с милостью. Пронесло, слава Богу! Пошли уж до дому, какое теперь гулянье».

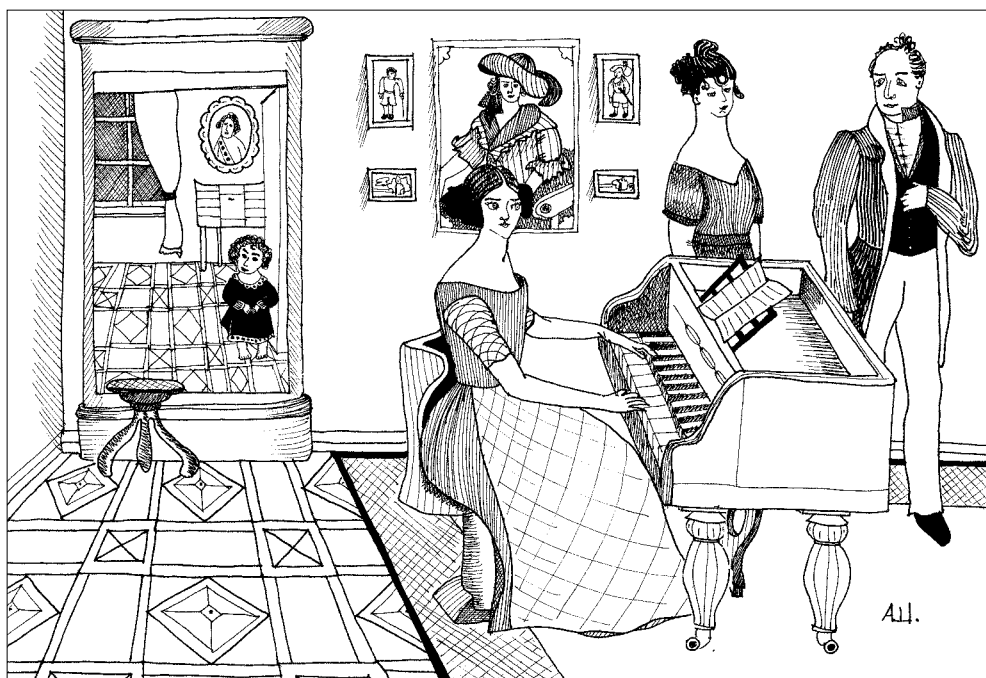
Саша по малолетству своему встречи с Павлом I не запомнил, но живо представлял её в подробностях, слушая рассказы нянюшки.

Поздней осенью 1800 года Пушкины всем семейством переехали в Москву: жизнь здесь была дешевле, да и родни больше. Имение Кобрينو, что в 50 верстах от Петербурга, Надежда Осиповна продала, подписав вольную всей семье Арины Родионовны Яковлевой, по мужу Матвеевой, Олиной няни и кормилицы. Сама няня получила вольную ещё в 1799 году, хотя и упорно отказывалась от этой милости. Своих господ ни она, ни

её родные не покинули и продолжали им служить верой и правдой долгие годы.

В конце декабря 1800 года окончательно переехала в Москву и Марья Алексеевна Ганнибал. В квартире Пушкиных на Чистых прудах по вечерам снова стали собираться друзья и родственники. Непременно приходил старший брат главы семьи Василий Львович Пушкин, известный стихотворец, сёстры Анна и Лиза, неплохо игравшие на фортепиано, заходили историк и писатель Николай Михайлович Карамзин, молодой поэт Василий Андреевич Жуковский, баснописец Иван Иванович Дмитриев. Хозяева и гости читали стихи, басни, музицировали, пели романсы, иногда разыгрывали домашние пьески, обсуждали последние новости — и литературные, и политические, и светские.

Одним зимним вечером в гостиной Пушкиных было особенно оживлённо. Юная прелестная француженка Адель Першерон де Муши виртуозно играла сонату Моцарта. И как только она могла извлекать столь божест-

венные звуки из стареньких ганнибаловских клавикордов?! Все были так увлечены её исполнением, что никто не заметил, как дверь гостиной приоткрылась и тихо вошёл полуторагодовалый Саша. Музыка разбудила и завлекла его. Обычно боязливый, малыш забыл о своём страхе и босиком, в одной рубашечке потопал на пленившие его звуки. Он стоял, прижавшись к двери, и заворожённо слушал.

Адель, взяв последний аккорд, опустила на клавиши изящные руки. Все заплодировали.

— Bravo! Форa! — восхищённо воскликнул Сергей Львович.

— Bravo! — поддержала его Надежда Осиповна. Ревниво поглядывая на мужа, она приподнялась и тут в изумлении заметила сына у двери.

— Сашенька! Проснулся! — удивлённо воскликнула она и направилась к малышу.

Марья Алексеевна сидела ближе к двери и, опередив дочь, которая ждала третьего ребёнка, взяла Сашу на руки. Почувствовав к себе внимание, мальчик застеснялся и уткнулся носом в бабушкино плечо. Мать пощупала у него ножку, которая показалась ей холодной.

— Уляшка! — сердито прикрикнула она. — Ах, соня! Простудишь Сашку!

Встревоженная няня с заспанными глазами сразу показалась в дверях. Очнувшись и не найдя мальчика в кроватке, она и сама поспешила в гостиную.

— Простите, барыня, не доглядела. Уж так хорошо Сашенька спал, я и прикорнула. Простите Христа ради!

— Ладно, иди. Да смотри у меня! — строго наказала Марья Алексеевна, передавая мальчика няне. Уляна понесла его в спальню, воркующим голосом напевая колыбельную:

*Баю-бай, баю-бай,
Спи, наш Саша, засыпай.
Гули-гули-гуленьки*

*Сели Саше в люленьку,
Стали люленьку качать,
Стали Сашу величать:
Баю-бай, баю-бай,
Спи, наш птенчик, засыпай,
Будем мы тебя качать,
Сладкий сон оберегать.*

Скоро малыш крепко уснул...

На следующий год Сергей Львович снял более просторный двухэтажный каменный дом у Николая Борисовича Юсупова в Огородной слободе, на Хомутовке, поближе к своей хворающей матери Ольге Васильевне. Из окон открывался чудный вид на стоящие рядом княжеские каменные палаты, когда-то принадлежавшие дьяку Алексею Волкову, но уже давно перешедшие к Юсуповым. Это был старинный московский терем с узорным красным крыльцом, фигурными арками, расписными палатами и окошками домиком. Прямо сказочный пряничный дворец! Через улицу напротив дворца Николай Борисович выстроил трёхэтажный каменный дом для светских приёмов. Вокруг по его приказу разбили роскошный сад, который благодарные москвичи нарекли Юсуповым. Сюда выходили няни и бабушка Марья Алексеевна на прогулки с Олей, Сашей и новорождённым Николенькой, появившимся на свет 24 марта 1801 года. Гуляли с ними и дети Арины Родионовны: 13-летняя Марьюшка и Стёпка, Олин ровесник и молочный брат.

Московский Юсупов сад был совсем не таким, как петербургский. Вместо романтических пейзажей здесь ровные аллеи, цветники, купы причудливо постриженных деревьев и кустов, гrotты и беседки. В саду звенели многочисленные фонтаны. Мощный раскидистый дуб обвивала золочёная цепь. По ней в сухую погоду пускался механический пушистый кот со сверкающими глазами, сконструированный голландскими мастерами.

Чудесный кот ещё и напевал что-то непонятное. Он поражал Сашино воображение, казался ему огромным, загадочным. А как ему хотелось узнать, о чём мурлычет котище! Но голландского языка никто из окружающих, увы, не понимал.

В три года Саша всё ещё был тучным неуклюжим мальчуганом. Подвижные игры он не любил. Это приводило Надежду Осиповну в отчаяние. «У всех дети как дети, а наш — увалень и дикарь!» — сетовала она. Мать пыталась заставить ленивого ребёнка бегать, но тщетно. Даже Оленька и Стёпка не могли его расшевелить. Саша любил долго рассматривать статуи, фонтаны, а то и просто букашек-таракашек на песке, травинках и листочках.

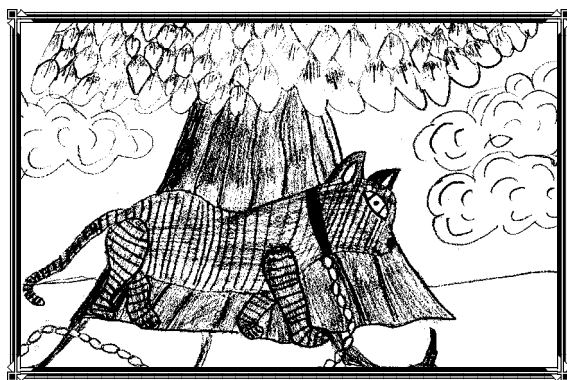
14 октября 1802 года няни, как обычно, вывели детей на прогулку в Юсупов сад. Фонтаны уже не работали, дворники сметали с дорожек последнюю листву, садовники укрывали цветники в ожидании первого снега. В саду было светло, аллеи с облетевшими деревьями казались длиннее обычного. Николенька, худенький

полуторагодовалый мальчик, похожий лицом на старшую сестру, играл в мячик со своей няней. Оленька, Стёпка и Марьюшка затеяли игру в пятнашки, за ними со звонким лаем носилась Жужутка. Саша сидел на скамейке возле Ульяны. Сначала он разглядывал подобранный им кленовый листок, уже побуревший и похожий на большую раскрытую ладонь в тёмной перчатке, а потом его привлекла статуя Осени в образе прекрасной девушки с венком из плодов и листьев.

Было около двух часов пополудни. Вдруг Жужу прижалась к земле и заскулила. Марьюшка первой подоспела к собачке, думая, что та поранилась об острый камешек. И тут земля качнулась! Саше показалось, что статуи и деревья падают. От испуга он закрыл лицо ладошками. Потом был ещё толчок послабее, и всё стихло. Саша заплакал. Николенька не удержался на ножках, упал и тоже заплакал. И другие дети перепугались, и нянюшки, но больше землетрясение не повторилось.

Ох, и пересудов о нём было по Москве! Впрочем, ничего страшного не случилось. Дома даже посуда не побилась. В Московской комиссариатской комиссии, где десятый месяц служил Сергей Львович по казначейским делам и бухгалтерии, тоже всё оказалось в порядке. Лишь в одном доме на Хомутовке треснула стенка в погребе. И только-то! Но маленькому Саше Пушкину это землетрясение запомнилось на всю жизнь.

Бабушкины рассказы

Марья Алексеевна души не чаяла в своих внучатах и не жалея времени возилась с ними, играла, рассказывала им сказки и были о старине, учила читать по-русски и считать, а с Оленькой занималась рукоделием. Дети очень любили бабушку, особенно Саша, ведь она не заставляла его бегать против его желания, и у неё всегда для него был припасён вкусный гостинчик. Любознательный мальчик обожал слушать бабушкины рассказы, сидя в большой корзине с клубками, и наблюдать, как мелькают спицы в её ловких руках.

Вот и майским днём 1804 года Саша после обеда занял своё излюбленное место и слушал бабушку. У неё на коленях свернулся калачиком Тришка — упитанный кот с блестящей чёрной шестью и хитрыми зелёными глазами. На груди у Тришки белая «манишка», на лапках — белые «тапки». Если бы не два белых пятна около хвоста, кот походил бы на степенного гос-

подина во фраке, с мягкой походкой и аристократическими манерами. Правда, вся эта важность мигом испарялась, как только Тришка чуял мышь или крысу: ловцом он был отменным. Поохотиться за бантиком на верёвочке он тоже был не прочь, чем очень забавлял Олю и Николеньку. В свободное от охоты, еды и гулянья время котище дремал на коврике у печки или у хозяйки на коленях.

Под «аккомпанемент» мурлыканья Марья Алексеевна рассказывала внуку историю про своего деда Юрия Алексеевича Ржевского:

«Пращур твой Ржевский любимым стольником Петра Великого был, государь его потом губернатором в Нижнем Новгороде поставил, строить флотилию на Волге поручил. Дед-то в корабельном деле сведущ был. Царь к Ржевским запросто в дом наезжал. Пожаловал он как-то к ним на ужин. Дедушка сразу распорядился испечь любимый государем блинный пирог с изюмом. Подали пирог на стол да потом так и убрали нетронутым: царь отчего-то не захотел его откусать. Наутро Ржевский велел подать себе этот пирог. Отрезали ему кусок, он ко рту поднёс, да так и обомлел: вместо изюма в пироге... тараканы! А государь-то терпеть не мог этих насекомых, особенное отвращение к ним испытывал. Недруги злую шутку хотели деду учинить, подкупили повара и надеялись, что царский любимец немилостью за это поплатится. Да не вышло у них ничего! Бог-то видит, кто кого обидит! Не попустил беды...»

Саше не терпелось узнать, что ещё приключилось интересного с Ржевским, но тут в комнату вошла няня Ульяна.

— Барыня, Надежда Осиповна приказали Саше гулять собираться.

— Что ж, пусть идёт, погода нынче хорошая.

Саша нехотя вылез из корзины и пошёл за няней в переднюю. Там уже была собранная на прогулку Оля.

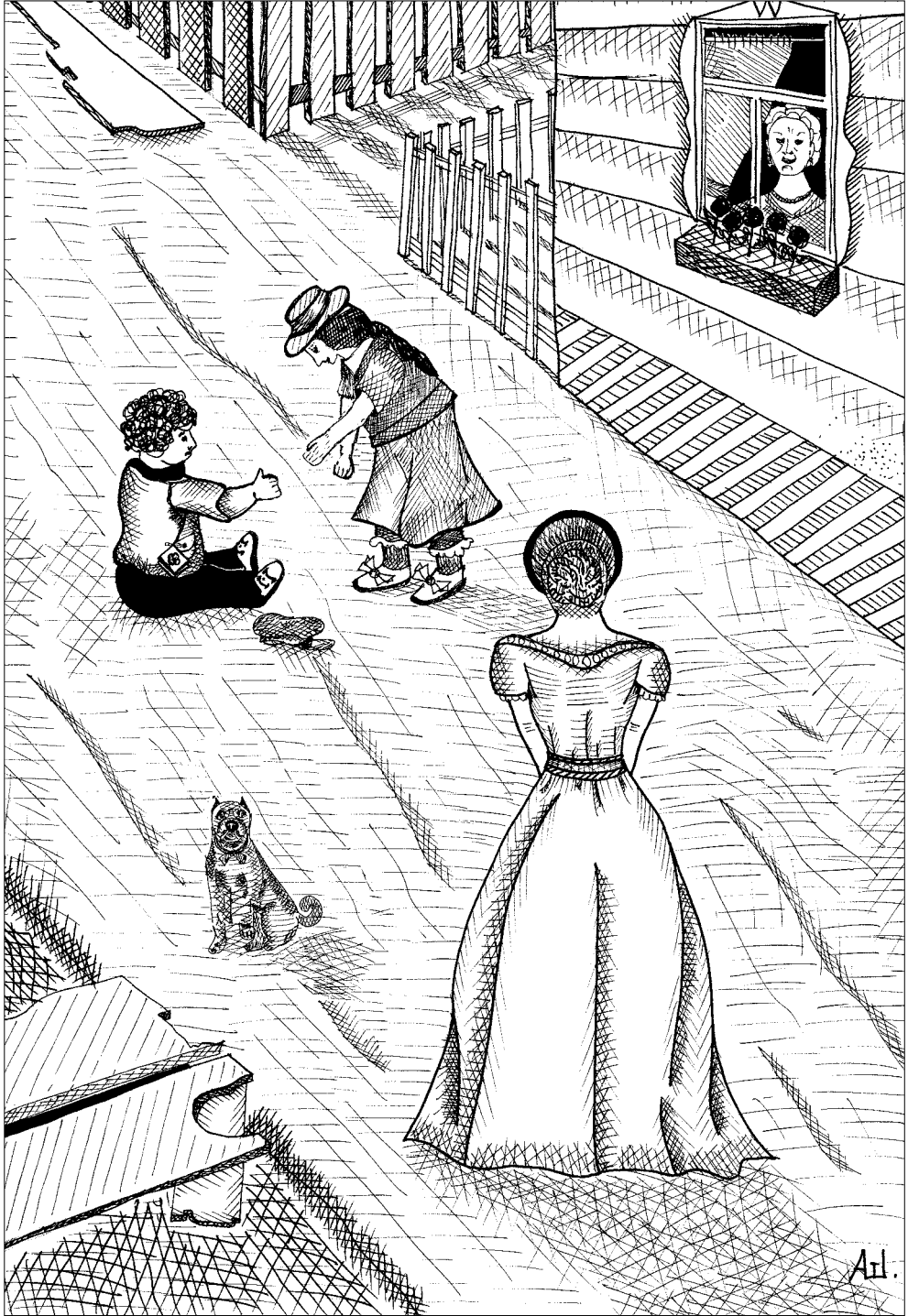
Жужутка в ошейнике так и вертелась у двери. Мать держала в руках Сашину курточку с пришитым к ней в виде аксельбанта носовым платком. Вчера мальчик опять потерял на прогулке свой платочек и получил за это очередной нагоняй от родителей. И вот теперь мать решила его проучить. Детей в доме Пушкиных, в отличие от иных дворянских семей, битьём не наказывали, разве что иногда Надежда Осиповна могла слегка отшлёпать в сердцах. Она умела придумать наказания обиднее и действеннее порки. Обыкновенно за провинности детей надолго сажали в угол, отгороженный стульями. В этот раз, подавая сыну курточку с «аксельбантом», мать насмешливо сказала:

«Жалую тебя, Александр, моим бессменным адъютантом, с чем и поздравляю!»

Саша надул губу, но делать нечего, пришлось надеть курточку с обидным «украшением» и так идти на прогулку.

Ульяна осталась дома помочь Коленькиной няне: малыш снова приболел. Надежда Осиповна со старшими детьми и моськой направилась в Юсупов сад. Теперь туда надо было идти по Хомутовке около четверти часа: Пушкины квартировали уже не у Юсупова, а у графа Петра Львовича Санти на той же улице, но дальше от сада. Обиженный Саша еле плёлся за матерью, его приходилось буквально тащить за руку. Как только мать отпустила его, он уселся прямо посреди улицы и ни с места. Надежда Осиповна пошла дальше, думая, что мальчик испугается и сам догонит её и сестру. Но не тут-то было. Упрямец преспокойно продолжал сидеть в пыли.

Отойдя довольно далеко, мать заволновалась и окликнула сына, но тот не отозвался. Тогда она послала Олю в надежде, что прыткая девочка расшевелит его. Жужутка увязалась за маленькой хозяйкой. Подбегая, сестра услышала сквозь лай моськи, как Саша, от кого обычно и слова не добиться, громко и чётко выговорил:

— Ну, нечего скалить зубы!

В окне дома, напротив которого сидел брат, девочка заметила смеющееся лицо незнакомой дамы. Недовольный мальчик сам поднялся на ноги. Оля отряхнула его и потащила за собой:

— Скорей же, не то мамá совсем рассердятся.

— Ну и пусть! — буркнул Саша, но тут же нехотя побежал с сестрой к матери. Надежда Осиповна крепко взяла его за руку и повела в сад.

После возвращения с прогулки и ужина Оля принялась играть в куклы, а мальчик снова устроился в бабушкиной корзине в ожидании интересного рассказа. Марья Алексеевна знала от дочери о Сашином непослушании на улице, но не стала распекать внука, а начала рассказ издалека:

«Прадед твой, а мой свёкор Абрам Петрович Ганнибал происходил из княжеского африканского роду. Лет восьми он был увезён с другими знатными отроками в залог к турецкому султану в Константинополь. До старости свёкор всё вспоминал родной свой город Логон да любимую старшую сестру Лагань. Когда его увозили, она долго плыла вслед за кораблём и утонула. Русский посланник выкупил Абрама из сераля через знакомого визиря и прислал его государю Петру Алексеевичу. Царь полюбил своего арапчонка, потому что умным да сметливым он оказался. Пётр Великий окрестил его, воспитал и дал образование. Инженером по фортификации Абрам Петрович стал. И не рабом царю, а наперсником. За старание да ум перед многими отличал его великий государь и даже тайным секретарём при себе сделал. Хотя после смерти царя опалу пережил Абрам Петрович, потом при государыне императрице Елизавете Петровне до генерал-аншефа дослужился, богатые поместья от Её Величества за верную службу получил. Строг он был, да и милостив. Дед твой Осип Абрамыч без его благословения на мне женился. Я о том и знать не знала. Жила с

батюшкой своим, Алексеем Фёдорычем покойным, в липецком имении нашем Покровском. Осип по казённой надобности на чугунных заводах тогда бывал и часто к нам заезжал. Посватался ко мне, батюшка меня и отдал. Мне жених по сердцу пришёлся: весёлый, ловкий, на ногу лёгкий. И лицом приятен был, хоть и арап. О его долгах и разгулах мы ничегошеньки не ведали. Абрам Петрович за такую жизнь на сына очень серчал. После свадьбы приехали мы к свёкру в Суйду. Как впервой увидала я его, так и обмерла, ноженьки мои подкосились. Сам он лицом тёмн, глядит строго, глазами как сверкнул! Страшно мне сделалось. Он водой меня попрыскал, я в себя пришла. И вовсе не таким ужасным старый арап оказался. С добром ко мне относился и к матери твоей новорождённой. А супруг беспутный моё приданое промотал, нас у отца своего бросил и потом с Устькой Толстой незаконно повенчался. Да брат его Иван Абрамыч, матери твоей крёстный, генерал прославленный, вступился за меня тогда перед государыней Екатериной Алексеевной, не оставил в бедности погибать. Государыня велела вторую женитьбу супруга моего незаконной признать и наказать его примерно. А мужнино имение Кобринское опека за нами удержала, не то б и его промотал. Я Осипа с тех пор не видала, да и та жена незаконная покинула его. Давно один-одинёшенек живёт он в Михайловском, старый да немощный. Так-то вот. Недаром в народе говорят: кто мать и отца не слушает, не почитает, тот в добре не бывает... Да поздно уж, спать пора», — закончила свой рассказ бабушка, заметив, что внук трёт глаза кулачками.

Укладывает Марья Алексеевна Сашу, склонилась над ним в своём кружевном чепце, очках и тёплой шали на плечах, поцеловала и перекрестила, а мальчик не спит ещё, просит:

— Бабенька, расскажите дальше про Бову-королевича. Ну, расскажите!

— Так и быть, слушай. Вот продали корабельщики пленённого ими Бову царю Зензевею. И служит храбрый Бова-королевич ему на конюшне. А у того царя была дочь, прекрасная царевна Дружневна. Увидела она из своих хором Бову на конюшне и пленилась его несказанной красотой. Надела Дружневна богатое платье, пришла в терем к отцу своему и просит: «Государь ты мой, батюшка! Много у меня мамок, да нянек, да девушек сенных, а слуги ни одного нет. Завтра, батюшка, на пиру у стола и послужить некому. Дай мне своего холопа, что купил ты вчера у корабельщиков». Зензевей любил свою дочь, велел он позвать Бову и приказал ему служить Дружневне.

А прекрасная царевна на пиру нарочно нож под стол уронила да говорит: «Бова, подай мне нож!» И Бова кинулся исполнять приказание. Тут и сама Дружневна опустилась под стол, ножа не взяла, а взяла Бову за голову и целовала его в уста сахарные и в очи ясные. А Бова вырвался, опять стал у стола и начал свою госпожу ругать: «Прекрасная царевна Дружневна! Негоже тебе меня, раба своего, целовать. Отпусти меня к товарищам». И пошёл Бова на конюшню, а царевна не могла вслед ему наглядеться. Лёг Бова спать и спал пять дней и пять ночей.

Встал Бова и слышит конское ржание. Вошёл он в хоромы и спрашивает: «Государыня-царевна! Что за конский топ и ржание в нашем царстве?» Дружневна отвечает ему: «Бова, долго спишь, ничегошеньки-то не знаешь! Пришёл из Задонского царства король Маркобрун и с ним сорок тысяч воинов, всё наше царство осадил. И батюшка мой не смог его разбить, и встретил его в городских воротах, и назвал его любимым зятем, а мне мужем». Тогда Бова пошёл на конюшню, оседлал жеребца да поехал к Маркобруновой дворне тешиться. Не было у него ни меча-кладенца, ни копья, лишь взял метлу с собой. И стала дворня над Бовой насмеяться и

наезжать по пять, по шесть человек. Начал Бова-богатырь скакать, метлою махать. И прибил так пятнадцать тысяч человек. Увидала Дружневна, что Бова один скачет, и ей стало жаль, что убьют его. Надела она богатое платье, пошла к отцу своему царю Зензевею и просит: «Государь мой батюшка, вели Бову унять, что ему за честь с маркобруновой дворнёй тешиться?» И Бова поехал тогда на конюшню, и лёг спать, и спал девять дней и девять ночей... И ты спи, внучек. Что дальше было, завтра доскажу. Утро вечера мудренее.

* * *

Бабушкины рассказы и сказки, сам облик её стали для Саши незабываемыми образами счастливого детства и воплотились в благодарные строки, которые он сочинил в 1822 году:

*Наперсница волшебной старины,
Друг вымыслов игривых и печальных,
Тебя я знал во дни моей весны,
Во дни утех и снов первоначальных...*

*Ты, детскую качая колыбель,
Мой юный слух напевами пленила
И меж пелён оставила свирель,
Которую сама заворожила.*

Впервые в Захарове

В ноябре 1804 года Марья Алексеевна купила небольшое имение Захарово в Звенигородском уезде. В сельце тринадцать крестьянских дворов и земельные угодья окрест. Деревянный двухэтажный барский дом с портиками, бельведером и двумя флигелями стоит на пригорке, окружённый тенистым парком с цветниками. Напротив него берёзовая роща. Сад спускается к речке Шараповке, запружённой в месте слияния с речкой Площанкой. Виды вокруг сельца бабушке очень понравились. Хорошо здесь будет летом внучатам! От Москвы, конечно, далеко — сорок вёрст, зато до Звенигорода недалеко. А приходская церковь и вовсе близко — всего-то в двух верстах в селе Вязёмы, имении князя Бориса Владимировича Голицына, её дальнего родственника. Прежние владельцы Захарова Тиньковы часть крестьян оставили за собой и переселили их в другие свои имения, а освобождённые избы и один из флигелей заняли дворовые Марья Алексеевны, крепостные и вольные. В сельцо переехал и Егор Фёдорович Матвеев, сын овдовевшей к тому времени Арины Родионовны, а ранней весной приехала шестнадцатилетняя Марьюшка с братом Стёпкой.

В середине мая 1805 года Сергей Львович Пушкин повёз в Захарово жену и детей. Было уже тепло, поэтому отец и старшие дети с дядькой ехали в открытом четырёхместном экипаже. Няня Ульяна больше за Сашей не ходила. За подросшими мальчиками теперь присматривал дядька Никита Козлов, камердинер отца. С ними «путешествовали» моська Жужу и кот Тришка, усаженные каждый в свою просторную корзинку с мягкой подушкой. Надежда Осиповна с младенцем Лёвушкой, родившимся 17 апреля, на пасхальной неделе, болезненным Николенькой, Ариной Родионовной и кормилицей отправились в путь в закрытой карете, опасаясь сквозняков. Следом дворовые везли домашний скарб на подводах.

В дороге всё казалось Саше и Оле таким интересным! Вначале ехали по шумной многолюдной Москве с её дворцами, садами, купеческими домами, торговыми рядами, златоглавыми церквями и монастырями. Минув заставу, выехали на Звенигородский тракт. Перед глазами проплывали подмосковные сёла и деревеньки, засеянные поля и заливные луга, леса с высокими тёмно-зелёными елями и соснами вперемежку с белыми берёзами и осинами, шумевшими молодой листвой.

Часа в четыре пополудни въехали в Захарово. Во дворе их встретила слышавшая звон колокольчиков бабушка с двóрней. Сергей Львович первым соскочил с подножки экипажа и подал руку жене, выходящей из кареты. Марья Алексеевна расцеловала дочь и приняла на руки крошку Лёвушку. Арина Родионовна подхватила Николеньку. Никита помог слезть сначала Оле с Жужуткой на руках, а потом и Саше. Дети стали с интересом оглядывать двор. Каким он показался им просторным после московского дворика, стиснутого со всех сторон особняками!

— Здрóрово здесь! — вырвалось у Саши.

— Очень здóрово! — согласилась сестра. — Бабенька, а где мы будем жить? — спросила девочка у Марьи Алексеевны.

— Вон там, Олюшка, во флигеле для вас с няней и Никитой комнаты приготовлены, — ответила бабушка. — Параша, горничная ваша, знает, какая для кого.

Понявчив немного Лёвушку, бабушка поручила его кормилице и подошла к экипажу, где в корзине всё ещё восседал Тришка, беспокойно оглядываясь и принюхиваясь к новым запахам.

«Тришенька, иди ко мне, мой котик!» — бабушка взяла любимца на руки и понесла к дому, намереваясь пустить его первым по русскому обычаю.

Тут к детям с лаем подбежал серый дворовый пёс с чёрной «кляксой» на лбу. Жужу заворчала на него, а Оля в первый момент отпрянула.

«Свои, свои, Соколко! — прикрикнула на пса Марья Алексеевна. — Не бойся, Олюшка, он добрый, никого не тронет и Жужутку твою не обидит».

Первым осмелился Саша и почесал пса за ушком. Соколко весело завилял хвостом-бараночкой. Тут и четырёхлетний Николенька подбежал и стал его гладить. Оля с опаской спустила всё ещё ворчащую моську на землю. Собаки обнюхали друг друга и подружились. Да и не из-за чего им было ссориться! Жужу ведь вовсе не претендовала на удобную Соколкину конуру, а пса её диванная подушка подавно не интересовала.

«Ну вот и поладили. Триша, да не рычи ты», — бабушка успокаивающе погладила кота и пошла в дом. Следом вошли Надежда Осиповна и Сергей Львович. За ними дядька Никита и повар Алексашка понесли тяжёлый сундук с добром.

Дети заглянули в свои комнаты во флигеле и, сочтя их вполне подходящими, тут же выбежали во двор. Как здесь было чудесно! Вокруг благоухала си-

рень, шумели берёзы и липы, а яблоневый сад уже отцветал.

Засидевшиеся в дороге Оля и Николенька стали весело бегать по двору. К ним присоединился Стёпка и обе собаки. Тут и Саша начал носиться вместе со всеми с неожиданной прытью.

Пока родители устраивались в доме, обнюхавший и одобрявший новые владения Тришка важно вышел на крыльцо. Вдруг из кустов выскочил поджарый рыжий кот — кудлатый, весь в репьях.

— Мя-у-у-у! — завопил он на Тришку.

Тот в долгу не остался и тоже басовито заорал на соперника:

— Ма-а-а-а-у-у!

Тришка грозно зашипел, выгнул спину и поднял мощную когтистую лапу, готовясь нанести удар. Коты ещё несколько раз провопили, пугая друг друга, но до драки дело не дошло. Рыжий сам отпрыгнул к кустам, признавая победу соперника.

— Васька, Васенька, — стал утешать захаровского кота Стёпка, почёсывая ему под горлышком.

На крыльцо вышла Надежда Осиповна, услышавшая кошачьи вопли.

— Фу, грязный какой! — брезгливо сказала она, увидев Ваську. — Не смей его трогать! А то лишай подхватите!

Стёпка отпустил кота, и тот юркнул в кусты. Однако через полчаса дети нашли как ни в чём не бывало умывающегося Ваську в своём флигеле у печки. Прогонять его, конечно, не стали.

Судьба, отвернувшаяся было от рыжего кота, вскоре смиростивилась. На дом он больше не претендовал, зато «детский» флигель остался за ним. Васька «втёрся в доверие» к горничной. Она его понемногу откормила, вычесала репьи и колтуны, несмотря на царапины, которыми новоиспечённый любимец щедро «одаривал» её

поначалу. Потом строптивый Васька всё-таки смирился с «парикмахерскими» и банными услугами Параши, относясь к ним как тяжкой необходимости, ведь после его вкусно угощали. И скоро он превратился в упитанного пушистого кота. Всякий раз, когда он возвращался с ночной охоты, горничная старательно выбирала у него репы из густой длинной шерсти, расчёсывала и наливала полную плошку свежего молока. Во дворе кот появлялся уже в полном порядке. «Васька из Парашкиной цирюльни!» — шутливо «представлял» кота Сергей Львович, время от времени приезжавший в Захарово из Москвы к жене и детям.

Даже Надежда Осиповна уже ничего против Васьки не имела, после того как увидела кота во дворе волокущим здоровенную крысу.

В деревне дети почувствовали себя вольготно. Вокруг просторы полей, леса, холмы. Свежий воздух дышит ароматами трав и полевых цветов. Благодать! Сколько здесь жуков и букашек разных! А бабочки какие красивые, необычные! В городских парках их тоже немало, но здесь, в Захарове, куда больше: кроме привычных капустниц, лимонниц, крапивниц и павлиноглазок порхают голубянки, перламутровки, огнёвки, бабочки-адмиралы и даже махаоны. Иногда и другие бабочки появляются, неизвестные детям.

Саше особенно полюбилась берёзовая роща напротив дома и зеркальный пруд, где отражается сад, деревенские избы и плывущие по небу облака. Мальчик то бежит с Олей, Стёпкой и крестьянскими ребятами в парке и роще, то вдруг остановится, поражённый красивым видом, и отстанет ото всех. Потом мчится вприпрыжку, сбивая палкой метёлки высокой полыни.

Часов в пять пополудни захаровские ребятишки собираются на ровной лужайке. Кто играет в кубари, кто в бабки. Стёпке старший брат сделал кубарь — деревянный волчок. Когда его раскрутишь и станешь

Art.

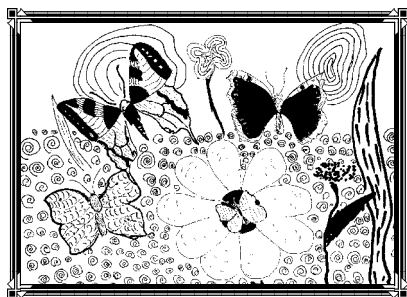
подстёгивать кнутиком, то он долго вертится на ровно выструганном деревянном настиле или на полу.

Младшие дети ещё новички и соревнуются по-простому: у кого кубарь дольше не упадёт, тот и выиграл. Ребята постарше здорово умеют крутить кубари: они у них и подпрыгивают, стучаясь друг о друга, а иногда и сальто делают! Выигрывает тот, кто повалит кубари у всех остальных.

Научиться пускать кубарь оказалось не так-то просто! У Саши долго не получалось. Да и кубаря у него пока не было, Стёпка свой ему одалживал поучиться. Мало-помалу кубарь у Саши перестал сразу валиться набок и начал крутиться ровнее и дольше.

26 мая мальчику исполнилось шесть лет. Бабушка и мать подарили ему расшитую белую праздничную рубашку, а Оля, зная, что брат давно уже перестал терять платки, положила ему в карман новый платочек, на котором вышила переплетённые буквы «А» и «П» — Сашин вензель. Но, пожалуй, больше всего его порадовал новый кубарь, подаренный Ариной Родионовной и Стёпкой. Кубарь этот Егор специально выстругал для именинника.

На вечерней заре приехал из Москвы Сергей Львович, отпущенный со службы по случаю предстоящего 28 мая праздника Троицы. Отец привёз Саше в подарок раскрашенных оловянных солдатиков. Это была радость и для Николеньки, обожавшего играть в солдатиков со старшим братом.

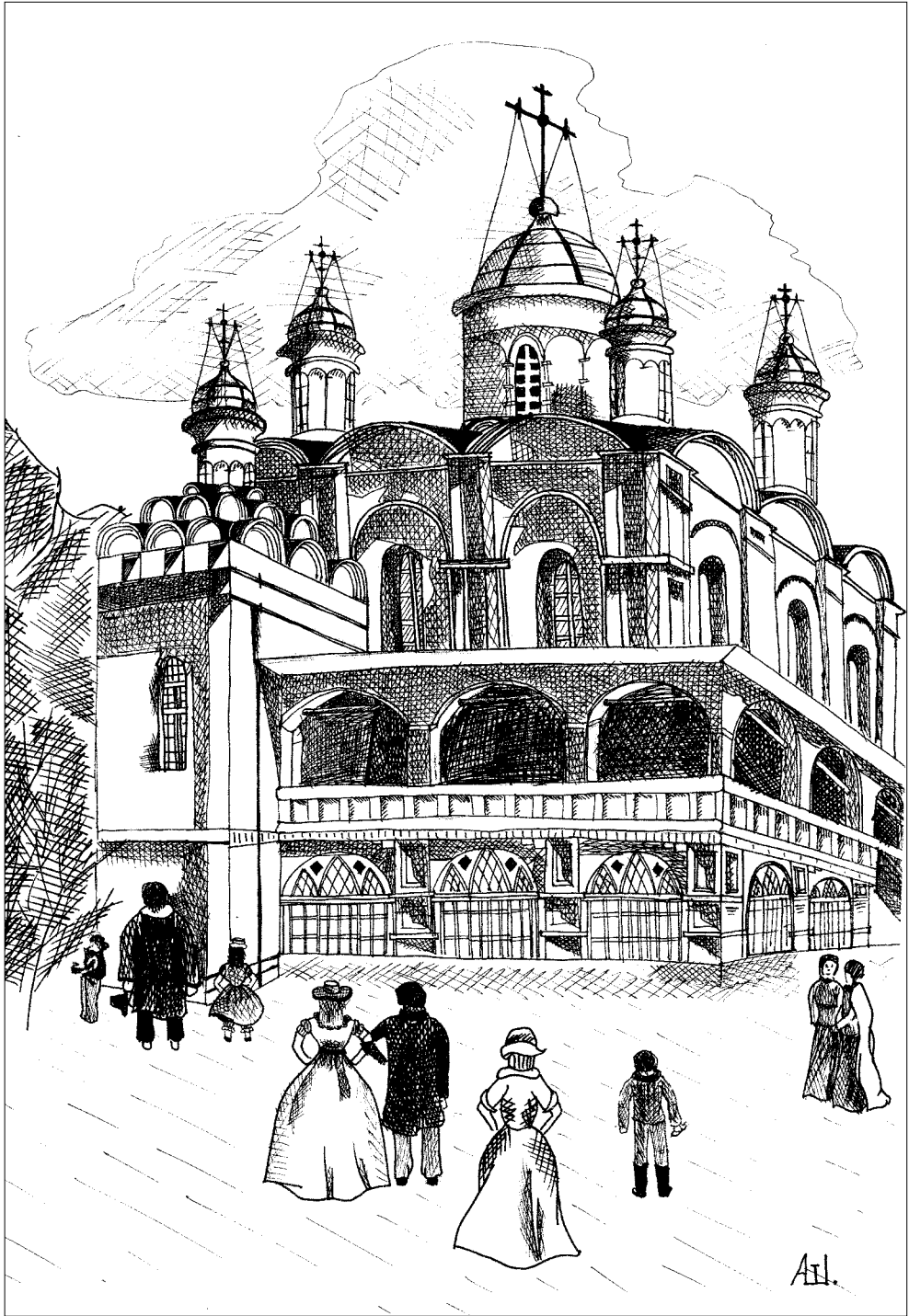

Праздник Троицы

На Троицу Пушкины поехали к праздничному богослужению в Вязёмы. Саша был в новой рубашке, Оля в нарядном сиреневом платье. Сергей Львович со старшими детьми и Никитой выехали пораньше, к началу службы, а Надежда Осиповна с Марьей Алексеевной, Ариной Родионовной и младшенькими — попозже, прямо к причастию.

Дорога до Вязём на коляске, запряжённой парой лошадей, заняла меньше получаса. Подъезжая к селу, дети залюбовались открывшейся перед ними панорамой с пригорка. Хозяйство Вязём было хорошо налажено ещё прежним владельцем — князем Николаем Михайловичем Голицыным. Добротные избы, которые в холодное время топились по-белому, утопали во фруктовых садах. Кругом тщательно возделанные поля и сенокосы. Речка Вязёмка возле барской усадьбы запружена широкой плотиной. В пруд смотрятся красивый каменный дворец с двумя каменными флигелями, стройная пятиглавая Преображенская церковь с необычной арочной двухъярусной звонницей. В Москве Саша подобной не видел. Сергей Львович рассказал детям, что такие звонницы не редкость в Псковской губернии, что Преображенский храм построен больше двухсот лет назад, ещё при царе Борисе Годунове, которому принадлежали тогда Вязёмы.

Пушкины уже почти подъехали, когда начали звонить к службе. Перекрестившись, все вышли из экипажа. Возле церкви их уже поджидали Марьюшка в праздничном сарафане и Стёпка в чистой белой холщовой рубахе. Они пришли из Захарова пешком. Пока звон не умолк, Оля с Сашей побежали посмотреть, как же звонят с такой необычной звонницы. Звонарь в чёрном стихаре и скуфейке стоял на возвышении под арками и дёргал за верёвки, привязанные не к языкам, а к самим колоколам, которых было шесть — по одному в каждой арке.

Он ловко управлялся со своим «музыкальным инструментом», ударяя в колокола то поочерёдно, то одновременно в несколько. Получался красивый многоголосый праздничный звон. Наконец он ударил в самый большой колокол и отпустил верёвки.

«Барич, барышня! Идёмте скорей на службу, не то опоздаем. Сергей Львович вас ищет», — услышали дети звонкий голос Марьюшки. Девушка протянула им по берёзовой веточке и повела в храм.

В церкви было светло и празднично. Пахло ладаном, восковыми свечами и свежими берёзовыми листьями. Возле алтаря поставлены две срубленные молодые берёзки, а пол устлан берёзовыми ветками, как принято на Троицу. Высокие сводчатые потолки, стены и столпы в давние времена расписаны ликами святых и Евангельскими сценами.

Сергей Львович, Оля, Стёпка и Марьюшка пошли на исповедь, а Саше исповедоваться ещё не полагалось, и он всю службу стоял рядом с Никитой. На одной стене он заметил какие-то странные буквы, но прочесть ничего не смог. Мальчик тихонько спросил Никиту, но тот ответил, что написано — де не по-нашему, не по-русски и что на службе лучше не разговаривать, иначе Бог пошлёт скорби. Потом отец пояснил детям, что это польские солдаты, стоявшие в Вязёмах в 1610 году, оставили на стенах свои «визитные карточки».

После службы и причастия Пушкины вернулись в Захарово прямо к праздничному столу, накрытому напротив дома в берёзовой роще. Повар Алексашка подал дымящиеся щи, запечённую в тесте (или «в скатерти», как говорила бабушка) большую щуку, пойманную накануне Никитой в Площанке, и яичницу. На сладкое был компот с пирогами. Отобедав, дети и взрослые поспешили на большую поляну, где началось гулянье.

Гуляли в Захарове очень весело. Парни танцевали на ходулях, играли на балалайках. Крестьянские де-

вушки в ярких сарафанах и берёзовых венках водили хороводы вокруг берёз, украшенных цветными лентами, и пели:

*Берёзонька кудрявая,
Кудрявая, моложавая.
Пред тобой, берёзонька,
Всё не мак цветёт,
Под тобой, берёзонька,
Не огонь горит,
Не мак цветёт —
Красны девушки
В хороводе стоят,
Про тебя, берёзонька,
Всё песни поют.*

Молодые мужики последний день играли в битки: один зажимает варёное яйцо в руке, а другой бьёт по нему своим яйцом. Чьё яйцо треснуло, тот отдаёт его сопернику. Но самой увлекательной показалась Саше игра в горелки.

Парни и девушки встали попарно вереницей, взялись за руки и поют:

*Гори, гори ясно,
Чтобы не погасло.*

Горельщик Алёшка в расшитой крестиком рубахе, подпоясанной плетёным поясом, стоит спиной к остальным. Услышав слова: «Глянь на небо», — он смотрит вверх. Последняя пара — Марьюшка с невысоким крестьянским парнем Федькой — разъединяется и идёт вдоль вереницы. Хороша Марьюшка в нарядном новом сарафане и перевитом красной лентой берёзовом венке с ромашками! Не сказать, чтоб красавица писаная, но хороша! Тем временем хор заканчивает песню:

*Птички летят,
Колокольчики звенят!*

Марьюшка и Федька пускаются бежать к заветному кусту, где они могут соединить руки, но Алёшка быстро

догоняет девушку. Осалил, взял её за руку и, весело смеясь, ведёт в начало вереницы. А как смотрит на неё! Глаза так и горят! И она вся зарделась, заливисто смеётся и таким же горящим, кокетливым взглядом ему отвечает.

Саше отчего-то досадно, что не к нему обращено внимание Марьюшки, что так же смотрит она на Алёшку, как мать иногда глядит на отца. Детская ревность овладела мальчиком, и он уже рассеянно наблюдает за следующим горельщиком и другой убегающей от него парой. Не укрылись от Саше и завистливые взгляды захаровских девчат на Марьюшку: кавалер-то её — первый жених на деревне, хоть и пятнадцатый ему только год. Сам рослый, ладный, сильный уже, а отец его Никита Андреев — крестьянин зажиточный, хозяйство у него по здешним меркам крепкое, богатое. У Алёшки на ногах не лапти, как у других парней, а добротные сапоги, справленные отцом.

— Бежим и мы играть в горелки! Стёпка зовёт, — Оля тянет брата за руку к другой веренице, образованной парами деревенских ребятшек.

Саша становится ближе к началу в паре с Олей и поёт со всеми:

*Гори, гори ясно,
Чтобы не погасло...*

Вечером крестьянские девушки пошли к Шараповке, стали снимать свои венки, перекрестившись, опускать на воду и отталкивать от берега со словами:

*Венок мой берёзовый,
Плыви — не утони,
Счастье, несчастье
На год покажи.*

Марьюшкин венок столкнулся с другим и прибился к берегу там, где парни стояли. «Нынешний год замуж выйдешь, — шепчут ей девчата. — Примета верная! Сужена-ряжена не обойдёшь и на коне не объедешь...»

Прошло несколько дней. Арина Родионовна гуляла с Лёвушкой на руках во дворе, когда прибежал из деревни запыхавшийся Стёпка:

— Маманя! К нам сваты нынче будут от дядьки Никиты!

— От какого Никиты? — переспросила няня.

— Да не от нашего, а от захаровского! — пояснил Стёпка. — Сеструху за Алёшку сватать хотят.

— Иди, иди, Ариша, готовься принимать сватов. Я с внучонком посижу. Никита — крестьянин крепкий, работающий, да и сынок в него пошёл, — одобрила сватовство Марья Алексеевна. — Не всякому жена Марья, а кому Бог даст! — улыбаясь, добавила она вдогонку няне.

Так и просватали Марьюшку за Алёшку, а свадьбу положили сыграть после уборочной страды.

Волчонок

До осени было ещё далеко, но Арина Родионовна начала готовиться к свадьбе дочери загодя. Пока Лёвушка спал, Марья Алексеевна отпускала няню в деревню к Егору похлопотать о приданом. Саша частенько увязывался за ней, чтоб и Марьюшку повидать, и со Стёпкой поиграть, и кроликов, которых разводил Егор, угостить чем-нибудь вкусеньким.

После Петрова дня няня ненадолго зашла к дочери и старшему сыну по делам. Вечерело. На улице было уже нежарко. Разговоры взрослых не интересовали детей. Они кормили кроликов, когда с улицы донёлся шум. С гиканьем и улюлюканьем мимо плетня пронеслись деревенские ребята. Стёпка невозмутимо продолжал своё дело, а Саше стало любопытно, и он потрусил за ними.

Мальчишки волокли на верёвке маленького волчонка. Тот отчаянно рычал и упирался всеми четырьмя лапами. Саше показалось это забавным, и он побежал с ребятами, дразня его подобранным на дороге прутом. Волчонок скалился, рычал, тщетно продолжая упираться, и вдруг пронзительно заскулил. И Саше стало жаль затравленного зверёныша, совестно за свой жестокий поступок.

— Хватит, не надо! А ну, отпусти его! — закричал он, пытаясь вырвать верёвку у Гришки, белобрысого веснушчатого мальчишки полутора годами старше его.

— Пустите, барич, не Ваш волчок. Мой батька его поймал! — Гришка дёрнул верёвку на себя и оттолкнул Сашу.

Тот упал, ободрав коленку. Слезы невольно закапали у него из глаз, но не от боли, которой он вначале не почувял, а от обиды за свою неловкость и бессилие. Он хоть и не был уже таким неуклюжим увальнем, как раньше, но Гришка-то куда ловчее и сильнее его.

Арина Родионовна и Марьюшка стояли спиной к плетню, занятые разговором, и не видели происходив-

шего. Но от Егора ничего не укрылось. Подхватив несколько упругих хвостин, он побежал к ребятам. Стёпка припустился за ним. Мальчишки бросились врассыпную, а придушенный обессиленный волчонок остался лежать на земле. Однако когда Егор попробовал его взять, он из последних сил зарычал.

— Ишь, скалится! Стёпка, принеси-ка из кладовки кожаные рукавицы, — велел Егор брату и, увидев подоспевшую Марьюшку, добавил: — Я тут постерегу волчка, а ты, Машутка, отведи барича в избу, маманя ему коленку завяжет. Да пересадите-ка кроликов в одну клетку. Зверёныша-то голыми руками не возьмёшь да в лес не снесёшь — дух испустит. Посидит, чай, в кроличьей клетке, пока конуру ему не сделаю.

— Я мигом! — ответил Стёпка уже набегу.

Когда волчонка принесли во двор и пустили в клетку, Стёпкина собака Жучка так и вертелась возле неё, исходя лаем. Пришлось её пока на цепь посадить.

Волчонку дали обрезков мяса и налили молока. Он с жадностью всё съел, но глядел всё равно злобно, затравленно.

На другой день Саша пришёл его проведать. Егор со Стёпкой мастерили во дворе новую конуру. Подойдя к клетке, Саша сунул волчонку куриную косточку и еле успел отдёрнуть руку: зверёныш мгновенно схватил угощение, отполз в дальний угол клетки и зарычал.

— Берегитесь, тятнет! Он злюка! — предупредил Стёпка. — Ступайте лучше к нам.

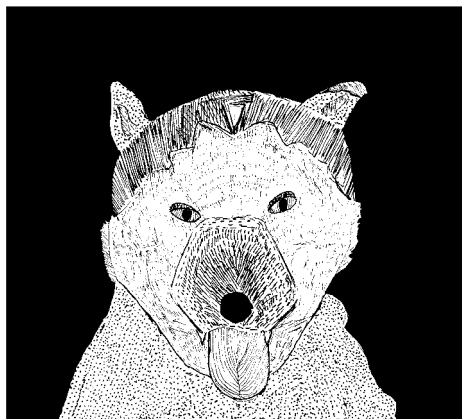
Саша стал помогать сколачивать конуру. Егор дал ему маленький молоток, гвозди и показал, как и где их забивать. Вначале у мальчика ничегошеньки не получалось. Он не раз попадал молотком по пальцам, но крепился, не плакал. Гвоздь то вбивался криво и совсем не туда, куда надо, то отскакивал на землю. Посмотрев, как умело забивают гвозди Егор и Стёпка, Саша изловчился и, наконец, вбил первый гвоздь.

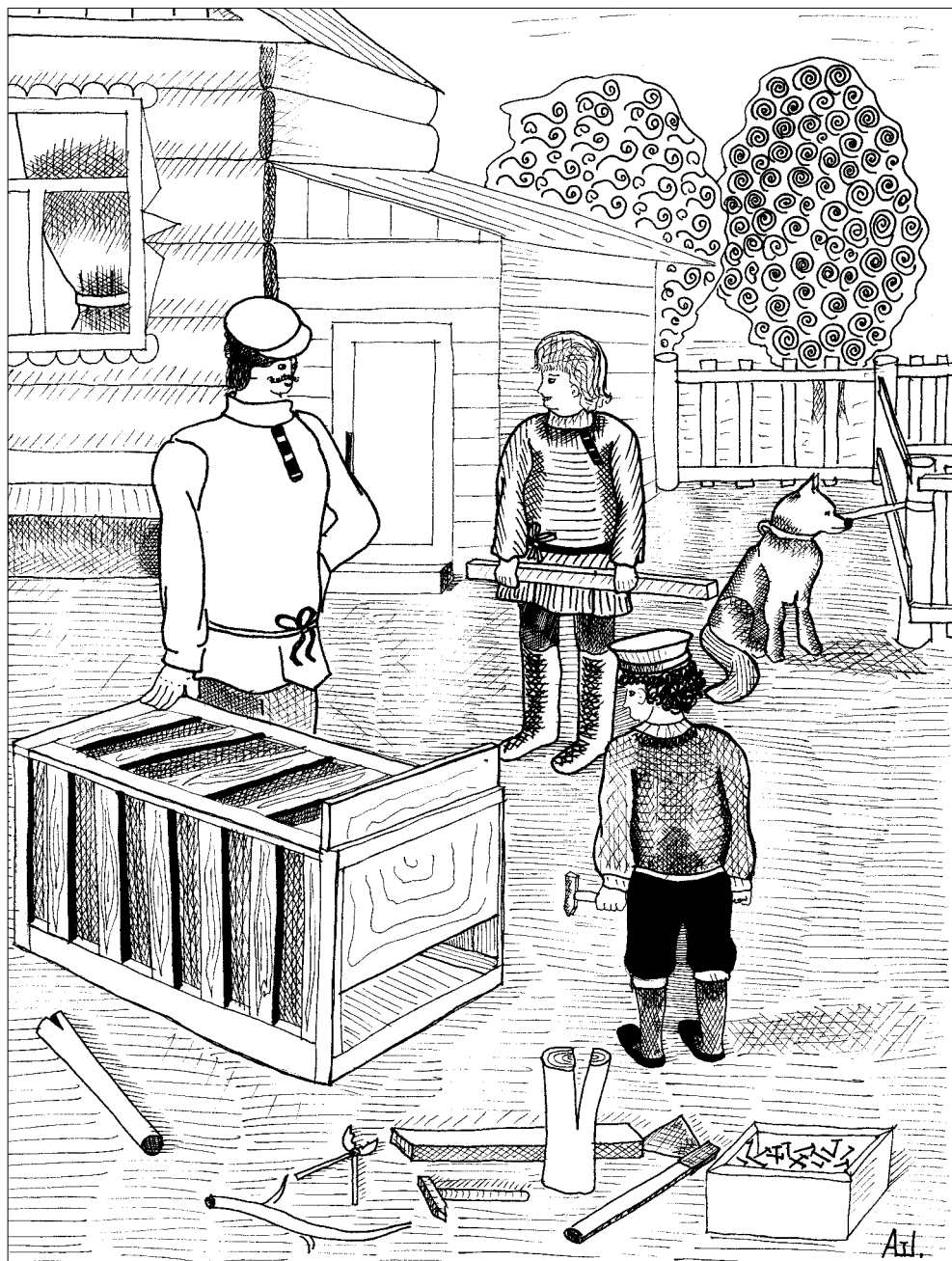
— Молодец! — похвалил его Егор. — А теперь ещё вот сюда забейте.

Лиха беда начало! В этот раз у Саши вышло забить только два гвоздика, но потом он наловчился их забивать, помогая Егору чинить деревянный забор вокруг барского дома.

Волчонка поселили в новой конуре за огородом, чтобы Жучка не видела его и напрасно не брехала. Дабы загладить свою вину, Саша часто приносил зверёнышу угощение. Через неделю тот окреп и немного подрос, но оставался по-прежнему злым и диким, рвался с цепи при виде людей и визгливо лаял. И на Сашу рычал, и на Олю, а Николеньку так напугал, что Арина Родионовна с трудом его успокоила.

— Сколько волка ни корми, всё в лес смотрит, — сетовала она. — Нам перед свадьбой только с волком возиться и не хватало.

— Ничего, маманя. Бог даст, пристроим куда-нибудь, — успокаивал её Егор.

Так и вышло. Отправившись на Ильин день в Звенигород купить материи для приданого Марьюшки и вся-

ких нужных в хозяйстве мелочей, Егор сговорился с крестьянином какого-то помещика, державшего в имении зверинец. Накануне там матёрый волк перегрыз решётку да сбежал в лес. Тот дюжий мужик приехал в Захарово на подводе с крепкой клеткой, ловко пересадил в неё волчонка и увёз. Арина Родионовна вздохнула с облегчением.

Марьюшкину свадьбу сыграли в сентябре. Два года назад, когда выходила замуж за Матвея Михайловича Сонцова тётушка Елизавета Львовна, Саша и Оля были ещё малы и почти ничего не запомнили. Да и свадьба крестьянская не очень-то походила на дворянскую — разве что таинством венчания. Оттого всё детям было в новинку, всё интересно — и притворные слёзы невесты на девичнике, и приезд жениха за нею, когда девушки пели:

*Как в долу-то берёзонька белёхонька стоит,
А наша невеста белее её,
Белее снегу белого её лицо.
Шла наша Марьюшка от высокого терема,
Несла она золоту чару вина.
Она чару расшибла, всё вино пролила,
Всё гляючи на Алёшу своего,
На Алёшу своего, на кудёрушки его:
Видеть ли мне, кудёрушки, вас у себя?
На правой на ручушке, на золотом перстеньке?*

Особенно запомнилось, как девушки величали «молодого князя со княгинею» после их возвращения из Вязёмской церкви:

*Ягода с ягодой сокатила!
Ягода ягоде поклонилась!
Ягода с ягодой слово молвила!
Ягода от ягоды не вдали росла!*

Нянины сказки

Прохладным сентябрьским вечером дождь мерно стучит в окно, барабанит по крыше, а ветер в саду разгулялся, срывает с деревьев начавшие желтеть листья. В горнице тепло и уютно: заботливая Параша протопила печку. Маленький Лёвушка спит в своей комнатке под присмотром горничной. Старшие дети сидят тихо вокруг няни и слушают. Напевный голос Арины Родионовны звучит негромко, задушевно, погружая маленьких слушателей в волшебный мир народной сказки:

«В некотором царстве-государстве жил-был царь Султан Султанович турецкий. Задумал он жениться да не нашёл по своему нраву никого. Подслушал он однажды разговор трёх сестёр. Старшая хвалилась:

— Была бы я царицей, одним зерном бы всё царство накормила.

Вторая посулила одним куском сукна всех одеть. Третья, прекрасная собой, говорит:

— А я бы с первого года родила царю тридцать три сына.

Царь и женился на меньшей. Уехал он воевать, а мачеха его, завидуя своей невестке, решила её погубить. После трёх месяцев разрешилась царица благополучно тридцатью тремя мальчиками, а тридцать четвёртый уродился чудом — ножки по колено серебряные, ручки по локотки золотые, во лбу звезда, на затылке — месяц. Послала царица гонца известить о том царя, а мачеха задержала гонца на дороге, пьяным напоила и подменила письмо, в коем написала, будто царица разрешилась не мышью, не лягушкой, а неведомой зверушкой. Царь весьма опечалился, но с тем же гонцом повелел дожидаться приезда его. Мачеха опять подменила приказ и написала повеление, чтоб заготовить две бочки — одну для тридцати трёх царевичей, а другую для царицы с чудесным сыном — и бросить их в море. Так и сделали...»

Дети затаили дыхание. Николенька забрался к няне на колени. На подушке рядом с Олей сладко дремлет Жужу. Саша не шелохнётся на стуле, живо представляет он сказочные события, о которых повествует няня:

«Долго плавали царица с царевичем в засмолённой бочке. Наконец море выкинуло их на остров. Сын заметил это и говорит:

— Матушка ты моя, благослови меня на то, чтоб рассыпались обручи и вышли бы мы на свет.

— Господь благослови тебя, дитяtko.

Сын поднатужился, обручи лопнули, и вышли царевич с царицей на свет. Сын избрал место, с благословения матери выстроил город и стал в оном жить да править.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Плывёт мимо корабль. Царевич остановил корабельщиков и принял как дорогих гостей. Узнав, что едут они к государю Султану Султановичу, обратился в муху и полетел вслед.

Приплыли корабельщики, пошли к царю, и царевич за ними. Мачеха хочет его поймать, а он никак не даётся. Гости рассказывают царю о новом государстве и о чудесном отроке — ноги по колено серебряные, руки по локоть золотые, во лбу звезда, на затылке месяц.

— Ах! — говорит царь. — Поеду посмотреть на чудо.

— Да что это за чудо! — отговаривает его мачеха. — Вот что чудо: у моря-лукоморья стоит дуб, а на том дубу золотые цепи, и по тем цепям ходит кот: вверх идёт — сказки сказывает, вниз идёт — песни поёт.

Царевич прилетел домой и с благословения матушки перенёс к дворцу чудный дуб...»

Детям интересно узнать, что дальше было. Как сквозь сон слышат они: кто-то начал скрестись в дверь. Потом снизу показалась когтистая лапка, потянула дверь на себя, и в горницу проскользнул довольный, сытый Васька. Кот зевнул, потянулся и подошёл к детям,

выбирая, у кого бы устроиться на коленях. Жужу приоткрыла один глаз и тихо заворчала. Васька отошёл от Оли, мягко вспрыгнул на Сашины колени, потоптался и улёгся клубком. Саша тихонько поглаживает Ваську, тот умиротворённо урчит, а мальчику чудится, будто кот вместе с няней сказку рассказывает.

«Плывёт мимо другой корабль, — продолжает Арина Родионовна. — Царевич остановил корабельщиков и принял как дорогих гостей. Узнав, что едут они к государю Султану Султановичу, снова обратился в муху и полетел вслед. Приплыли корабельщики, пошли к царю, и царевич за ними. Мачеха опять хочет его поймать, а он никак не даётся. Гости рассказывают царю о новом государстве, о чудесном отроке — ноги по колено серебряные, руки по локоть золотые, во лбу звезда, на затылке месяц.

— А перед дворцом, — говорят корабельщики, — стоит дуб, на том дубу золотые цепи, и по тем цепям ходит кот: вверх идёт — сказки рассказывает, вниз идёт — песни поёт.

— Ах! — говорит царь. — Поеду посмотреть на чудо.

— Да что это за чудо! — отговаривает его мачеха. — Вот что чудо: за морем стоит гора, а на той горе два борова грызутся, а меж ними сыплется золото да серебро.

Царевич прилетел домой и с благословения матушки перенёс чудных боронов к своему дворцу.

Скоро сказка рассказывается, да не скоро дело делается. Плывёт мимо третий корабль. Царевич остановил корабельщиков и принял как дорогих гостей. Узнав, что едут они к государю Султану Султановичу, в третий раз обратился он в муху и полетел вслед.

Приплыли корабельщики, пошли к царю, и царевич за ними. Мачеха пуще прежнего хочет его поймать, а он никак не даётся. Гости рассказывают царю о новом государстве и о чудесном отроке — ноги по колено серебряные, руки по локоть золотые, во лбу звезда, на затыл-

ке месяц, о дубе с золотой цепью, по которой ходит кот, рассказывает сказки и песни поёт.

— А на горе за дворцом, — говорят корабельщики, — два борова грызутся, и меж ними сыплется золото да серебро.

— Ах! — говорит царь. — Поеду посмотреть на чудо.

— Да что это за чудо! — отговаривает его мачеха. — Вот что чудо: из моря выходят тридцать три отрока, точь-в-точь равны — и голосом, и волосом, и лицом, и ростом. А выходят они из моря только на один час.

Царевич прилетел домой и рассказал матушке о тридцати трёх отроках.

— Это братья твои, — говорит царица, печалась об остальных своих детях.

— Не тужи, матушка, — говорит царевич. — Благослови меня отыскать их.

— Господь благослови тебя, дитяtko.

— Нацеди ты, матушка, своего молочка да замеси тридцать три лепёшечки.

Царица так и сделала. Взял царевич лепёшечки, пошёл к морю и положил их на берегу. Всколыхнулось море, вышли тридцать три юноши и с ними старик. Один из юношей съел лепёшечку.

— Ах, братцы, — говорит он, — до сих пор не знал я материнского молока, а теперь узнал.

Тут старик погнал их в море. На другой день вышли они опять, остальные съели все по лепёшечке и узнали брата своего. Старик опять погнал их в море. А на третий день вышли без старика, и царевич привёл всех братьев к своей матушке. Царица обрадовалась, детей расцеловала, и стали они все вместе жить, городом править.

Скоро сказка рассказывается, да не скоро дело делается. Снова плывёт мимо корабль. Царевич остановил корабельщиков и принял как дорогих гостей. Узнав, что едут они к государю Султану Султановичу, наказал им звать царя на свой остров в гости.

Приплыли корабельщики, пошли к царю и рассказали о новом государстве, о чудесном отроке — ноги по колено серебряные, руки по локоть золотые, во лбу звезда, на затылке месяц, о дубе с золотой цепью, по которой ходит кот, сказки сказывает и песни поёт, и о двух боровах.

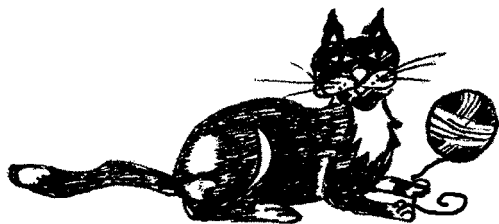
— А во дворце, — говорят корабельщики, — живут ещё тридцать три отрока, точь-в-точь равны — и голосом, и волосом, и лицом, и ростом.

— Ах! — говорит царь. — Поеду посмотреть на чудо.

Мачехе сказать нечего. Собрался царь Султан Султанович и поехал на остров. Царевич принял его как гостя дорогого и ведёт к матушке. Узнал царь свою жену и детей, обрадовался и воротился с ними домой. А мачеха как увидела их, так и померла со злости. Ну вот сказка и вся, больше сказывать нельзя. А детушкам спать пора, — заканчивает няня, поднимается со стула и несёт к постели задремавшего Николеньку, напевая:

*Ой, люли-люлюшеньки,
Баишки-баюшеньки.
Сладко спи по ночам,
Да расти по часам...»*

Старшие дети тоже идут укладываться. И кот за ними. Устроился у Саши в ногах и замурлыкал. В полусне мальчик явственно видит сказочный остров с чудным городом, прекрасного царевича с тридцатью тремя братьями, царя Султана Султановича с молодой царицей...

Первые уроки

В конце сентября 1805 года Пушкины вернулись в Москву. Для старших детей настала пора учения. Бабушка и родители по рекомендациям знакомых пригласили к ним хороших учителей. Гувернёр Саши граф де Монфор преподавал французский язык. Умный, элегантный, с аристократическими манерами, он происходил из старинного нормандского рода и в Россию приехал, спасаясь от гонений на высшее сословие во время Великой французской революции. Граф превосходно разбирался в литературе, был хорошим музыкантом и живописцем. Дети полюбили его уроки. Постоянно слыша в доме французскую речь, они и раньше знали немало слов и оборотов, но теперь им предстояло научиться свободно говорить, читать и без ошибок писать на этом языке. Под руководством обаятельного Монфора Оля и Саша быстро овладевали французским. Талантливый гувернёр обучал детей ещё рисованию, а Олю — музыке.

Девочке наняли гувернантку мисс Белли, дочь профессора Московского университета. С собой она мало напоминала типичную англичанку: невысокая румяная брюнетка приятной внешности, нисколько не чопорная. Умная и начитанная, она относилась к воспитаннице с теплотой, и девочка ответила ей искренней привязанностью. Оле и Саше мисс Белли преподавала английский язык. Постоянно общаясь со своей гувернанткой, сестра преуспела в этом предмете гораздо больше брата.

Русскую грамоту детям преподавал обрусевший немец Шиллер. Несколько его соотечественниц, принятых в дом в разное время гувернантками в надежде, что дети обучатся немецкому языку, учительницами оказались неважными и сделались просто воспитательницами. Называли их по-русски — Анна Ивановна и Катерина Павловна.

У Пушкиных была хорошая библиотека, собранная родителями. Они поощряли в детях страсть к чтению, особенно на французском языке, и сами читали им книги.

Дождливым ноябрьским днём после обеда отец читал Саше басню Лафонтена «Голубь и Муравей»:

*К прохладному ручью испить водицы
Однажды в знойный солнечный денёк
Слетел прекрасный юный Голубок,
Но лишь успел он наклониться,
Как увидал, что рядом на воде,
Барахтая, тонет Муравей:
Упавши с веточки, он угодил в ручей.
Но добрый Голубок помог его беде:
Сорвал травинку, протянул ему скорей,
И спасся бедолага-муравей.
Босой бродяга, с арбалетом рыща,
Тут подошёл — его привлёк ручей,
Увидел Голубя и возомнил своей добычей,
Но Муравей как можно прытче
На выручку бежать пустился,
Чтя благодарности обычай,
Бродяге в пятку со всей силы впился.
Тот вскрикнул и пустил стрелу в песок.
Вспорхнул и был таков наш Голубок.*

Сергей Львович начал было разбирать басню с сыном, но тут вошёл дядька Никита с докладом:

— Барин, Николай Михалыч Карамзин пожаловали.

— Проси, проси! Александр, пойди, поиграй, завтра продолжим.

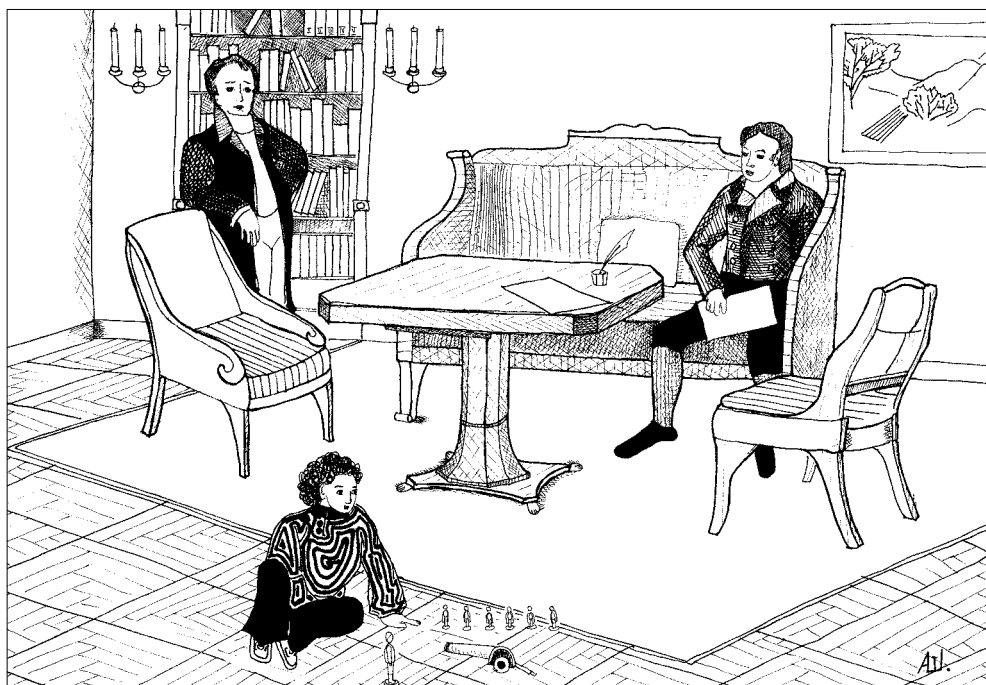
Саша нехотя слез со стула и принялся на полу выстраивать оловянных солдатиков в боевую позицию. Поначалу он не прислушивался к разговору взрослых.

Писатель и историк Карамзин работал над первым томом «Истории Государства Российского». По пути домой из древлехранилища он зашёл к Пушкиным за но-

вым французским романом для своей молодой жены Екатерины Андреевны. Обменявшись с гостем приветствиями и вопросами о здоровье домочадцев, Сергей Львович спросил:

— Как продвигается труд Ваш по российской истории?

— Слава Богу, из болезней я теперь выбрался. Летописи изучаю, хронографы, документы древние. «Повесть временных лет» славного нашего летописца Нестора — бесценный источник для всякого отечест-

венного историка. Но и Нестор порою позволял себе угадывать в хронологии, в названии мест. Да переписчики от себя добавляли. Надобно ко всему критически относиться.

— В истории отечественной преданий и побасёнок немало, — подметил Сергей Львович.

— Да, Серж, — согласился Карамзин. — К примеру, сказ о том, будто при великом князе Киевском Свято-

полке король польский Болеслав Храбрый мечом Золотые ворота разрубил, — чистейшая небылица, конечно. Потому самым тщательнейшим образом первоисточники ищу в древлехранилищах и библиотеках, сопоставляю их. Приобрёл и сам кое-какие документы и книги, необходимые для того. Известный наш коллекционер граф Алексей Иванович Мусин-Пушкин передал двадцатка необходимых мне рукописей, и в их числе пергаментный сборник 1414 года с житием святого Владимира. Подошёл я ныне к введению христианской веры на Руси.

— А что житие равноапостольного князя? Там о крещении Руси легендарного тоже, пожалуй, немало?

— Предание о крещении Руси летописца нашего Нестора с другими источниками в главном согласуется. Истина российского посольства в страну католиков и в Царьград подтверждается одной греческой рукописью. Вот послушайте, — Карамзин взял тетрадь и стал читать свою выписку, переведённую им на русский язык:

— «Князь российский, желая узнать лучше христианскую веру, отправил послов в Рим. Там с великим любопытством осматривали они украшение храмов и старались разведать всё, что касается до священнослужения: видели и патриарха римского, именуемого папою; приняли от него дальнейшие наставления, возвратились в отечество и донесли обо всём государю, склоняя его в пользу римской веры. Но бояре княжеские, которые дали ему совет исследовать веры, говорили: «Нет, государь, надобно прежде узнать веру греков. Сказывают, что Константинополь ещё знаменитее Рима, пошли и в Грецию тех же людей, да изберём лучшую из двух вер христианских». Благоразумный князь отправил в Царьград упомянутых четырёх мужей, которые объявили тамошнему императору Василию Македонскому причину сего многотрудного путешествия. Он с радостью дал им некоторых людей учёных, чтобы

показывать всё любопытное в городе и отвечать на их вопросы. Россияне пришли наконец в славнейшую и великолепную церковь святой Софии, когда совершалась в ней торжественная служба в день святого Иоанна Златоустого или Успения Богородицы, не могу сказать наверное. Послы с любопытством осматривали храм и наблюдали чин служения. Видя множество светильников и внимая пению святых гимнов, они изумились...»

Николай Михайлович сделал небольшую паузу, перелистал страницу и продолжил:

— Здесь неверно только прозвание императора Василия Багрянородного. Послушайте дальше: «Возвратясь в Россию, они сказали государю: «Нам показывали много великолепного в Риме, но то, что мы в Константинополе видели, превосходит ум человеческий». А вот как Нестор передаёт слова послов: «Всякий человек, вкусив сладкого, уже имеет отвращение от горького. Так и мы, узнав веру греков, не хотим иной». В деталях различия есть, но суть одна. Оба документа свидетельствуют, что святой Владимир принимал решение о введении веры православной не самодержавно, а совет испрашивал у бояр да старцев. Это видится мне особенно важным.

— Очень интересно. С нетерпением ждём плодов великого труда Вашего, — сказал Сергей Львович.

Тут он обратил, наконец, внимание на Сашу. Мальчик давно забыл о своих солдатиках и увлечённо внимал разговору взрослых, с любопытством глядя на Карамзина широко раскрытыми голубыми глазами.

— Саша-то Вас как слушает! — заметил отец.

— Историк будущий! — улыбнулся Николай Михайлович и продолжил полушутя-полусерьёзно: — А может, и писатель. В 1799 году вычитал я в предсказаниях знаменитого Нострадамуса, что таковой у нас скоро появится. Впрочем, мне пора. Катерина Андревна заждалась, верно.

— Всегда рады видеть Вас в нашем доме. Вот и книга для Вашей супруги. Кланяйтесь ей от нас.

— Премного благодарен.

— Оревуар, мсьё, — вежливо попрощался Саша.

Отец вышел провожать гостя. Во дворе под присмотром гувернантки гуляла Оля. Она качала на руках завёрнутую в шаль большую куклу, как вначале показалось Николаю Михайловичу. В присутствии англичанки Карамзин поздоровался с нею и с девочкой на английском языке. Оля сделала книксен и также приветствовала гостя по-английски. Подойдя поближе, он увидел, что девочка баюкает вовсе не куклу, а Жужутку. Моська блаженно дремала на руках юной хозяйки.

— А что это личико у твоей «детки» такое тёмное? — шутливо спросил Карамзин, переходя на русский. — Мыться не любит?

— Нет, просто Жужу у нас креолка! — бойко ответила Оля.

Карамзин рассмеялся и, прощаясь, заметил Сергею Львовичу: «Умные, Серж, у Вас дети. И остроумные! Храни их Бог!»

Ранняя любовь

Осенью Олю и Сашу начали возить на уроки танцев в классы знаменитого танцмейстера Петра Андреевича Иогеля. Занятия он проводил то в собственном доме на Большой Бронной, то у Грибоедовых в Новинском. Наперебой приглашали талантливому учителю к себе состоятельные дворяне. В их числе были знакомые и родственники Пушкиных: Бутурлины, Яньковы, Сушковы, Трубецкие. Тогда Марья Алексеевна возила старших внучат на уроки танцев к ним.

Иогель был уже немолод, но сохранял великолепную осанку, двигался необыкновенно изящно и грациозно. Он прекрасно владел европейскими языками, умел со всеми обходительно объясниться и обладал даром зажечь, развеселить учеников, привить им ловкость и красоту движений, которой в полной мере обладал сам, учил их свободно и красиво танцевать. Он казался детям неумолимым, когда заставлял их по счёту без конца отрабатывать упражнения и танцевальные па. Иногда маэстро брал скрипку и сам наигрывал мелодию танца в нужном для учеников темпе. У Саши с непривычки болели ноги, хотя за лето он вытянулся и перестал быть тучным увальнем. Он так страдал от своей неуклюжести на уроках! У сестры и её подружек выходило гораздо лучше. Особенно Саше нравилась тоненькая большеглазая Сонечка, дочка писателя Николая Михайловича Сушкова, друга Сергея Львовича. Девочка старательно выполняла все танцевальные упражнения, а когда к Сашиней радости её ставили в пару с ним, она не хныкала, как другие, и не ябедничала, если смущённый мальчик вдруг сбивался с темпа или наступал ей на ножку. Мало-помалу видеть Сонечку сделалось для Саши необходимостью, он думал о ней с нежностью и нетерпеливо ждал уроков танцев. Если бы не жизнерадостная улыбчивая Сонечка, эти уроки были бы для него сущим мучением.

В четверг 4 января 1806 года Саша и Оля, которой недавно исполнилось восемь лет, собирались к четырём часам пополудни на святочный праздник для самых младших учеников Иогеля. Сколько же потребовалось приготовлений! Хотя у Оли было красивое небесно-голубое платье «на выход», ей наскоро скроили более модное из жёлтого бального материного наряда, фасон которого уже устарел. С утра в доме царила предпраздничная суeta, дворовые девушки занимались платьем и Олиной причёской. Саша собрался гораздо раньше и ждал в передней.

Наконец вышли родители, а сестры всё не было. Но вот появилась и она, одетая... в голубое платье: новый наряд девочке показался некрасивым, тяжёлым, сковывающим движения. Она не захотела его надевать, и Параше ничего не оставалось, как быстро приготовить ей любимое платье. Увидев дочь, Надежда Осиповна удивлённо подняла брови:

— Это ещё что такое? Быстро иди переодевайся!

— Не пойду!

— Иди без разговоров! — обычно умеющая себя сдерживать мать начала сердиться.

— Не пойду!

— Иди сейчас же, надевай новое платье! Сколько раз тебе говорить!

— Не надену! Жёлтое платье противное, страшное!

— Что? Тогда на бал не поедешь! — пригрозила мать.

— Всё равно не надену! Не надену! Не надену!

— Ах так! — вспыхнула Надежда Осиповна и сторяча влепила дочери пощёчину.

Девочка расплакалась. На шум вышли няня и бабушка. Узнав, в чём дело, они стали уговаривать Олю.

— Надень, Олюшка, не сердь мать, — увещевала Арина Родионовна.

— Не упрямясь, внученька, на этот раз. Не то на бал опоздаете — четвёртый час уже. Что не по тебе, потом

перешьём, украсим, как захочешь. Не капризничай, послушайся мать!

— Ни за что не надену! Хоть повешусь, а не надену! Повешусь, а не надену! — твердила сестра сквозь слёзы.

Сергей Львович по характеру был очень вспыльчивым, но отходчивым. Дети побаивались вспышек его гнева, когда на них жаловались гувернёры и гувернантки. Но на этот раз отец сохранял невозмутимость, предпочитая не вмешиваться в женские пререкания. Смуглое лицо Надежды Осиповны покрылось красными пятнами, она теперь жалела, что ударила дочь. Но нельзя же было уступать вредной девчонке!

— Повешусь, а не надену... Повешусь, а не надену... — плаксивым голосом бубнила Оля.

— Ну, нашла коса на камень! — всплеснула руками няня.

Дело принимало неприятный оборот, а Саше так не терпелось увидеть на празднике Сонечку! И у него появилась идея. Он тихонько вышел из передней в коридор. Там дядька Никита чинил старую лампу на деревянной подставке.

— Никита, дай молоток и гвоздик на минутку.

— На что Вам?

— Очень-очень надо.

— Добро! Выбирайте гвоздь, — дядька протянул Саше деревянную коробочку с гвоздями. Мальчик взял молоток и самый маленький гвоздик.

Из передней по-прежнему доносилось:

— Вот повешусь, а не надену! Противное платье! Страшное! Повешусь, а не надену!

Войдя, Саша начал вбивать гвоздик в стенку.

— Александр, что ты делаешь? — удивлённо спросил Сергей Львович.

— Гвоздь для сестры забиваю! — чётко и невозмутимо ответил мальчик, с напускной сосредоточенностью тюкая молотком.

— Bravo, Александр! — улыбнулся отец. — Правда, Надин, забавно?

— Правда! — похвалила сына Надежда Осиповна, отходя от гнева, и тоже улыбнулась. Следом прыснула Оля, только что бывшая на грани истерики. Засмеялись и няня, и бабушка. Выждав паузу, к ним присоединился Саша, обрадованный похвалой: мать обычно была строга к нему.

— Ну да ладно, упрямица, на сей раз отправляйся в своём голубом платье, — смилостивилась над дочкой Надежда Осиповна. — Арина, принеси ей прибор, пусть умоется и поедем.

Святочный детский праздник удался на славу! Не зря балы у Иогеля слыли самими весёлыми на Москве. Дети танцевали разученные ими танцы, их забавляли ряженые. Саша на этот раз был в ударе, па у него получались лучше, чем на уроках. Развеселившуюся Олю даже строгий танцмейстер похвалил. А уж Сонечка была чудо как хороша! Саша с нею танцевал котильон и ни разу не наступил на её изящную маленькую ножку. Потом девочка снилась ему танцующей в своём воздушном белоснежном платье.

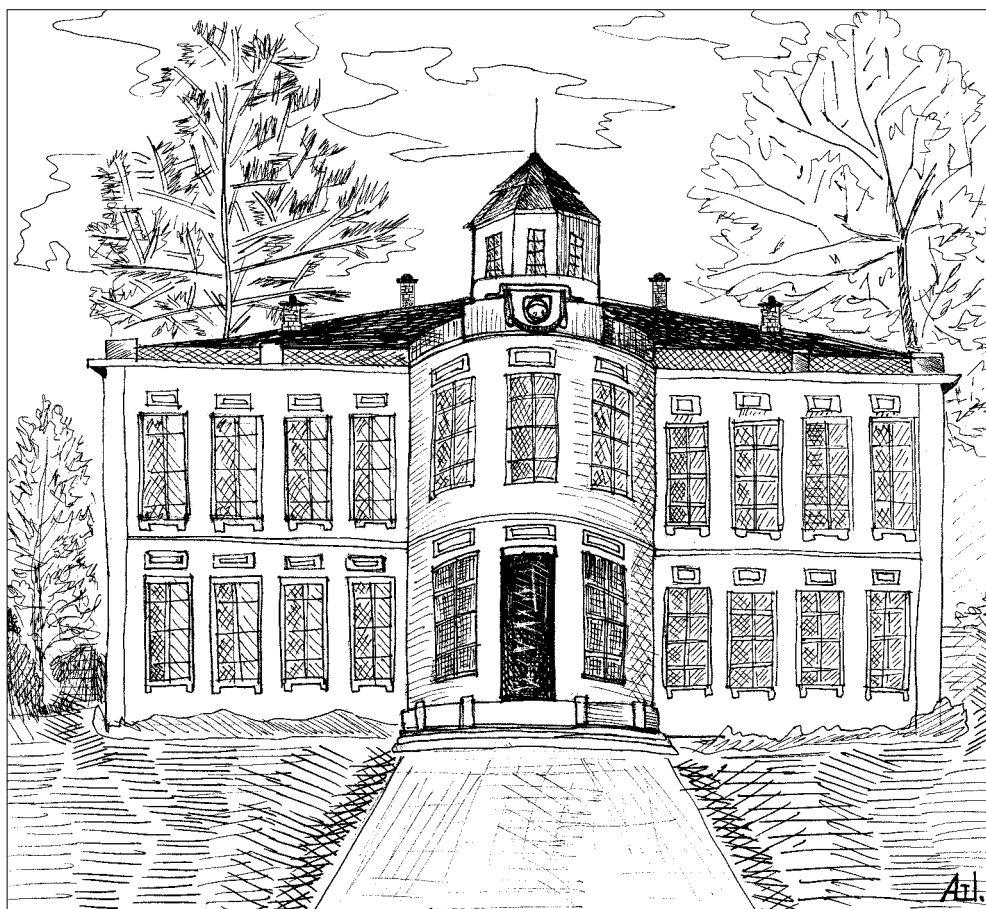
Вязёмские впечатления

В середине мая 1806 года семья Пушкиных вновь приехала в Захарово. Дети радовались летней деревенской вольнице, встрече с подросшим Стёпкой и захаровскими приятелями.

26 мая Саше исполнилось 7 лет, а в субботу 2 июня, на первой неделе Петрова поста, были его именины. Надежда Осиповна с дядькой Никитой повезли старших детей в Вязёмы на службу и причастие, а любимец матери Лёвушка остался в Захарове с Ариной Родионовной. Саше предстояло впервые исповедаться, и он очень волновался. Теперь в Вязёмском храме служил новый священник Иоанн Куняев, и мальчик боялся, что молодой батюшка очень строгий. Но всё оказалось не так страшно. Саша сбивчиво поведал ему о своих шалостях и о прошлогоднем случае с волчонком. Священник сказал, что до семилетнего возраста детям проступки не вменяются во грех, но всё равно хорошо, что Саша помнит о волчонке. За неделю грехов у именинника набралось немного: пару раз надерзил старшим, отнял у Николеньки жука-рогача и запустил в комнату к Параше, накануне подрался с деревенским мальцом, дразнившим Соколку, а потом сам нарочно наступил на хвост Ваське, за что был «награждён» царапинами... Наказав слушаться старших и не лениться в учении, отец Иоанн отпустил Саше грехи и благословил его. После причастия Пушкины вернулись в Захарово к праздничному столу, накрытому в берёзовой роще.

Этим летом дети стали чаще навещать в Вязёмы с дядькой Никитой и бабушкой. Обычно шли пешком сначала по Звенигородскому тракту мимо деревеньки Шараповки, а оттуда по тропе вдоль одноимённой речки. На пригорке неподалёку от впадения её в реку Вязёмку отдыхали, любуясь открывающимся отсюда чудным видом на село, дворец и церковь. После перехо-

дили мост и шли живописной тропой вдоль берега до усадьбы. Её хозяин князь Борис Владимирович Голицын состоял на военной службе и в имение приезжал редко. В ноябре 1805 года он был тяжело ранен в Аустерлицком сражении, долго находился на излечении, но в отставку пока не подавал.

В Вязёмах дети ходили в церковь и в гости к воспитаннице Бориса Владимировича — четырёхлетней Анночке Зеленской, хорошенькой девочке с большими светло-кариыми глазами и слегка волнистыми, как у князя, каштановыми волосами. Почти ни для кого не секрет, что Анночка — внебрачная дочка холостяка-князя. Про мать её говорят разное: то ли цыганка, то

ли еврейка, то ли незнатная дворянка. Князь не жалеет денег на воспитание единственной дочери, балует нарядами и заграничными игрушками. В просторной светлой игровой комнате на втором этаже флигеля у девочки есть большой кукольный домик, обставленный красивой игрушечной мебелью. В домике четыре комнаты: спальня, гостиная, гардеробная, где на вешалочках висят кукольные наряды, столовая с круглым раздвижным столом и крохотной фарфоровой посудой на нём.

Первый раз Саша, Оля и Николенька пришли в гости к Анночке в середине июня. Девочка сразу подружилась с ними. Когда она привела их в игровую, у детей глаза разбежались от обилия игрушек и удобной плетёной детской мебели, которую делали мастеровитые вязёмские крестьяне зимой. Анночка принялась важно представлять «жильцов» кукольного домика:

— Это мама Адель. Вот папа Жан. А детей зовут Анатоль и Натали.

Гувернантка-француженка в игре уже начала учить девочку своему языку, поэтому имена кукол та произносила на французский манер.

Оле, конечно, понравилось играть с Анночкой, у которой есть такой чудесный кукольный домик. Даже равнодушного к куклам Сашу он ненадолго заинтересовал. Николенька, немножко поиграв с девочками, облюбовал удобную лошадку-качалку, уселся на неё и «поскакал».

— Моя лошадка! — заревновала вначале Анночка, подбежав к Николеньке.

— Ну да-а-а-й покататься!

Гувернантка сделала строгое лицо, и девочка согласилась:

— Ладно, катайся, сколько хочешь.

Она не без труда вытащила из коробки большую нарядную куклу с фарфоровым личиком, фарфоровыми

ручками и ножками, голубыми глазами и золотистыми волосами:

— Моя дочка Китти.

— Ой, какая прелесть! — пришла в восторг от куклы Оля. Такой большой и красивой у неё самой не было.

Девочки занялись игрой в дочки–матери. Саше стало с ними совсем скучно, и он выбежал в парк. На крыльце флигеля Марья Алексеевна договаривалась с вязёмским управляющим о покупке плетёной мебели для своего имения.

— Наигрался уже? — спросила она Сашу.

— Угу! Можно я здесь погуляю?

— Гуляй себе, только за ворота не ходи.

В парке нежно благоухают цветущие липы, ровные дорожки тщательно выметены. Если по центральной аллее отойти подальше, то сквозь ветки дворец кажется таинственным старинным замком. На фронте виден герб Голицыных и надпись: «Мая 1-го дня 1784 года». Это дата окончания постройки усадьбы. Аккуратные цветочные клумбы пестреют перед дворцом изысканным узором. Северный фасад смотрится в чистый зелёно-голубой пруд.

Саша спустился к берегу и залюбовался. Справа большая плотина, за ней деревянные крестьянские избы, на другом берегу яблоневые сады, а слева на самом краю пруда — старая водяная мельница. В окрестных деревнях рассказывают, будто когда-то давно дочь здешнего мельника умерла невестой, обратилась в русалку и с тех пор живёт в бучиле. Чуть какая-нибудь нерасторопная баба, полоща бельё, зазеваётся, как русалка — хватать! — и утащит его к себе.

Стёпка уверял, что на русалочьей неделе по вечерам выходит она на берег, сидит рядом с мельницей на дубу, длинные зелёные волосы золотым гребнем расчёсывает и так путников одиноких заманивает. Ежели кто прельстится, она обворочит, завлечёт в воду и защекочет до смерти.

Ребятам очень хотелось увидеть настоящую русалку, но одним идти страшно: вдруг и впрямь защекочет? Уговорили они дядьку Никиту пойти с ними к мельнице после Троицы — как раз на русалочьей неделе. У мельницы в самом деле рос вековой коряжистый дуб, но сколько ребята ни смотрели, русалки на ветвях не заметили.

— Прячется! — решил Стёпка. — Зелёная вся, поди её разгляди!

— А, может, рано ещё, не вышла она? — предположил Саша. — Пойдём, посмотрим.

Бучило показалось тёмным и глубоким, но вода была прозрачной. Ребята стали приглядываться.

— Вон, вон она! — закричал Стёпка, увидев, как в глубине мелькнуло зеленоватое чешуйчатое тело и большой хвост. — Утекла!

Саша стоял подальше, поэтому заметил только хвост и круги на воде.

— Напугалась русалка, не выйдет нынче, — сказал дядька, чуть заметно улыбаясь себе в усы. — Чтоб её увидеть, надобно одному тут быть.

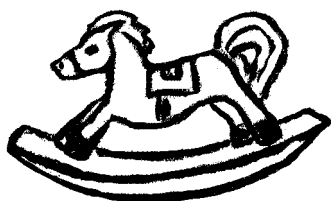
На том дело и кончилось. Поодиночке идти жутко, да никто Сашу и не отпустит. Никита иной раз по утрам у

мельницы ловит сомов, да и то уверяет, что на русалочьей неделе один на рыбалку нипочём бы не пошёл.

Саша присел на берегу пруда и, слушая соловьиное пение, льющееся из густых кустов бузины, стал вспоминать, как в начале мая весело играл он в прятки с Олей, Николенькой и Сонечкой в Юсуповом саду. Услышав знакомые голоса, мальчик поспешил в парк. Из глубины аллеи навстречу ему бежала девчушка в модной белой шляпке. У Саши лихорадочно забилось сердце: «Сонечка! Откуда она здесь? А где Николай Михайлович Сушков?» Но его ждало разочарование — это оказалась Анночка. Её шляпка почти ничем не отличалась от Сонечкиной. Подбежав, девочка осалила его и, пускаясь наутёк по боковой аллее, задорно выкрикнула: «Тебе водить!»

Из-за ствола лиственницы, растущей на другой боковой аллее, выглянули Оля и Николенька. Подхватывая игру, Саша понёсся за ними. Он быстро догнал Николеньку, осалил и побежал в сторону по круговой дорожке. Тот смекнул, что Оля совсем близко, настиг и мигом осалил сестру. Теперь водить надо было ей, но тут дети услышали зов бабушки: «Оля, Саша, Коленька! Домой пора! Никита уж за нами приехал, ждёт».

Пришлось проститься с Анночкой до следующего раза. Когда коляска отъехала от Вязём, Саша увидел с пригорка, что погрустневшая девочка всё ещё стоит на крыльце дворца рядом с гувернанткой и машет им вслед маленькой ручкой.

«Арапчик — рябчик»

Смеркалось. Осенний ветер, разгулявшись по московским дворикам, срывал с деревьев золотую листву. По Малому Козловскому переулку, подняв воротник длинного чёрного пальто-редингота и надвинув цилиндр, шёл сенатор Иван Иванович Дмитриев. Путь его был недалёк — всего несколько домов. Он направлялся к своему другу Сергею Львовичу Пушкину, жившему с семьёй в том же переулке. Занимая солидные государственные посты, важным делом своей жизни Дмитриев считал сочинительство. Он с удовольствием писал стихи, сказки, песни, сатиры, басни, эпиграммы и слыл острословом. На почве любви к литературе он и сошёлся с Сергеем и Василием Львовичами Пушкиными, когда служил ещё в Петербурге. Переехав в Москву, Иван Иванович серьёзно увлёкся их умной и обаятельной сестрой Анной Львовной, но его предложение руки и сердца она отвергла. Вряд ли причиной тому внешность Дмитриева, чьё лицо рябовато: в юном возрасте он переболел оспой. Просто его избранница обладала весьма самостоятельным характером и замуж не собиралась, предпочитая жить уединённо в собственном особняке. Впрочем, родных, немногих друзей и в их числе Ивана Ивановича она всегда любезно принимала у себя. Он вскоре утешился, больше не ища её руки...

Вот и знакомые ворота. Гость вошёл во двор, потоптался возле двери, вытирая ноги, и позвонил в колокольчик.

«Милости просим, Ваше превосходительство, — радушно приветствовал его молодой слуга Вася, принимая пальто и цилиндр. — Заждались Вас. Анна Львовна покуда для гостей на клавикордах играют».

Иван Иванович подошёл к открытым дверям гостиной и, опершись на дверной косяк, стал слушать живую, эмоциональную игру Анны Львовны. Когда она

кончила, Дмитриев присоединился к общим аплодисментам и, войдя, стал всех приветствовать. Перецеловав ручки дамам, он не обошёл вниманием Олю. Рядом с сестрой стоял Саша. На фоне небрежно лежащего воротника белой рубашки лицо мальчика, сохранявшее летний «захаровский» загар, казалось особенно смуглым, а каштаново-рыжеватые кудри тёмными. Взглянув на Сашу, Дмитриев воскликнул:

— Смотрите, какой арапчик!

— Зато не буду рябчик! — тотчас услышал он в ответ.

Мать метнула гневный взор на сына, не найдя сразу, что сказать на такую выходку. На секунду в гостиной водворилась тишина. Напряжение разрядил сам Иван Иванович, который давно уже философски относился к своей наружности и умел ценить шутки и каламбуры.

— Хо-хо-хо! — захохотал он, — Арапчик — рябчик! Забавно! Серж, а сынок-то в Вас пошёл! Острослов! Хо-хо-хо!

И Надежда Осиповна рассмеялась вместе со всеми.

— Тяв-тяв-тяв! — весело отозвалась Жужутка, не слезая с Олиных колен.

— Ну, а Вы, мадмуазель, чем нас порадуете? — спросил Дмитриев у девочки, обращаясь к ней с подчёркнутой галантностью.

— Ольга, принеси рисунки, — подсказала мать.

Сестра отдала собачку Саше и вышла за рисунками.

Пока она ходила, Надежда Осиповна привела из детской своего любимца Лёвушку, белокурого кудрявого малыша, похожего на ангелочка. Тот мило лепетал малопонятные взрослым слова, послушно хлопал в ладошки, когда няня пела ему: «Ладушки, ладушки! Где были? У бабушки!..» Лёвушке нравилось всеобщее внимание и похвалы взрослых.

Тем временем Оля принесла несколько рисунков.

— Это твоя моська? — спросил Василий Львович, рассматривая «портрет» Жужу. — Очень похожа!

— Смотрите, как хорошо кота нарисовала!— присоединился к похвалам Дмитриев. — Трифон, кажется? Модный «господин»!

— Пейзаж весьма недурно получился, — заметил друг дома граф Ксавье де Местр, учёный, поэт и хороший художник.

— Это наше Захарово, — пояснила Оля.

— Надо развивать Ваш талант, мадмуазель. Кто Вам рисунок преподаёт?

— Сашин гувернёр мсьё Монфор.

— Ежели желаете, я тоже могу давать Вам уроки рисунка и живописи.

— О, мерси боку, мсьё, — обрадовалась девочка.

Тем временем малыш, сидя на коленях у матери, зевнул и начал хныкать.

— Баиньки Лёвушке пора. Иди, мой сладенький, к няне, — Надежда Осиповна нежно поцеловала младшего сына, отдала его Арине Родионовне и озабоченно спросила: — Что Коленька?

— Уснул, барыня. Жара уж нет. Поправляется, — ответила няня и вышла укладывать Лёвушку.

— Слава Богу! — отлегло от сердца у матери. — Продолжим наш вечер, господа.

Начиная игру в вопросы и ответы, она первая спросила мужа:

— Серж, в чём сходство между Вами и солнцем?

— Нельзя без гримасы глядеть на нас обоих, Надин!

— Bravo! — воскликнул Дмитриев.

— Правда ли, мсьё Пушкин, вы, русские, едите медведей? — язвительно спросила полная дама, знакомая Елизаветы Львовны, недавно приехавшая из Варшавы.

— Нет, пани, мы едим коров, вроде Вас! — парировал Сергей Львович.

— Чей род древнее: Пушкиных или Сонцовых? — задал он в свою очередь вопрос толстяку Сонцову.

— Сонцовых, разумеется. Сон был известен вселенной, когда ей о пушке ещё и не снилось! — ответил находчивый Матвей Михайлович, ничуть не уступавший шурина в остроловии.

— Bravo! — похвалил зятя Василий Львович. — Элиза, сыграй в честь супруга что-нибудь торжественное.

Пока звучал марш, расторопный повар Алексашка подал всем чай с расстегаями. Почувяв запах рыбы, Жужу очнулась от дрёмы. Рядом с Олей сидел Михаил Николаевич Макаров, выпускник Московского университета и начинающий писатель. Заслушавшись игрой Елизаветы Львовны, энергично бравшей последние аккорды, он рассеянно обронил пирожок. Моська мигом спрыгнула с Олиных колен, схватила «добычу» и утащила под стол. Дядюшка в шутку попытался отнять у неё расстегай, но Жужу на него так сердито заворчала, что насмешила всех. Когда, оставив на полу горку крошек, моська кончила трапезу, Василий Львович взял её на руки и, слегка поглаживая блестящую кремовую шёрстку, начал мастерски декламировать свою басню:

*Собачку Лев любил —
И все тогда её ласкали,
Лисицы в гости звали,
Медведи кланялись и тигры уважали;
Спесивый даже слон Собачке другом был,
И хоботом своим огромным
То на спину сажал, то гладил он её.
Надеяться нельзя на счастье своё!
Судьбам угодно было злобным,
Чтоб царь зверей сослал любимца своего;
Любимец, изгнанный не стоит ничего.
Все стали клеветать насчёт Собачки бедной,
Что ум она имеет вредной...*

— Александр, продолжай! — кивнул дядя племяннику, отдавая ему моську. Он знал, что мальчик читал его басни в журнале «Вестник Европы». Саша подхватил «эстафету»:

*... Лисица голос подала,
Что будто так Собачка зла,
Что гнусную на Льва сатиру сочинила;
Медведь всех уверял,
Что две сатиры он читал,*

*И что всю истину Лисица говорила,
А Заяц побежал
(В том зайцев вся и сила),
Не выслушав конца, рассказывать везде,
Что было, как и где. —
И мы, как звери, поступаем:
Нередко зло ко злу нарочно прилагаем.*

Закончив дядину басню, Саша картинно раскланялся и, возвращая Жужутку Оле, добавил от себя:

— Вот басня и вся, больше сказывать нельзя!

Аплодисменты и всеобщий смех были ему наградой. «Собачью» тему продолжил Дмитриев собственной басней «Нищий и Собака»:

*Большой боярский двор Собака стерегла.
Увидя старика, входящего с сумою,
Собака лаять начала.
«Умилосердись надо мною! —
С боязнью пошептом бедняк её молил, —
Я сутки уж не ел... от голода умираю!»
«Затем-то я и лаю, —
Собака говорит, — чтоб ты накормлен был».
Наружность иногда обманчива бывает:
Иной как зверь, а добр; тот ласков, а кусает.*

Аплодируя автору, Сергей Львович выразительно переглянулся с сыном. Саша встал и без запинки слово в слово повторил басню Дмитриева, подражая манере автора.

— Браво, браво! Превосходная память! — похвалил юного чтеца Александр Юрьевич Пушкин, в честь которого нарекли Сашу. Дядя теперь служил чиновником на Московском почтамте и почти ежедневно бывал в их доме. Будучи пока холостым, он любил повозиться с племянниками.

Иван Иванович, напоминая всем Сашин каламбур, весело добавил:

— Ай да «арапчик — не рябчик!»

После басен настал черёд домашнего спектакля, для которого выбрали несколько сцен из комедии Мольера «Скупой». Жадного богача Гарпагона представлял толстяк Сонцов, дочь скупца Элизу — Елизавета Львовна, слугу Гарпагона и возлюбленного Элизы Валера — Александр Юрьевич Пушкин. Сергей Львович выбрал себе роль Клеанта, сына Гарпагона, влюблённого в сестру Валера красавицу Марианну, которую играла, конечно, Надежда Осиповна. А Дмитриев согласился на короткую роль вздумавшего жениться на Элизе Ансельма, отца Валера и Марианны. Роль постановщика выполнял Василий Львович, и спектакль получился весёлым, искромётным. Оля и Саша смеялись и хлопали громче всех.

После представления гости разошлись, и родители отправили детей укладываться. Было уже очень поздно, но Саше не спалось. Счастливый конец комедии Мольера, когда все влюблённые переженились вопреки козням скупца Гарпагона, навел ему воспоминание о Сонечке Сушковой. Как мила, как весела она была на вчерашнем уроке танцев у Бутурлиных! Как ей к лицу светло-розовое платье с белыми кружевами! Слова восхищения постепенно начинают складываться у Саши в четверостишие на французском языке, но никак не получается у него последняя строчка. Он мечется в постели, без конца переворачивается с боку на бок, вздыхает.

Обеспокоенная Марья Алексеевна зашла к внуку в комнату проверить, не заболел ли он, не заразился ли от Николеньки. Бабушка положила ему на лоб тёплую сухую ладонь и, удостоверившись, что горячки нет, спросила шёпотом:

— Что ты, Саша, не спишь?

— Сочиняю стихи, — тихо ответил юный поэт.

Она поправила ему одеяло, поцеловала на ночь и, осеняя крестом, сказала:

— Господь с тобою, Саша, спи-засыпай, завтра сочинишь. Утро вечера мудренее.

Бабушка ушла, закрыв за собой дверь. Саша притих, всё ещё стараясь закончить четверостишие, но сон понемногу окутал его покрывалом ночного забвения. А наутро он уже не мог вспомнить стихов, сочинённых ночью.

* * *

Через восемь лет, когда юный поэт будет учиться в Царскосельском Лицее, он посвятит Сонечке Сушковой ностальгические строки:

*Подруга возраста златого,
Подруга красных детских лет,
Тебя ли вижу, взоров свет,
Друг сердца, милая Сушкова?
Везде со мною образ твой,
Везде со мною призрак милый:
Во тьме полуночи унылой,
В часы денницы золотой...*

Игра в бабки

К маю 1807 года усадьбу в Захарове отремонтировали. Барский дом покрасили снаружи, пристроили к нему по сторонам для удобства два крыльца, наличники на окнах поправили, полы перебрали, комнаты оклеили новыми обоями. В парке у ствола старой раскидистой липы Егор смастерил удобную полукруглую скамейку.

По приезде Надежда Осиповна принялась за перестановку мебели — это было её любимым занятием. Бабушка с Парашей устраивали детей в обновлённом флигеле. Кот Тришка, принявшись, отправился обходить свои владения. Оля пошла с няней в деревню проведать Марьюшку. А мальчиков ждал Стёпка с холщовой сумой через плечо.

— Что там у тебя? — спросил Саша.

— Гляньте сами. — Стёпка положил суму на землю и развязал её.

— Ой, бабки! — обрадовался Николенька. — Как много! Это нам?

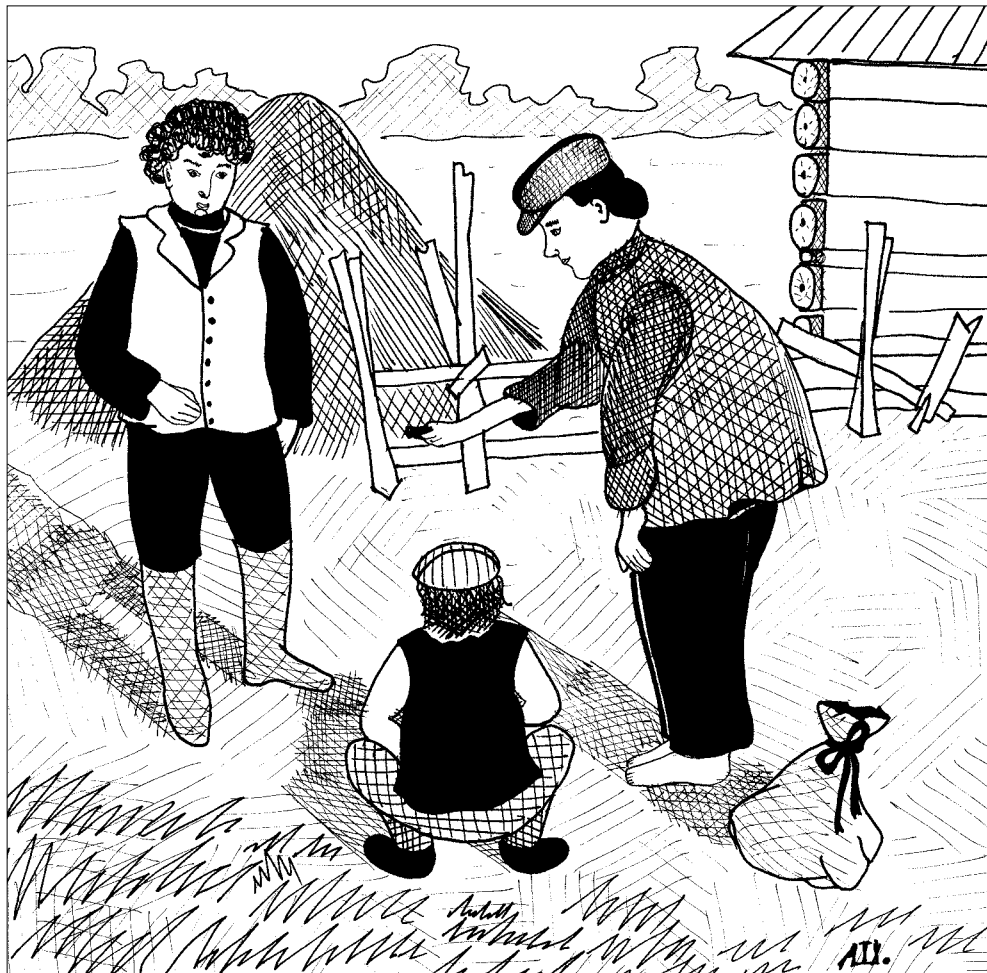
— Вот мои, а энти ваши. Егор для вас нонешней зимой сработал.

— Ура! Пойдём скорей играть!

Ребята вышли на утоптанную лужайку, где обычно играли в бабки захаровские мальчишки. Пока там никого, кроме них, не было, Стёпка прочертил линию кона, поставил бабки рядом вдоль неё, отсчитал семь шагов и стал показывать Николеньке, как правильно бросать биты, чтобы сшибить бабку. У того, конечно, сразу не получилось попасть. Промахивался сначала и Саша, за зиму подзабывший игру, но потом он быстро наловчился и стал попадать. Николенька продолжал учиться выбивать бабки, а старшие мальчики принялись играть, прочертив новую линию кона. Очередность бросков определили считалкой:

*Червончики, первенчики,
Летели голубенчики*

*По свежей росе, по чужой полосе.
Там чашки, орешки, медок, сахарок.
Выйди, Саша, дружок.*

Стёпка был гораздо искуснее в игре, поэтому играли мальчики не на сами кости, как обыкновенно, а на очки — по одному за каждую сшибленную бабку. В этот раз выиграл, конечно, Стёпка. Саша, выбив несколько бабок, оживился, в его голубых глазах загорелись весёлые огоньки. Постепенно он наловчился и с азартом играл в бабки с Николенькой и захаровскими ребятами.

В гостях у князя Голицына

Этим летом дети снова стали приезжать в Вязёмы в церковь и в гости к Анночке Зеленской. Наконец-то Марья Алексеевна представила внучат князю Борису Владимировичу Голицыну, который теперь жил в своём имении, выйдя в отставку в чине генерала. Заботясь о крестьянах, он занялся благоустройством села. Свободное время князь посвящал изучению русской истории, словесности и сочинительству.

Борис Владимирович статен, красив, искренне любезен со своими дальними родственниками. Он быстро завоевал симпатии детей. Пушкины получили возможность пользоваться его богатой библиотекой.

Как-то раз, наигравшись в прятки на свежем воздухе, Оля и Николенька пошли с Анночкой во флигель, а Саша — к дверям дворца.

— Добро пожаловать. Что надобно-с? — спросил его лакей в ливрее, на пуговицах которой красовался герб Голицыных.

— Можно мне в библиотеку?

— Обождите маленько, узнаю. Барин дома, работают-с.

Скоро лакей вернулся и пригласил Сашу:

— Их сиятельство просят Вас к себе. Пойдёмте-с.

Лакей повёл мальчика к кабинету хозяина по высоким дворцовым покоем с изразцовыми печами. Князь сидел за секретером и что-то писал, заглядывая в раскрытую книгу. Потом Саша рассмотрел её: это были «Записки» герцога Франциска де Ларошфуко. Саша поздоровался.

Ответив на его приветствие, Борис Владимирович предложил ему почитать пока журнал «Вестник Франции» за 1790 год, заложенный на странице со стихотворением самого князя. Это была эклога «Дорида» — стихи о счастливой сельской жизни, о любви пастушки Дориды и пастушка Терсиса:

*Уже небесного коснулось солнце края,
И луч его вдали бледнеет, догорая;
Покровом вечера окутан небосвод,
В блестящую ладью сейчас луна взойдёт;
И щедрая рука благоприятной ночи
Повсюду сыплет мак, смежая смертных очи;
Увядающая трава, за день опалена,
Прохладой первою росы оживлена.*

*«Дорида, поспешим в приют уединенья,
Где в тишине земля не ведаёт волненья;
Дыханием цветов там воздух напоён,
И безмятежный мир вкушает сладкий сон...»*

Когда Саша дочитал стихотворение, князь как раз кончил писать и спросил:

— Тебе понравилась эклога?

— Да, очень красивые стихи, Ваше сиятельство.

— Что ж, пройдем в библиотеку.

Библиотека занимала большой зал с камином на первом этаже и светлую просторную комнату на втором этаже, куда и повёл князь Сашу. Высокие шкафы были плотно заставлены книгами на разных языках. На мальчика это хранилище человеческой мудрости произвело сильное впечатление. У него глаза загорелись от обилия фолиантов и небольших томиков. Голицын предложил ему выбрать что-нибудь, рекомендовав несколько книг. Саша взял «Оды» Горация и на первом этаже — том комедий Дениса Фонвизина. Попрощавшись с князем и поблагодарив его за книги, мальчик вышел в сад, присел на скамейке у пруда и принялся читать, забыв обо всём на свете. Он и не заметил, как подошла Оля.

— Сашка, что там у тебя за книги?

— Вот, смотри: Гораций и Фонвизин. Князь дал. Библиотека у него-о-о! От пола до потолка — всё книги, книги, книги. Много тысяч книг.

— И мы тоже тут сядем почитаем.

Сестра попробовала увлечь чтением Анночку и Николаеньку, но тем хотелось побегать, а толстые тома казались скучными.

«Как им только не надоест без конца играть в догонялки!» — подумал Саша и снова погрузился в «Оды» Горация.

В Захарове он полюбил читать в уединении, сидя на полукруглой скамейке под липой или у склонённого над речкой Площанкой дуба и обдумывать прочитанное, глядя на прозрачные струи воды и наблюдая за порхающими над ними синекрылыми стрекозами.

* * *

Вспоминая эти дни в годы юности, поэт написал проникновенные стихи:

*В младенчестве моём я чувствовать умел,
Всё жизнью вокруг меня дышало,
Всё резвый ум обворожало,
И первую черту я быстро пролетел...*

Олины именины

Именины Оли, которые отмечались 11 июля, в 1807 году пришлись на четверг. Службы в Вязёмах не было, и Пушкины поехали в Саввино–Сторожевский монастырь.

Детей подняли пораньше, чтоб успеть к литургии. Веяло приятной утренней прохладой, хотя день обещал быть жарким. По холодку въехали в Звенигород, раскинувшийся на берегах Москвы–реки, которая здесь гораздо уже, чем в первопрестольной. По левому берегу потянулись городские постройки: каменные особняки, двухэтажные деревянные купеческие дома на каменном основании с лавками и магазинами. На правом берегу виднелись избышки, крытые соломой и огороженные плетнями, как в деревне. Дорога к монастырю лежала по холмистому левому берегу мимо древнего собора Успения на Городке, маковка которого едва виднелась за густой зеленью деревьев. Пока ехали, Марья Алексеевна рассказывала детям о монастыре:

«Давным–давно, лет четыреста назад, здесь росли дремучие леса, а на горе стоял высокий столб, с коего издалека сторожили неприятеля. Потому и прозвали гору эту Сторожей. Пришёл сюда преподобный Савва и основал Божью обитель. Узнав о его благочестивой жизни, потянулись к нему иноки. Сам князь Звенигородский Юрий Дмитриевич стал покровительствовать монастырю. На месте прежнего деревянного храма Рождества Богородицы построили каменный. Скоро, детки, вы его увидите. В этом–то храме преподобный Савва Чудотворец и упокоился. Сказывают, что царь Алексей Михайлович, батюшка государя императора Петра Великого, коему служил ваш прадед Ганнибал, охотился здесь на медведя. Ловчие да стремянные от царя отстали, а разъярённый зверь как раз вышел и угрожал государю неминуемой гибелью. Оробел царь так, что и

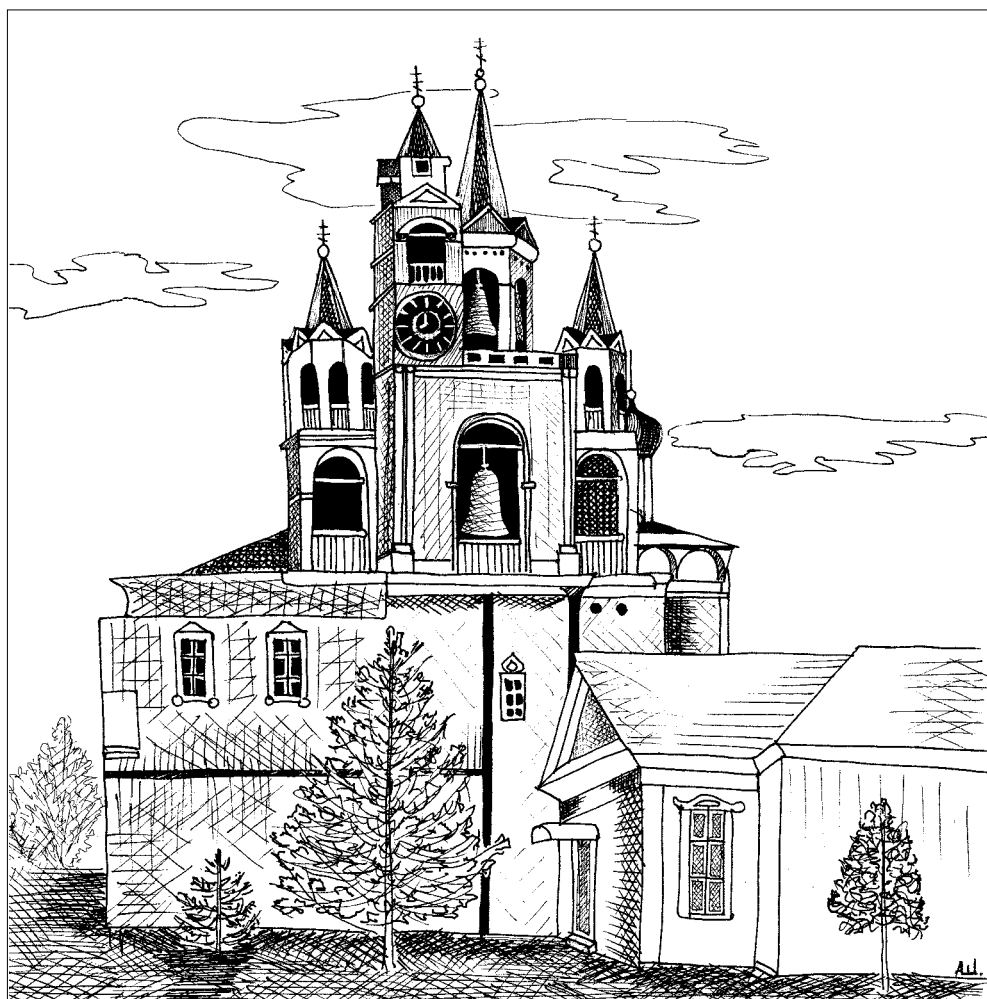

голоса не имел позвать на помощь. Тут вдруг предстал пред ним благолепный старец и отогнал медведя. Подивился государь, стал спрашивать старца, откуда он и как звать его. Старец ответил, что он из ближней обители и звать его Саввой. Поглядел царь в сторону

монастыря, а старец тем временем скрылся. Поспешил Алексей Михайлович в обитель. Монахи, как увидали его, пришли в великое смятение. Царь спрашивает, который у них из старцев зовётся Саввой, а ему отвечают, что нет никого с таким именем. Тут понял государь, что сам Угодник Божий преподобный Савва спас его от смерти, возымел особое усердие к обители и заново её отстроил...»

Тем временем дорога повернула от Звенигорода направо к горе Стороже. Раздался необыкновенно красивый звон благовестника, слышный во всей округе. Экипаж въехал в гору и остановился у Святых ворот. На службу собралось несколько купеческих и дворянских семей: день был будний, и большинство простого люда работало на сенокосах. Саша, Оля, Николенька, Марья Алексеевна и Надежда Осиповна перекрестились у ворот и вошли внутрь обители. Колокольный звон всё ещё раздавался с высокой многоярусной звонницы с четырьмя шатровыми башнями, на одной из которых были часы. Такой великолепной звонницы дети нигде не встречали.

— Ух, красотища! — вырвалось у Саши, когда стих звон.

— А чей вон тот сказочный теремок? — спросил Николенька, потянув бабушку к одноэтажным красным кирпичным палатам.

— Это, внучек, терем царицы Марьи Ильиничны Милославской, жены государя Алексея Михайловича. В нём поболее ста лет назад царевна Софья Алексеевна с малолетними государями Петром и Иоанном укрывались от стрельцкого бунта. А правее, смотри, дворец самого царя Алексея Михайловича. Теперь там настоятель обители владыка Августин живут, когда приезжают сюда.

— Как красиво купол золочёный блестит на солнце, переливается весь! — Оля указала на старинную церковь, стоящую на пригорке посреди монастырского двора. — Бабенька, это и есть собор Рождества Богородицы?

— Да, Олюшка. Там и преподобного Саввы гробница. Туда нам на службу.

— Дети, не отставайте, — мать первой направилась к церкви, крепко взяв за руку Николеньку.

Литургия в монастыре шла дольше, чем в Вязёмском храме, и отличалась особенной строгостью и благолепием. Стенописи и иконы старинного иконостаса были строгого византийского письма. Юные паломники причастились и поклонились мощам преподобного Саввы Сторожевского, покоящимся в серебряной гробнице под узорной бронзовой сенью с неугасимыми лампадами.

На обратной дороге в лавках звенигородских купцов Марья Алексеевна и Надежда Осиповна купили детям печатных пряников, Саше и Николеньке — по расписному кубарю, а имениннице Оле — кружевную шляпку.

В Захарове всех ждал праздничный обед с именинным смородиновым пирогом. Пока повар Алексашка накрывал на стол, Саша и Николенька побежали на луг к речке Шарাপовке собирать полевые цветы: белые ромашки, малиновые гвоздики и лиловые колокольчики. Когда они вернулись к усадебному дому, сестра как раз вышла из флигеля и направлялась к столу. Саша протянул ей большой букет:

— С именинами!

— Ой, мерси! — обрадовалась девочка.

У неё в горенке уже стояли чайные розы, срезанные Марьей Алексеевной с клумбы, но полевые цветы она тоже любила и поставила кринку с букетом на именинный стол.

Когда все уже отобедали, неожиданно приехал из Москвы Сергей Львович. Дети очень обрадовались

отцу: этим летом он был редким гостем в Захарове. Война с наполеоновской Францией потребовала напряжённой работы Московской комиссариатской комиссии, где он служил, ведь это ведомство снабжало армию всем необходимым. Оттого в отпусках служащих не увольняли и в департаменте задерживали позже установленных 3-х часов дня. Но по случаю именин дочери Сергей Львович испросил себе короткое увольнение до воскресенья.

Отец достал из плетёного короба, прикрученного сзади к коляске, большую коробку, перевязанную атласной лентой, и, улыбаясь, протянул Оле:

— Это тебе сюрприз! С именинами!

Служа по бухгалтерии, Сергей Львович семейные доходы–расходы тщательно подсчитывал и экономил. Скупой по мелочам, он однако не жалел иногда денег на подарки детям и никогда — на лучших учителей для них. Отец с удовольствием наблюдал, как дочь развязала бант, открыла коробку и запрыгала от радости: там лежала большая кукла в розовом платьице — почти такая же, как у Анночки Зеленской! У куклы было прелестное фарфоровое личико, голубые глаза, золотистые волосы.

— О, мерси, мерси, папа!

— Ну, как ты её назовёшь?

Призадумавшись, Оля поглядела на куклу, потом заговорщицки на Сашу и, словно что–то вспомнив, ответила отцу:

— Сонечкой!

Саша слегка покраснел: кукла, и вправду, была похожа на милую его сердцу Сонечку Сушкову.

Остаток дня прошёл в весёлой возне и игре в кубари. Светлым вечером дети окружили дядьку Никиту, отдохавшего от дневных трудов на крыльце, и упростили его рассказать сказку. Тот был мужиком грамотным, умел увлечь маленьких слушателей былинами и сказками, присочиняя интересные повороты сюжета от себя. В этот раз дядька, временами заглядывая в свою тетрадку, начал сказывать детям сказку о славном богатыре Еруслане Лазаревиче: как он Соловья–Разбойника, страшное лесное чудище, победил, как избавил царство царя Вахрамея от трёхглавого морского змея и женился на его прекрасной дочери Марфе Вахрамеевне.

Пёс Соколко улёгся у ног Никиты и, казалось, слушал сказку вместе с детьми. Николенька сидел рядом с дядькой, самозабвенно ему внимая. И ничто в тот счастливый вечер не предвещало скорой беды.

Прощание с Николенькой

Николенька с рождения был слабеньким. Хворал он чаще и дольше, чем Оля и Саша, но в это лето брат вроде стал покрепче, весело играл, бегал с детьми и даже купался в пруду. Все родные радовались такой перемене к лучшему, хотя мальчик сделался озорнее и непослушнее.

На Ильин день погода с утра была жаркой и ясной. Оля, Саша, Николенька и Стёпка играли в прятки в захаровском парке и с ними крестьянские дети: Стёпкин дружок — конопатый Гришка, сын захаровского кузнеца, и Варюшка, шустрая семилетняя девчонка, курносая, со смешными тоненькими косичками. Когда-то Гришка обидел Сашу из-за волчонка, но ребята давно помирились. Девятилетний крестьянский мальчик уже начал помогать отцу в кузнице, но по случаю Ильина дня его отпустили поиграть с товарищами. Водила Варюшка, её жёлтый с красной каймой сарафанчик мелькал между деревьев, пока девочка искала детей, спрятавшихся кто за толстое дерево, кто за бугорок, кто в кустах. Хитрый Гришка влез на тополь и укрылся в густых ветках. Поди сыщи его! Дети и не заметили, как напозла грозовая туча, ведь солнце ещё продолжало светить. С первыми каплями дождя Оля вышла из-за дерева и крикнула ребятам:

— Всё, хватит играть. Бежим домой! Не то промокнём!

Она знала, что Николенька спрятался за кустом, подошла к брату и хотела увести домой, но тот заупрямился, выдернул руку:

— Я ещё поиграю! — и резво убежал от сестры.

К дому с Олей поспешила только Варюшка, а разгорячённым мальчишкам после душной жары понравилось бегать под несильным прохладным дождиком. Девочки уже были у дома, когда солнце скрылось, а дождь стал усиливаться. Издали донеслись раскаты

грома. Оля и Варюшка забежали на крыльцо почти сухими, и тут вдруг хлынул настоящий ливень, который становился всё холодней и холодней. Градинки величинной с гречишные зёрна застучали по стёклам. Свинцово-серую огромную тучу на миг пронзила стрела молнии, ударил гром. Тут уж прибежали домой и мальчишки, промокшие до нитки и продрогшие. Детей сразу переодели в сухое, а Николеньку растёрли махровым полотенцем, но это ему не помогло. На другой день мальчик сделался вялым, капризным, а к вечеру слёг в несильной ещё горячке. Ни Оля, ни Саша, ни закалённые крестьянские дети не заболели.

Сначала хворь Николеньки не вызывала у матери и бабушки особых опасений. Лечили его домашними средствами, ставили горчичники, заваривали травы в надежде, что ребёнок вот-вот пойдёт на поправку, как это обычно случалось. Однако через три дня горячка у мальчика усилилась, он охрип и начал кашлять. Послали в Звенигород за доктором. Осмотрев и послушав через трубочку Николеньку, доктор объявил, что заболевание серьёзное, запретил пускать к нему братьев и сестру и, назначив лечение, уехал.

Надежда Осиповна велела перенести больного из «детского» флигеля в дом и послала Никиту в Москву сообщить мужу о болезни среднего сына. Прошение Сергея Львовича о коротком отпуске начальство уважило, и в субботу 27 июля обеспокоенный отец прибыл в Захарово, по пути заехав в Вязёмский храм за священником. Отец Иоанн отслужил перед домашними иконами молебен о здравии Николеньки, особоровал, причастил его и вернулся в Вязёмы.

Несмотря на лечение, брату становилось всё хуже и хуже, лихорадка и кашель усилились, аппетит пропал. Оле и Саше об этом не говорили, ещё надеясь на выздоровление. Только к вечеру 29 июля Николеньке, наконец-то, стало немного лучше, горячка отпустила его, и

кашель поутих. Родители вздохнули с облегчением и разрешили старшим детям проведать больного.

Похудевший, бледный, он лежал в кроватке. Увидев брата и сестру, мальчик оживился. Оля первая вступила в разговор:

— Выздоровливай скорей, Коленька. Все тебя играть ждут! Не болей!

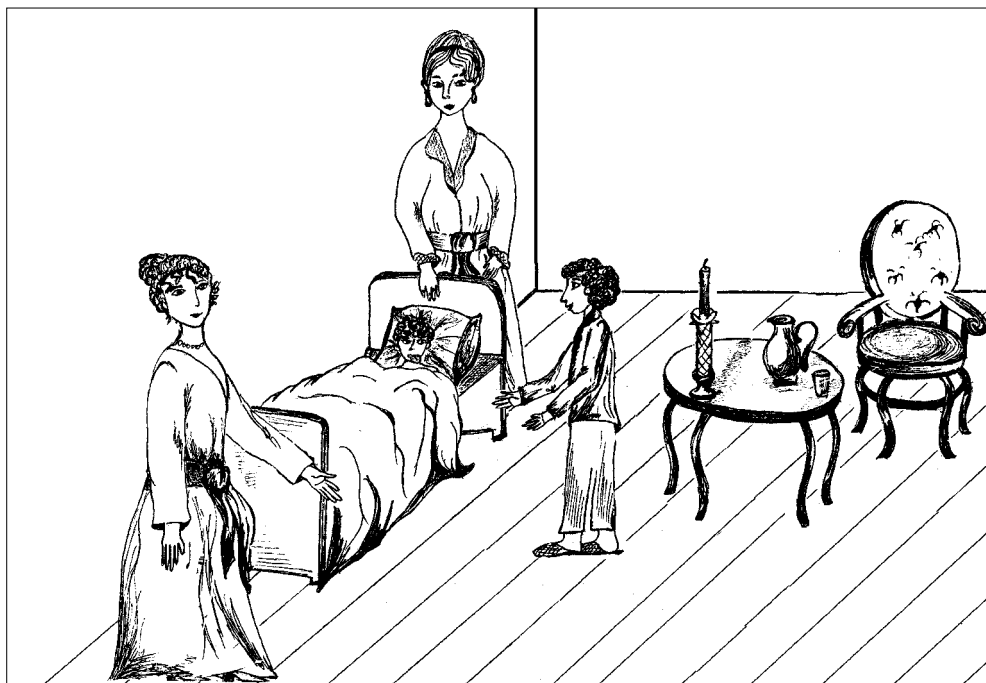
— Бонжур, Николая! Тра-ля-ля, тра-ля-ля! Привет, привет! Кончай болеть! — Саша соорудил уморительную рожицу, чтобы развеселить братишку.

Тот в долгу не остался: улыбнулся и показал язык.

— Вот поправлюсь и выиграю у тебя в кубари! — он приподнял голову над подушкой, но тотчас обессиленно опустил.

— Ну, хватит на сегодня. Коленька устал, пусть поспит. Идите к себе, завтра снова увидите, — строго сказала Надежда Осиповна.

— Адъё, адъё! — задорно попрощался Саша, выходя из комнаты.

— Оревуар, выздоравливай! — пожелала братику Оля, помахав ему ладошкой.

Ночью Саша почему-то долго не мог уснуть, всё вспоминал, как бледный ослабевший Николенька показал ему язык. Сестра тоже ворочалась в кровати, вздыхала. Девочке чудилось, как страшная чёрная туча наползает на усадьбу и закрывает свет. Ближе к полуночи дети всё-таки крепко заснули.

Наутро 30 июля няня разбудила Сашу, когда солнце поднялось уже высоко. Лицо у неё было горестное, глаза заплаканные.

— Беда-то какая! Николушка, ангелочек наш, преставился, — сказала няня, смахивая слёзу.

Саша в первый момент оцепенел. «Как преставился? Куда преставился? Кому преставился? Зачем преставился?» — молоточками стучали мысли в его голове. Рассудок отказывался понимать слова, значение которых мальчик давно знал. Когда ему не было ещё трёх лет, в Петербурге преставился его двоюродный дед Иван Абрамович Ганнибал, а через три месяца после него умерла в Москве Сашина бабушка и крёстная Ольга Васильевна Пушкина. В прошедшем 1806 году в Михайловском опасно захворал дедушка Осип Абрамович Ганнибал. Отец даже специально выхлопотал себе командировку в Псковскую губернию, чтобы проведать и поддержать болящего. Дедушка умер в начале октября,

мать и бабушка ездили проводить его в последний путь и вступить в наследство именем. Однако все, кто представился, были, по Сашину разумению, людьми очень старыми. Из них мальчик помнил одну Ольгу Васильевну, да и то смутно. С братом Николенькой, который только вчера улыбнулся ему и показал язык, слова «преставился», «умер» Саша никак не мог связать. Он встал, машинально оделся и вышел из спальни. Дверь в Олину комнатку была открыта, и, проходя во двор, мальчик мельком увидел, что няня причёсывает сестру и обе они, всхлипывая, утирают слёзы.

Саша побрёл к дому. У крыльца непонятно зачем стояла запряжённая коляска. Он вошёл в открытую дверь. Из комнаты, где лежал Николенька, слышался неровный голос Марьи Алексеевны, читающей заупокойную молитву: «Со святыми упокой, Христе, душу раба Твоего, новопреставленного младенца Николая, идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь бесконечная...»

Надежда Осиповна была в столовой. Под заплаканными глазами у матери темнели круги, в чёрных волосах появилась седая прядка. Надежда Осиповна даже не обратила внимания на старшего сына, потому что Лёвушка, сидя у неё на руках, захныкал, показывая на комнату Николеньки:

— Бьятик! Где бьятик? Хочу к бьятику!

— Нельзя к братику, братик спит, — стала уговаривать мать Лёвушку и разрыдалась.

Вышел одетый в дорожный костюм Сергей Львович. Его печальное лицо выглядело осунувшимся. Мимоходом погладив Сашу по голове, он подошёл к жене и стал утешать её:

— Держись, Надя. Господь забрал от нас Коленьку, такова уж Его воля. Пережить надо это горе.

— Купи там, в Вязёмах, место для могилки поближе к алтарю, не скупись, — сквозь слёзы наказывала мужу

Надежда Осиповна. — Пономаря привези сюда... Гробик выбери получше.

— Не заботься, Наденька, всё сделаю как положено.

Сергей Львович поцеловал жену и малыша и пошёл к коляске, по пути снова погладив старшего сына по голове.

Саша только теперь осознал, что Николенька умер, что скоро его похоронят, что больше с братом ему не свидеться, и в отчаянии побежал из дома в парк. В беседке, стоящей на пригорке у пруда мальчик дал волю слезам. Скоро к нему подседа безутешная Оля. Преданный Соколко нашёл их и лёг к ногам.

Дети стали вспоминать, как они играли с Николенькой. Так им казалось, что брат ещё с ними или где-то неподалёку.

— Помнишь, как позапрошлым летом ты отнял у Коленьки жука и подкинул Параше? Она забоялась, а вам обоим смешно было?

— Да. А ты помнишь, как спряталась от Николеньки между домом и поленницей, а он тебя всё равно нашёл!

— Конечно, помню. Ещё ты учил его басню дядюшкину читать, а он озорничал и нарочно слова путал.

— Угу. Потом, когда папа́ спросили, он всё правильно рассказал. Помнишь, на другой день после твоих именин Николенька схватил мой кубарь и бросился наутёк. Я за ним, а он взбежал по лесенке на бельведер. Там мы его и догнали. Он мне кубарь сразу отдал и говорит: «Смотри, как здорово!» Оттуда, правда, вид хорош был: речка, наше сельцо, поля вокруг и облака, плывущие по небу.

— А прошлым летом ты в Юсуповом саду из-за него подрался.

— Ох, и попало мне тогда от мамá за порванную рубашку!

— Помните, как мы Николку играть в бабки да кубари учили? — присоединился к разговору Стёпка. Брат с

сестрой не заметили, когда он подошёл. С ним была Варюшка.

— Николка — добрый. Вот что мне подарили, — девочка показала глиняную свистульку.

— Не верится, что больше нет его с нами, — вздохнула Оля и снова заплакала. Захлюпали носами и все остальные. Пёс Соколко, чуя общее горе, начал подвывать.

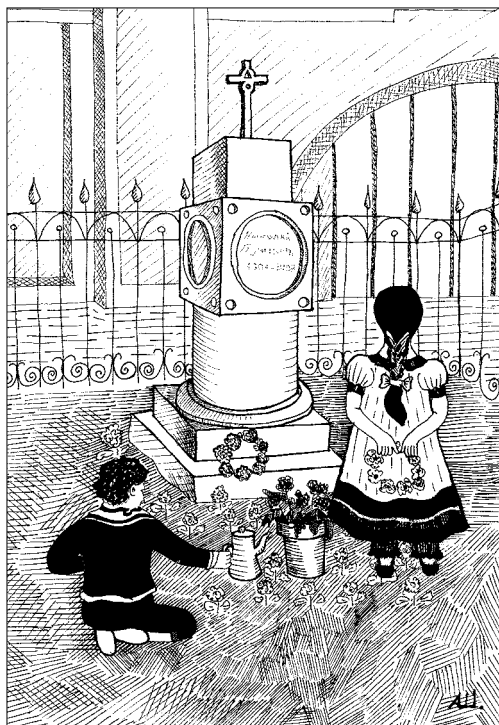
Марья Алексеевна нашла детей в беседке и стала их утешать:

— Горе, детушки, горе. Да такова доля, что Божья воля. Забрал ныне Господь Коленьку нашего к себе. Теперь он, ангелочек безгрешный, за нас в раю молится и нас благословляет... Пойдёмте, покушать бы вам надо.

Дети немного успокоились и поплелись за бабушкой. Завтрак был для всех накрыт в берёзовой роще. Через силу поев каши, Оля и Саша пошли в дом. Там в комнате брата пономарь читал молитвы. Детям дали по свече и пустили внутрь. Николенька лежал в гробике, украшенном голубыми лентами и резными деревянными ангелочками по бокам. Лицо его дышало необыкновенным спокойствием. Казалось, он спит и видит счастливые сны.

Сразу после медового Спаса брата отпели в Вязёмской Преображенской церкви. Саше запомнились слова песнопений, полных утешениями для скорбящих родителей и родственников, прошениями об упокоении «новопреставленного младенца Николая» в Царствии Небесном и верой в то, что теперь он, как и говорила бабушка, будет молиться на Небе за всех, любящих его.

Николеньку похоронили прямо рядом с церковью, у алтарной части. С того дня, бывая в Вязёмах, Оля и Саша непременно заходили на могилку брата. Помня, как он любил собирать полевые цветы, они плели венки и клали на холмик, а когда родители установили памят-

ник, то украшали венками и его. На следующий год дети стали находить на могилке садовые цветы, поставленные в глиняный кувшин. Это Анночка Зеленская их приносила. Ей долго не говорили о смерти Николеньки, но летом она сама нашла новое надгробие в церковной ораде.

Сашу потеря любимого брата заставила задуматься о конечности земного бытия, о неизбежности смерти. Однажды он пошёл с книжкой в берё-

зовую рощу, присел на пенёк и вместо чтения погрузился в свои мысли, в созерцание грустного и прекрасного вида начавших желтеть деревьев. Тут мальчика и нашёл Алексаша, возвращавшийся домой из дальнего леса с полной корзиной грибов.

Бойкий словоохотливый повар присел рядом на землю и спросил:

— Что, хороша наша роща?

— Хороша. Как я её люблю! Хочу быть здесь похороненным, когда умру.

— Что Вы, что Вы, барич, Вам ещё жить да жить! Пойдёмте лучше до дому, уже вечерет.

Мальчик вздохнул и побрёл за поваром, которого уважал за рассудительность и сметливость.

Смерть Николеньки, первое большое горе в Сашиней жизни, осталась неизгладимым рубцом в его чуткой душе.

Московские будни и праздники

Осенью 1807 года Пушкины сняли деревянный дом с двумя флигелями и хозяйственными постройками на Поварской улице и зажили как обычно — открыто и хлебосольно. Родители и гости теперь чаще говорили о политике, горячо обсуждали Тильзитский мирный договор, подписанный 8 июля 1807 года государем Александром Павловичем и Наполеоном Бонапартом после тяжёлых военных поражений, понесённых Россией и её союзниками. По этому договору Россия была вынуждена признать завоевания Франции в Европе, оставить Молдавию и Валахию, отвоёванные у Турции, прекратить торговлю с Англией, своим главным партнёром. Россия и Франция обязались помогать друг другу во всякой наступательной или оборонительной войне. Унизительные условия Тильзитского мира уязвляли национальные чувства россиян. Вечера у Пушкиных

проходили на патриотической волне интереса к родной истории, литературе, искусству. На Сашу и Олю всё это производило неизгладимое впечатление.

Русский язык, Закон Божий и арифметику детям теперь преподавал Алексей Иванович Богданов, студент последнего курса Московской духовной академии. Нового учителя рекомендовали Сергею Львовичу его тётушки Варвара, Анна и Мария Васильевны Чичерины. Алексей Иванович служил в церкви Симеона Столпника на Яузе, где прихожанками были престарелые сёстры.

Богданов умел быть и мягким, и требовательным с детьми, и они полюбили его уроки. Раньше бабушка ни-

как не могла втолковать основы арифметики Саше, особенно деление. Сколько из-за него было пролито слёз! А молодому учителю удалось поправить положение.

На занятиях Саша порой отвлекался и сочинял стихи. Богданов относился к этому снисходительно, в отличие от нового гувернёра Руссло, сменившего графа Монфора. Сутулый и лысоватый, Руссло внешне являл противоположность своему предшественнику. Оле и Саше он преподавал французский язык и латынь. Гувернёр хорошо знал французскую литературу. Особенно преклоняясь перед Вольтером, он и сам недурно сочинял стихи, примеры из которых приводил ученикам на уроках наряду с цитатами из классиков. Руссло придерживался высокого мнения о своём творчестве, но для брата и сестры Пушкиных разница между его сочинениями и произведениями великих французских авторов казалась очевидной. Педантичный преподаватель строго спрашивал на уроках, не спускал малейшей невнимательности ученикам. Особенно доставалось Саше, но его спасала прекрасная память: не уча задания, он мог совершенно правильно его ответить вслед за сестрой. Слова и речевые обороты он легко запоминал прямо на занятиях. Дети недолюбливали Руссло за строгость и заносчивость, но учителем тот считался хорошим не зря. Успехи Оли и Саши по французскому языку и латыни скоро заметили все.

Уроки фортепиано девочке теперь давал немец Гринвальд. При Монфоре она обожала играть, с удовольствием постигала нотную грамоту и разучивала новые упражнения. С приходом Гринвальда, неудавшегося танцмейстера, всё изменилось. Немец требовал совсем иной манеры игры — громкой и резкой. Сам он нещадно барабанил по клавишам старых ганнибаловских клавикордов. Ученицу, если она делала что-то, по его мнению, не так, он мог ударить линейкой по рукам. Однажды Оля не стерпела и воскликнула:

— Мсьё Гринвальд, вы делаете мне больно!

— А кто Вам сказал, что я не хочу сделать Вам больно! — грубо ответил немец.

Скоро она возненавидела уроки фортепиано, и охота заниматься у неё пропала. Родители не слушали жалоб дочери, принимая их за обычные капризы. Девочка выполняла заданные учителем упражнения без всякого энтузиазма. Лишь иногда в его отсутствие Оля садилась за клавикорды и разучивала произведения любимого композитора Моцарта в той мягкой манере игры, которую привил ей Монфор. Единственным её благодарным слушателем был Саша. Музыка вдохновляла мальчика, и он порой сочинял стихи, записывая их в тетрадь, положенную на колени. Рядом обыкновенно дремала на мягкой подушке стареющая Жужу, тёмная мордочка которой уже начинала седеть. У камина на коврикe сладко спал кот Тришка, свернувшись калачиком. Для брата и сестры это были счастливые часы.

Иногда после уроков или воскресного богослужения Оля и Саша с дядькой Никитой Козловым отправлялись на прогулки по Москве, а по праздникам выезжали с родителями и слугами на популярные народные гулянья.

Кремль, Арбат, Замоскворечье, Немецкая слобода, Сокольники. Лефортово... Сколько в православной Москве замечательных мест, от которых веет седой стариной! С давних времён любят хлебосольные москвичи праздники и умеют от души повеселиться.

Накануне Вербного воскресенья, в Лазареву субботу, едут со всего города кареты на Красную площадь на большое детское гулянье и вербную ярмарку. Длинный ряд экипажей тянется по Волхонке до собора Василия Блаженного и Лобного места. Саша, Оля и Лёвушка глядят по сторонам — конца нет этой веренице. Вдоль кремлёвской стены напротив гостиных рядов расставлены палатки и столы, где торгуют вербами, детскими игрушками и красным товаром: тканями, лентами, галантереей, недорогими украшениями. Торговцы предлагают с лотков пироги, калачи, бублики, зазывают детей попить чайку к самоварам, кипящим на столах, а взрослых — напитки покрепче. Пушкины выходят из экипажа и присоединяются к нарядно одетым горожанам, выбирающим подарки для детей и покупающим вербы к великому празднику. Тут же балаган с кукольным представлением. Лёвушка идёт за руку с Сашей и няней. Увидев детскую карусель, малыш начинает проситься туда:

— Каюселька, каюселька!

Мать протягивает Саше монету:

— Иди, покатай Лёвущку! Только, смотри, крепче держи!

Пока родители с Олей ходят по торговым палаткам, выбирая вербы и подарки, мальчики с няней идут к карусели и глядят, как дети на деревянных слониках и лошадаках катятся по кругу, который с помощью специ-

альной передачи вращают два крепких мужика.

— Каюсельку хочу! — хнычет Лёвушка.

— Обожди маленечко, — уговаривает его няня.

Вот карусель остановилась, и маленькие «всадники» слезли со «скакунов». Ожидавших своей очереди ребят, наконец, пустили занимать места. Лёвушка выбрал самого большого слоника. Саша посадил его перед собой, крепко ухватившись руками за скобу впереди седла. Брат оказался

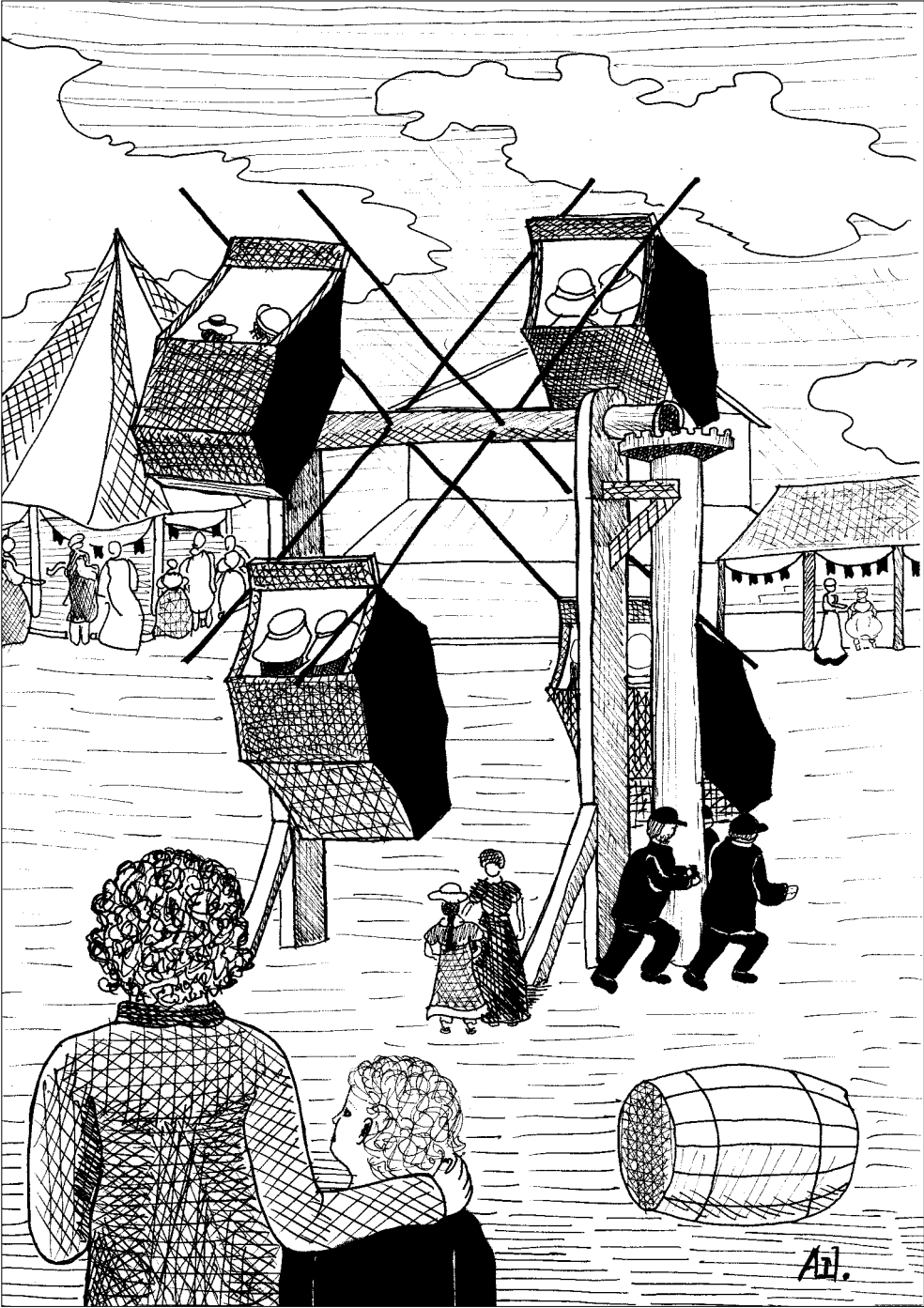
сидящим как бы в креслице с «подлокотниками» из Сашиных рук — нипочём не упадёт! Карусель закрутилась сначала медленно, а потом побыстрее. Лёвушка выхватил деревянный меч из холщовых ножен и, размахивая им, закричал:

— Уйа! Впеёд!

— Держись крепче, Лайон, — с напускной строгостью наказал брату Саша.

Поплыли перед глазами кремлёвские стены и башни, маковки церквей и торговые ряды. Весело кататься на карусели! Но вот она стала замедлять ход и совсем остановилась. Саша снял брата со слоника. Мальчики сошли с круга, а навстречу уже и Оля с родителями. Девочка протягивает братьям по пирогу с капустой. А у тех на свежем прохладном воздухе аппетит разыгрался, вкусными показались простые пироги!

Выпив чайку из самовара и посмотрев короткое кукольное представление в лубочном балагане, Пушкины возвращаются домой на Поварскую, покидая Красную

площадь через Иверские ворота с двумя шатровыми башенками, на которых блестят двуглавые орлы.

На третий день Пасхальной недели Оля и Саша с дядькой Никитой идут в Кремль, гуляют в Тайницком саду, заходят в Успенский собор к мощам московских святителей и забираются наконец на звонницу Ивана Великого.

Ещё не отдышавшись после подъема по крутой винтовой лестнице со стёртыми ступеньками, Саша прильнул к перилам кованой решётки: «Оля, Никита, какая красота! Ух! Вся Москва как на ладони!»

С высоты хорошо видны золотые купола и белые закомары кремлёвских храмов, старинные государевы терема, кирпичные кремлёвские стены с башнями, голубая лента Москвы-реки... Вот изящный Пашков дом с бельведером и колоннами, окружённый ещё не распустившимся садом с пустыми пока чашами фонтанов и гуляющими по аллеям нарядными господами, которые с высоты кажутся лилипутами. Вот широкий Каменный мост через Москву-реку, по которому букашками ползут экипажи. На востоке недалеко от Спасской башни вырисовывается сонм ярких узорчатых куполов собора Василия Блаженного.

От Кремля тянутся во все концы змейки москов-

ских улиц с каменными особняками богачей и деревянными усадьбами менее состоятельных горожан, с монастырями и приходскими церквями. Отовсюду слышится беспорядочный звон колоколов: в пасхальную неделю разрешается звонить всем, кому хочется. Город словно обнимает кольцо садов, где на фоне ещё голых деревьев золотятся цветущие ивовые кусты. Кое-где в низинах до сих пор лежит осевший снег.

— Вон Поварская и наша Борисоглебская церковь, — Оля показала брату на шпиль колокольни и купол храма, возвышающиеся над особняками. — А вон чуть ближе и правее церкви наш дом! Видишь?

— Да. Какой он крошечный отсюда! Никита, а где Новинское?

— Посмотрите, вон левее и дальше речка Пресня впадает в Москву-реку и пятиглавая церковь Введенская стоит. Там раньше Новинский монастырь был. Рядом на площади в пятницу будет гулянье.

— А мы туда поедем?

— Конечно.

Налюбовавшись московской панорамой, Оля и Саша подходят к звонарю. Тот позволяет им ударить в два небольших колокола.

— Оль, давай разом!

— Давай! Три-четыре!

Разом не получается: сестра запаздывает. Всё равно здорово!

В пятницу 9 апреля Пушкины с домочадцами едут на Новинское гуляние. Здесь такие же шатры, палатки и балаганы, как на Красной площади в Лазареву субботу, но товару и народу, пожалуй, больше. Всюду поют песни, играют на балалайках. Весело! Вдоль площади устроен длинный ряд круглых качелей с выкрашенными в разные цвета кабинками.

В семье Пушкиных очень любят эту забаву. В каждую из четырёх кабинок садятся по двое: Оля с мисс

Белли, Арина Родионовна с маленьким Лёвушкой на коленях и Стёпкой, Надежда Осиповна с Сергеем Львовичем, дядька Никита с Сашей. Три мужика начинают вращать механизм, и качели крутятся всё быстрее. Кабинки то взлетают вверх, то опускаются вниз. Дух захватывает! Старшие дети смеются, Левушка визжит, ухватившись за няню, у мисс Белли испуганные глаза... Но вот качели замедляют ход, и все поочередно выходят из своих кабинок, слегка покачивающиеся и довольные.

Лёвушка снова тянет Сашу к детской карусели — не отстанет, пока не накатается. Остальные глядят, как братья на деревянной лошадке проносятся по кругу мимо, и весело машут им. Потом все вместе идут гулять по площади, дешёвый красный товар у коробейников выбирают, народные песни слушают.

Талантлив московский люд, песни слагает красивые, задушевные! Вот две девушки-мещаночки, опрятные и нарядно одетые — по всему видать, из Немецкой слободы, слаженно поют, а парень, на старшую из них лицом похожий, на гитаре подыгрывает да той, что помладше, подмигивает:

*Вдоль по улице по Шведской
В слободе было Немецкой,
Генерал-от немец ходит,
За собою девку водит.
Водил девку, водил немку,
Молодую иноземку.
Девка немцу говорила:
Говори, радость, со мною,
Мы одни теперь с тобою,
Ещё третий — высок терем.
Как поедешь, мой любезный,
Во царскую службу,
Заезжай, моя надёжа,
В калинову рощу,*

*Ты сорви, мой друг, покушай:
Какова горька калина,
Таково житьё за старцем.
Каково житьё за ровнем?
Какова сладка малина,
Таково житьё за ровнем!*

Домой на Поварскую к позднему обеду дети и взрослые возвращаются счастливые и голодные, несмотря на уйму съеденных на гулянье сладостей...

На Радоницу, 13 апреля 1808 года, Надежда Осиповна и Сергей Львович идут со старшими детьми на открытие нового деревянного театра у Арбатских ворот, построенного знаменитым архитектором России. Со всех сторон здание окружено стройными колоннами, образующими галерею, по которой можно подъехать прямо к дверям. Площадь перед театром заново вымощена. В зрительном зале всё сверкает, от женских нарядов рябит в глазах. Труппа, усиленная хорошими танцовщицами из Петербурга, на премьеру даёт пьесу Сергея Глинки «Баян» с хорами и балетом. Спектакль о славном русском песнопевце древнейших времён по душе патриотическим настроенным москвичам.

Вернувшись из театра, Саша берёт тетрадь, влезает с ногами на кресло в гостиной и сидит, притихнув. Впечатления последних дней овладевают его воображением, но стихи о Москве на французском языке пока не складываются.

* * *

Придёт время, и юный поэт воспоёт город своего детства, обращаясь к нему:

*Края Москвы, края родные,
Где на заре цветущих лет
Часы беспечности я тратил золотые,
Не зная горестей и бед...*

«Похититель»

Сергей Львович и Надежда Осиповна постоянно пополняли свою библиотеку. Их увлечение великой французской литературой передалось детям. Чтение стало Сашиной страстью, ради которой он частенько пренебрегал уроками. Его увлекали поэмы, стихи и повести Вольтера, весёлые сатирические пьесы Мольера, ненавязчиво, но метко высмеивающие человеческие пороки, остроумные и поучительные басни Жана де Лафонтена. Французские переводы античных авторов Эзопа, Гомера, Горация, Вергилия тоже заинтересовали Сашу.

Мальчик часами просиживал в библиотеке за книгами и с удовольствием слушал на семейных вечерах, как отец и дядя декламируют произведения великих классиков. Саша особенно полюбил творчество Мольера и упивался его чудными пьесами. Однажды после Пасхи отец вслух читал мольеровскую комедию в стихах «Шалый, или Всё наоборот». Дети весело смеялись, когда он с присущим ему юмором представлял, как юный незадачливый Леллий предпринимает попытки похитить возлюбленную — прекрасную невольницу Селию. Ему помогает хитрый и находчивый слуга Маскариль, но чрезмерной прямоотой и честностью хозяин всякий раз сводит на нет его плутни. Впрочем, в этой комедии всё заканчивается счастливо: Селия оказывается дочерью богача Труфальдина, который отдаёт её в жёны Леллию.

Вдохновлённый стихами французских классиков, Саша начал сочинять басни, импровизировать комедии на французском языке. В гостинной в отсутствие взрослых дети стали играть в театр. Мальчик был в нём и автором, и единственным актёром, а вся публика состояла из сестры, которая громко аплодировала, если пьеска ей нравилась, или свистела и шикала, если нет.

В начале мая в своём «театре» Саша импровизировал пьеску «Похититель». Оле поначалу нравилось, но потом

сюжет показался девочке знакомым. Она смекнула, что сочинение брата уж очень смахивает на сцены из комедии Мольера «Шалый, или Всё наоборот», которую недавно читал отец. Оля сунула два пальца в рот, как научили её захаровские мальчишки, и громко засвистела. От неожиданности Саша запнулся, но его замешательство продолжалось недолго. Юный автор понял, в чём дело, картинно раскланялся перед недовольной «публикой» и тут же с деланным пафосом прочёл на французском языке экспромт на самого себя:

*Скажи, за что «Похититель»
Освистан партером?
Увы! За то, что бедняга сочинитель
Похитил его у Мольера.*

Сестра засмеялась и зааплодировала:

— Браво, Сашка! Браво!

На шум вошла Арина Родионовна с Лёвущкой на руках. Выражение личика у брата было капризное. Ободрённый успехом Саша решил его посмешить. Он

пригладил, как мог, непослушные вихры на голове, стал двигаться по-кошачьи плавно, степенно поворачиваться, нюхать воздух, тереться о стенку.

— Тйишка! Тйишка! — узнал малыш, рассмеялся и захлопал в ладошки.

Саша взлохматил волосы, которые в солнечных лучах отливали рыжим, и начал изображать, как хитрый кот Васька встаёт и, жмурясь, потягивается, потом настораживается, крадёт и ловит воображаемую мышь.

— Васька! Васька! — обрадовался Лёвущка.

— Фора! — воскликнула Оля и захлопала.

Саша поклонился и на бис ещё раз изобразил захаровского кота Ваську.

Няня смеялась до слёз, а потом позвала детей полдничать. В столовой сестра, забавляясь, повторяла Сашину эпиграмму на самого себя, которая ей очень понравилась. Девочка запомнила её сразу и навсегда.

Рождество в Захарове

В конце 1808 года семья Пушкиных сняла квартиру на Малой Бронной, но последние дни декабря и половину января 1809 года дети с Марьей Алексеевной, дядькой Никитой и няней провели в Захарове. Надежда Осиповна вновь готовилась стать матерью и осталась в Москве с мужем.

Хороша зимняя дорога! Широкие сани-пошевни по накатанному пути едут быстро, легко, колокольчики звенят заливисто. Мелькают сёла и деревеньки, храмы на пригорках, полосатые верстовые столбы, пушистые заснеженные ели, одетые инеем берёзы и осины, дубы с причудливо свисающими с ветвей снегами. В солнечных лучах переливаются бисером волны сугробов на полях. Морозный воздух чистый, свежий, бодрящий. Укутанные в шубы дети глядят по сторонам, временами смахивая иней с ресниц. Перед рассветом выехали, а к полудню — вот оно и Захарово! Повар отворяет дверь и зовёт с дороги обедать — щи у него уже томятся в жарко натопленной печке, и сом «в скатерти» поспел, и компот.

После обеда няня укладывает Лёвушку спать, а старшие дети, отогревшись, одеваются и спешат на пруд. Навстречу им бежит румяная Варюшка, махая ручкой в вязаной белой рукавичке. Она везёт за собой салазки, в которых сидит... Стёпкина Жучка. Смирно так сидит, но как увидела Сашу и Олю, прыгнула и рванула к ним, дружелюбно лая и виляя хвостом.

«Давайте, барышня, со мной с горки!» — зовёт Варюшка. Девочки уселись на салазки и покатались вниз, к пруду. Саша, на ходу угостив Жучку сушкой, резво помчался за ними. Собака сгрызла угощение и пустилась вслед.

Замёрзший пруд расчищен, по льду носятся на коньках, привязанных к валенкам, захаровские ребяташки. Стёпка и Гришка подбежали к Саше:

— С приездом, барич! Идите с нами кататься!

Стёпка отвязывает свои коньки и крепит к Сашиным валенкам.

— Коньки самолучшие! — хвастается Гришка. — Мой батька сделал!

Раскрасневшиеся друзья берут Сашу под руки и тащат на лёд. У того с непривычки ноги разъезжаются, будто он пляшет. Оля с Варюшкой стоят на берегу, смеются и снежки в ребят бросают, а Жучка вокруг них прыгает и лает. Начинаящему конькобежцу и самому смешно, но скоро и у него кое-что стало получаться. Гришка со Стёпкой — учителя что надо!

На другой день ребята сговорились играть на льду в кубари. Это оказалось так здорово! Кубари крутятся долго-долго и, скользя, сшибаются расписными боками, прямо танцуют. Игра получается быстрая, азартная.

Потом Оля и Саша катались на санках вместе с Лёвушкой. Того в горку приходилось везти — идти он нипочём не хотел. Зато вниз съехать всё норовил один, да няня строго-настрога наказала его не отпускать: мол, горка уж больно крутая, мал ещё. Дети играли в снежки, лепили снеговиков, прокатились с дядькой Никитой на тройке по окрестностям.

Незаметно пролетело несколько дней. В Рождественский сочельник вся деревня готовилась к празднику. Стряпали кушанье из свинины, но пока ели только сочиво — постную кашу с овощами. Как стемнело, по дворам пошли ряженые. К барскому дому притопал «медведь», нарочито переваливаясь, а за ним с хворостинами и мётлами — три крестьянских парня: Федька, Карп и Терёшка, одетые в вывернутые наизнанку тулупы. «Медведь» стал «реветь» и бегать по двору, парни с гиканьем помчались за ним, как полагалось по старинному обряду изгнания «нечистой силы». Марья Алексеевна в овчинной душегрейке и тёплой пуховой шали вышла на крыльцо и пригласила ряженных. Переступая порог, «медведь» запел:

*Благослови, Бог, дом
И всё, что в нём:
И камни, и ставни,
И древо и скот.
У Бога всего много,
Пусть вам Бог подаёт,
А Вы нам от щедрот!*

— Никак Алёшка! — по голосу узнала Марья Алексеевна под медвежьей шкурой муженька Марьюшки. — Вот вам на здоровьице! — бабушка положила в мешок колядующим кругляш колбасы и несколько мелких монет. Дети принесли пряников, а няня — сдобный пирог с капустой. Довольные ряженые пошли дальше в село.

Рождественским утром, едва Саша и Оля позавтракали, как увидели под окнами ватагу во главе с Гришкой. Тут была и Варюшка с подружками. Дети звонко пели:

*Рождество Христово — Ангел прилетел.
Он летел по небу, людям песни пел:
Все люди ликуйте,
В сей день торжествуйте —
Сегодня — Христово Рождество!*

Марья Алексеевна вышла на порог, и крестьянские дети начали колядовать:

*Тётенька добренька,
Пирожка-то сдобненька
Не режь, не ломай,
Поскорее подавай,
Двоим, троим,
Давно стоим,
Да не выстоим!
Печка-то топится,
Пирожка-то хочется!
С Рождеством Вас!*

Ну, как тут было не подать угощение! Бабушка вынесла колядующим пирогов, а Саша с Олей — леденцов.

— Пустите нас с ними, — попросил Саша бабушку.
— Идите, только тепло оденьтесь, — разрешила та.
— Подождите! Мы с вами! — крикнула Оля Гришке.

Быстренько одевшись, брат с сестрой догнали ватагу и пошли по деревне. Наколядовали дети много всякой всячины, пришлось даже на санках мешок везти, но себе Саша взял только пирожок с любимым крыжовенным вареньем, а Оля — с земляничным. Всё остальное досталось крестьянским ребятишкам.

На третий день Святки был праздник у Анночки Зеленой в Вязёмах, куда позвали детей Пушкиных и других окрестных помещиков. Из большого игрового зала во флигеле убрали игрушки и украсили его яркими гирляндами. Хозяйке праздника шёл седьмой год, прежней пухлости личика у неё уже не было, отчего «ореховые» глаза девочки казались ещё больше и красивее. Её

слегка волнистые волосы спадали чуть ниже плеч. В модном кисейном светло-оранжевом платье с воздушными кружевами и такого же цвета панталончиках, с украшенной мелкими стразами короной на голове, Анночка походила на маленькую фею.

В честь большого праздника приехал из Москвы Борис Владимирович Голицын. Он заинтриговал всех обещанием сюрприза в конце бала и объявил первый танец. Князь решился потрянуть стариной: взял скрипку, на которой в молодости прекрасно играл, и вместе с гувернанткой стал аккомпанировать детям.

Анночка танцевала хорошо, ведь когда она бывала в Москве, её возили на уроки к Иогелю. Да и сам Борис Владимирович, будучи хорошим танцором, наставлял воспитанницу. Саше легко было вальсировать в паре с нею. Другие дети танцевали гораздо хуже. Партнёр Оли, долговязый неуклюжий мальчик, всё время сбивался с ритма, и ей приходилось шёпотом считать: «Раз, два, три...» Но это не испортило веселья.

В разгар праздника объявились ряженые. Одета «барином» невысокая стройная молодуха, приплясывая, запела своей «супруге» — наряженному «барыней» здоровенному плечистому мужику:

*Эх, барынька,
Что ты маленька?
Али в маменьку,
Али в батеньку?*

А «барынька», брэнча на расписной балалайке, сделанной вязёмскими мастерами, густым баритоном отвечала:

*А я маленька,
Да аккуратненька,
Что есть на мне,
Пристаёт ко мне!*

Потешно танцевали «барин с барыней» и «козёл с овечкой». К ним присоединилась вбежавшая с заливистым ржаньем «лошадь» в холщовой попоне, с гривой и

хвостом из мочала. Лошадью нарядились два молодых парня из дворни. Первый мотал из стороны в сторону «лошадиной» головой и притопывал «передними копытами», а второй выделявал «задними» ногами забавные коленца. Балалаечник—«медведь» пел басовитым голосом, наигрывая русскую плясовую:

*Играй, играй, балалаечка,
Во славу праздничка!
Пляши, барин с барынькой,
Козлик с овечкою
Да лошадушка!
Пляши, детвора,
Нынче праздник Рождества!
Божью Матушку
Да Младенца-Христа
Славим в Святочки!
Пляши веселей!
Пляши, не жалея
Ножки-пяточки!*

Князь подхватил нехитрую мелодию на скрипке. В пылу веселья Саша, увлекая за собой Анночку, первым пустился в пляс с ряжеными, следом Оля со своим неуклюжим кавалером и за ними остальные. Повеселились от души.

В конце праздника Борис Владимирович щедро одарил детей гостинцами и игрушками, а ряженых — пятаками да алтынами. Когда все вышли на улицу, короткий зимний день уже отгорел. И вдруг снег озарился яркими огнями фейерверка! Так вот какой рождественский сюрприз приготовил князь для своей воспитанницы и её гостей!

Но потехе — час, а делу — время. Пришла пора возобновить уроки. Вскоре после Крещения Господня Оля, Саша и Лёвушка с няней, дядькой Никитой и приехавшим за детьми Василием Львовичем вернулись в Москву. Марья Алексеевна уехала несколькими днями раньше — и неспроста. Дома детей ждала радостная весть: 9 января 1809 года благополучно появилась на свет сестрёнка Сонечка.

«Прекрасный цветок»

Весной Лёвушке исполнилось четыре года. Он рос всеобщим любимцем и маминим баловнем, постоянно требовал к себе внимания и капризничал по всяким пустякам. Хотя порой Саше было горько, что мать отдаёт явное предпочтение младшему брату, он всё равно любил его, играл с ним, гулял, забавлял, читал сказки и стихи.

С переездом в Захарово Лёвушка на прогулках бегал хвостиком то за старшим братом, то за сестрой. Иногда он носился с Соколкой по двору под присмотром няни. Тогда Саша брал книгу и быстренько уходил в рощу или к наклонённому дубу у Площанки.

Тёплым июньским днём Оля занималась в саду с младшим братом, а Саша пошёл играть в бабки с деревенскими ребятами. Потом он велел Стёпке отнести бабки домой и отправился бродить по окрестностям. Юный поэт уже возвращался назад любимой берёзовой рощей, когда увидел, что ему навстречу бежит Ниночка. Молоденькую девушку, дальнюю родственницу Пушкиных, привезли в Захарово в надежде, что здесь разум у неё прояснится: после какого-то несчастья она лишилась рассудка.

Нина временами заговаривалась, с нею часто случались истерики по ничтожным поводам, она не позволяла делать себе подобающие возрасту причёски и ходила с распущенными волосами, которые к вечеру трудно поддавались расчёсыванию. Все её жалели.

Доктора прописали девушке лечение испугом. Для исполнения этого «рецепта» к ней в комнату провели пожарный шланг. Ниночка перепугалась и убежала из дома в рощу. Увидев Сашу, она отчаянно закричала:

— Мсьё Александр! Мсьё Александр! Кошмар! Кошмар! Ко мне провели шланг! Меня принимают за пожар! За пожар! Кошмар!

Саша стал успокаивать бедняжку:

— Ну что Вы, мадмуазель Нина́, все Вас принимают за прекрасный цветок. Цветы ведь тоже поливают из шланга.

Растрёпанная, с нелепым бантом в волосах, она и впрямь напомнила Саше помятый ветром цветок.

— Правда? — спросила Нина с надеждой.

— Правда, мадмуазель, — ответил мальчик серьёзным тоном.

Девушка наивно улыбнулась и по пути домой рассказала Саше, как она любит цветы, особенно фиалки. Заметив под берёзой цветущую фиалку, мальчик сорвал её и протянул обрадованной Ниночке.

Захаровский ли воздух помог, лечение испугом или атмосфера любви и сострадания, которой окружили девушку в семье Пушкиных, только постепенно здоровье её улучшилось. Через месяц она уехала из Захарова, и больше Саша с нею не встречался.

«Толиада»

В сентябре 1809 года семья вернулась в Москву. Отец нанял деревянный дом на каменном основании с двумя избами для дворовых и хозяйственными помещениями в Арбатской части, в приходе церкви Симеона Столпника, что в Хлебном переулке близ Поварской улицы. В эту старинную церковь, увенчанную рядами узорных кокошников и пятью небольшими главками, с шатровой колокольней, теперь ходили Пушкины на службу и причастие.

Для старших детей снова наступило время учёбы. Французский язык и латынь по-прежнему преподавал строгий и педантичный Руссло. Уроки арифметики, русского языка и Закона Божьего начал вести молодой священник Александр Иванович Беликов, выпускник Московской духовной академии. Он служил в церкви святой Марии Магдалины, что при Александровском военном училище. Новый учитель свободно владел французским, немецким и латинским языками, занимался литературными переводами духовных произведений и сочинял сам. Речь его лилась спокойно, мелодично, задушевно. Не повышая голоса, он умел доходчиво растолковать сложные правила. Дети полюбили его уроки, особенно русского языка и словесности. Под руководством Беликова Саша, наконец, начал успешно постигать трудно дававшиеся ему премудрости арифметики и потом постепенно усвоил её до тройного правила: научился решать несложные задачи на пропорции с целыми числами и дробями.

Василий Львович уделял подросткам гораздо больше времени, чем прежде. Он приносил им интересные книги, журналы и даже рукописи литературных произведений. Однажды дядюшка весь вечер читал Оле и Саше список запрещённой шутокомедии Ивана Андреевича Крылова «Подщипа, или Трумф». Это была остроумная сатира на русское общество времён

императора Павла I. Крылов мастерски изобразил царедворцев «счастливыми трутнями» и комически «подменил» царский дворец крестьянским двором. Дети покатывались со смеху, слушая, как в первой же сцене царица Подщипа вспоминает, что со своим женихом князем Слюняем крала огурцы с чужих огородов. Дядюшка забавно картавил и шепелявил, представляя, как Слюняй, обладатель деревянного меча и большой голубятни, признаётся невесте:

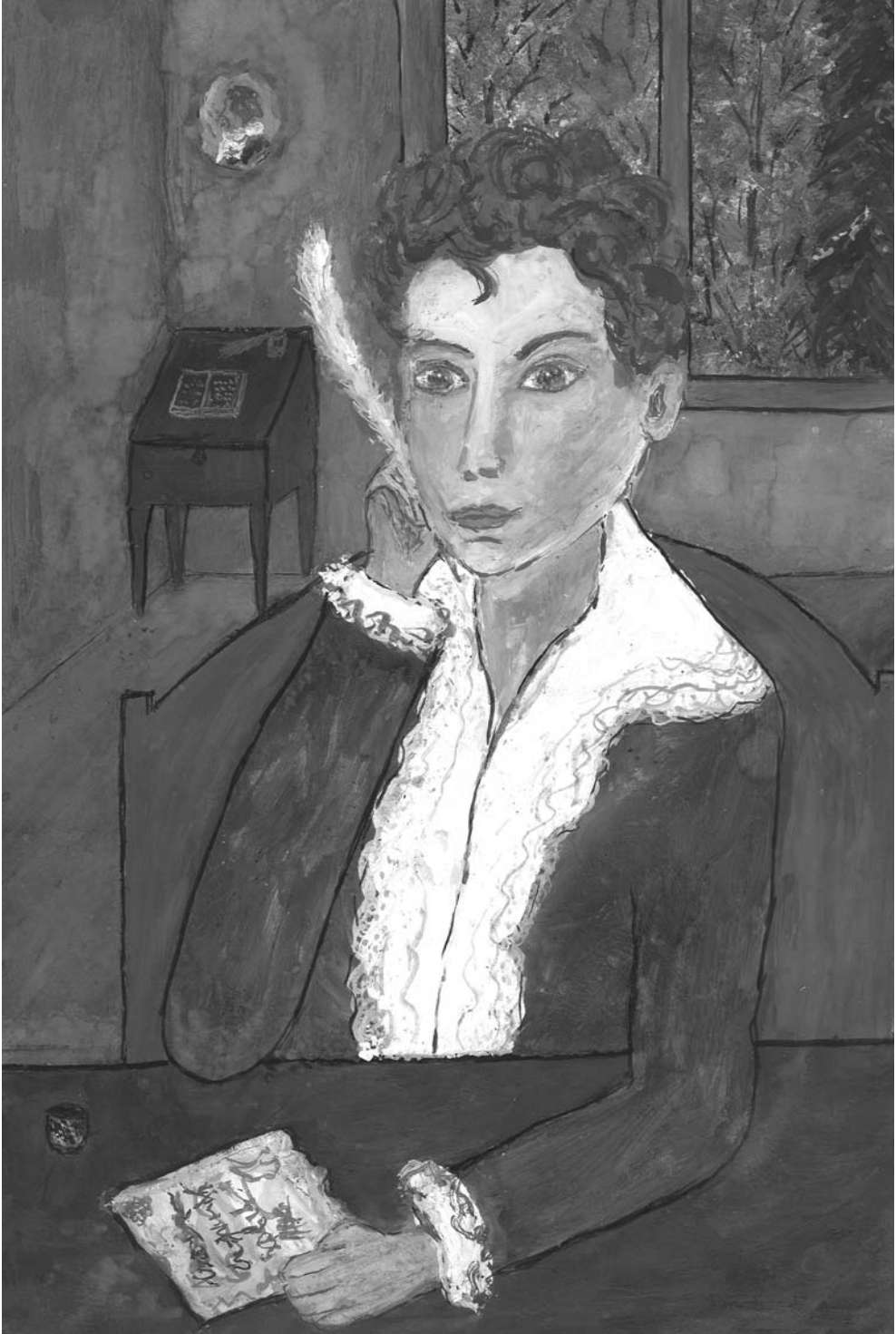
*Ой, как мне быть, как ты с дьюгим пойдёшь к венцу?
Я так юбью тебя... ну пусце еденцу!*

Государственные обязанности царя Вакулы в комедии чаще всего сводились к еде. Василий Львович зажимал нос и гнусавил за царя:

*Я разве даром царь? Слышь, лёжа на печи,
Я и в голодный год есть буду калачи.*

Изображая немецкого принца Трумфа с его солдатфонскими замашками, дядюшка говорил за него с немецким акцентом нарочито писклявым тенорком, а за Подщипу наоборот грубоватым голосом. По сюжету Трумф, воспылавший любовью к царице и возмущённый её отказом, повёл на царство Вакулы свою армию, но завоевание начал с того, что из-под носа у царя слопал его обед... Впрочем, всё кончилось благополучно: некая цыганка снабдила немецкое войско ядрёным русским табаком, до смерти расчихавшиеся солдаты сложили оружие, Трумф остался «с носом», а царица пошла под венец со своим шепелявым возлюбленным. Саша и Оля от души аплодировали Василию Львовичу. Потом они ещё долго смешили друг друга «перлами» из крыловской шутоккомедии.

Этой осенью брат и сестра увлеклись Вольтером, особенно Саша. Забывая об уроках, мальчик читал и перечитывал поэму «Генриада», события которой переносили его во Францию XVI века. Вольтер воспел подвиги короля Генриха IV Наваррского в борьбе с кле-

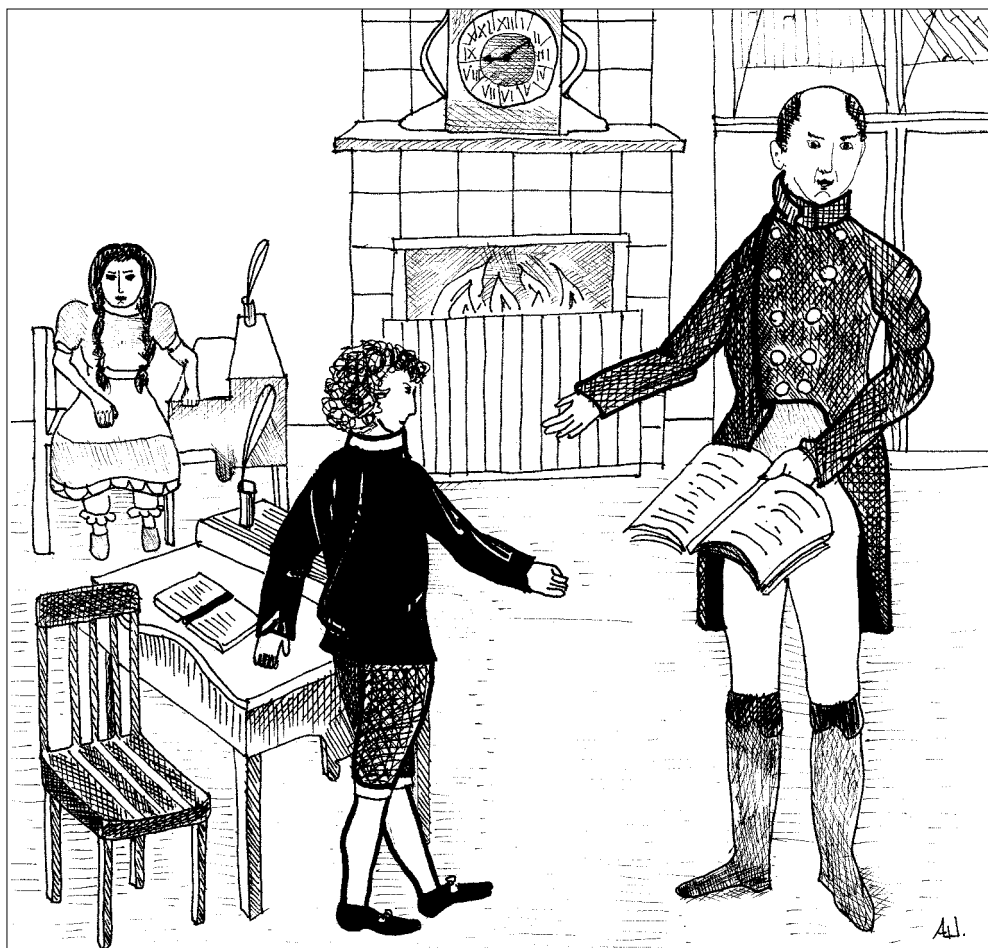
рикалами, во главе которых стоял герцог Генрих Де Гиз. Саша наслаждался красотой и глубиной вольтеровского стиха, ёмкой и точной передачей автором главного содержания поэмы уже в первых строках:

*Пою Героя, правящего Францией во славу
Рождения священным правом и победы правом,
Кто овладел в чреде несчастий долгих и сражений
Искусством побеждать врага и даровать прощенье...*

Восхищаясь «Генриадой», юный поэт принялся сочинять длинную поэму «Толиада» в шести песнях на французском языке. Для всех, кроме Оли, это было пока секретом. Лишь сестре мальчик показывал плоды своих вечерне-ночных бдений. Ей очень понравилась идея «перелицевать» героическую поэму в комическую по примеру «Подщипы» Крылова. Саша перенёс действие почти на тысячу лет назад, в VII век — ко двору французского короля Дагоберта, которого изобразил тунеядцем. Вместо короля и клерикалов главными героями «Толиады» стали королевские карлики и карлицы: доблестный рыцарь Толи́, его верные соратники Поль и Никола Матюрен, миниатюрная красавица Нитуш. Описывая многочисленные происки и плутни врагов Толи́, увлечённый автор вёл свою комическую эпопею в стихах к счастливому концу — славной победе главного героя и его женитьбе на прекрасной Нитуш.

Черновую тетрадь со стихами Саша тщательно прятал от посторонних глаз. Он думал показать «Толиаду» Василию Львовичу только когда закончит её. Мальчик был строг к себе, часто переделывал уже написанные стихи, безжалостно вычёркивая неудачные, по его мнению, слова и строки. Даже сестре он показывал не всё. Юный поэт был так поглощён сочинительством, что запустил уроки, особенно латынь.

У Пушкиных служила мамзель Лорж, некрасивая полноватая немка из обрусевшей семьи. От немецкого произношения она сохранила разве что неспособность

правильно выговаривать некоторые звонкие согласные. Из неё вышла не учительница, а очередная домашняя надзирательница, которая считала своим священным долгом следить за детьми, чтобы они вовремя делали уроки, не шалили, аккуратно одевались, не опаздывали на занятия и к столу ни на минуту — словом, вели себя не как дети, а как солдаты немецкой армии. К Оле у гувернантки претензий почти не бывало, а Саша вечно заслуживал её порицания за неряшливость и невыученные уроки. Лорж долго не могла докопаться до причины этих ужасных, по её мнению, «прегрешений», пока, наконец, случайно не заметила, что утром Саша сунул что-то под матрас.

В классной комнате Руссло вёл урок латыни. Зная прекрасную память ученика, его способность быстро схватить суть и легко ответить заданию после сестры, он спросил мальчика первым. Заданные слова и выражения Саша запомнил ещё на предыдущем уроке и ответил без запинки, а в латинских склонениях совершенно запутался. Руссло, выслушивая его попытки просклонять трудное существительное, язвительно улыбался, отчего несчастный ученик ещё больше смешался. Тут вошла Лорж и, отдавая гувернёру Сашину заветную тетрадь с «Голиадой», стала возмущаться:

— Фот чем мсьё Александр санимаетца фместо урокоф! Посмотрите, какоф стихотфорец!

Руссло с любопытством полистал Сашину тетрадь и прочёл с деланным пафосом первое четверостишие:

*Пою сей бой, в котором одолел Толи,
Где отличился Поль, где воин не один погиб,
Николу Матюрена и прекрасную Нитуш пою,
Коей рука — награда победителю в лихом бою.*

Кончив чтение, гувернёр принялся насмехаться над стихами:

— Хи-хи! Что это, мсьё поэт, рифма у Вас в первом двустииши подкачала: Толи — погиб... Хи-хи! Герою Вашему до Генриха Великого — как до Луны... Хи-хи! А карлице Нитуш до любовницы короля Прекрасной Коризанды — как до Солнца! Хи-хи! Тоже мне графиня Диана де Грамон, хи-хи-хи!..

Саша терпел эту «пытку», краснея и глотая слёзы. Наконец, он не выдержал изде-

вательства, схватил тетрадку с «Толиадой» и порывисто бросил в печку. Увидев, как запылали листы с его стихами, юный поэт заплакал и выбежал из классной комнаты, хлопнув дверью.

Сестра молчала, понимая, что вмешиваться бесполезно, но внутренне вся кипела от негодования. Про Руссло она подумала, что его стихам до вольтеровских тоже очень далеко, и гнев её обратился больше не на спесивого гувернёра, а на Лорж, выследившую юного сочинителя. «Ну, погоди, вредина!» — думала Оля, соображая, чем бы проучить гувернантку, чтоб ей стало неповадно копаться в чужих вещах и наушничать. Заметив, как опасно немка поглядела на ползущего по столу чёрного таракана, девочка придумала способ «мести». «Только бы Параша согласилась! Только бы согласилась!» — повторяла она про себя.

Собравшись с силами, Оля старательно ответила урок и, когда гувернёр отпустил её на перемену, принялась утешать Сашу, горевавшего о погибшей поэме на сундуке в чулане.

— Вот увидишь, я ей устрою, этой подлой Лорж!

— Что ты задумала? — спросил брат, утирая слёзы.

— Это пока секрет. Завтра узнаешь! — напустила туману девочка. — А Руссло просто жалкий завистник. Ему самому до Вольтера как... до Луны!

Олин план вполне удался. Узнав о происшествии на уроке, Параша согласилась ей помочь, не раздумывая. Горничная убиралась у гувернантки и не любила её за бесконечные придирки: то пыль не так вытерла, то вещи на столе переложил не туда. Угодить мелочной немке при всём старании у Параша не выходило.

Когда перед сном Лорж пришла в свою комнату, к её удовольствию там всё было самым тщательным образом прибрано, стол блестел, притом предметы туалета лежали точно там, где она их оставила. Книга была раскрыта именно на той странице, где остановилась гувер-

нантка: она любила прочесть на ночь пару абзацев из нравоучительного трактата французского архиепископа Франциска Фенелона «О воспитании девиц». Больше осилить она и не пыталась, потому что французский знала плоховато.

Немка поставила свечу на подсвечник, переделалась в ночную рубашку, накинула тёплую шаль, зажгла ещё две свечи и вознамерилась погрузиться в чтение. Но лишь она отодвинула закладку, как увидела, что прямо на странице сидит большой чёрный таракан и шевелит длинными усищами. Гувернантка содрогнулась от омерзения, еле сдержав крик, стащила с ноги тапок и ударила таракана. Но тому хоть бы что! Как сидел, так и сидит. И пуце прежнего усами шевелит! Лорж ругнулась по-русски и ещё огрела таракана тапком, и ещё — тщетно! В раздражении она схватила книгу и забросила в угол, потом загасила свечи, в темноте прочла наизусть коротенькую молитву, перекрестилась и легла в постель, но уснуть никак не могла: только начинала дремать, как перед глазами у неё появлялся «бессмертный» чёрный таракан, нагло шевелящий усами...

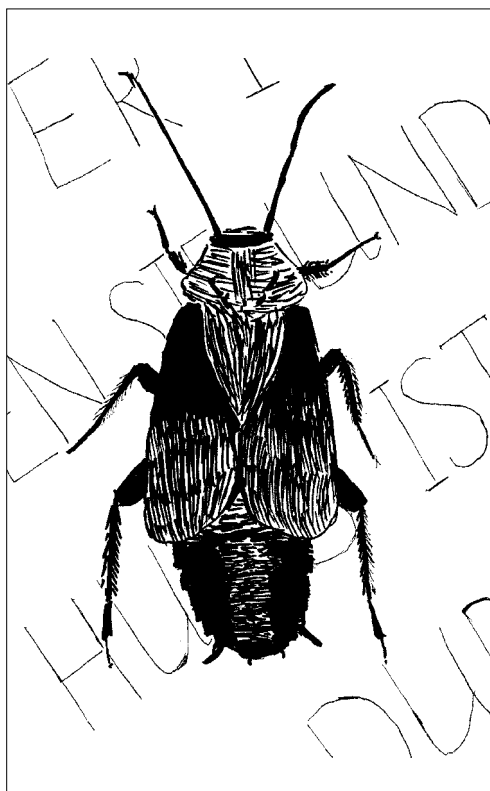
Утром немка тщательно набелилась и наругалась, чтобы скрыть следы недосыпания, с опаской покосилась на книгу Фенелона и вышла из комнаты, намереваясь приступить к своим обязанностям. Спросонья в коридоре она не заметила Тришку, мирно завтракшего ночной добычей, и наступила ему на хвост. Кот, громко мякнув, пребольно вцепился в щиколотку гувернантки. Та чертыхнулась, отпихнула его ногой и вслед за этим едва не упала, наступив другой ногой на недоеденную крысу. Снова помянув нечистого, Лорж чуть не плача вернулась переодеть порванный и испачканный чулок. Когда она вышла к завтраку с необычным для себя опозданием, внимательная Оля отметила её слегка потрёпанный вид и внутренне торжествовала.

В час пополудни гувернантка зашла в свою комнату поправить причёску и подрумяниться. Повертевшись перед зеркалом, она вспомнила о книге и, пересилив отвращение, подобрала и раскрыла её. «Бессмертный» чёрный таракан сидел на месте, как пригвождённый! Лорж взвизгнула и бросила книгу на стол. В лучах дневного света, падавших на столешницу из окна, гувернантка разглядела, наконец, что таракан нарисован — да так похоже, что сразу и не отличишь от настоящего. Значит, вчера при мерцающих свечах ей только показалось, будто он шевелил усами! Догадавшись, чья это проделка, она возмутилась и решила жаловаться на Олю Марье Алексеевне.

Когда гувернантка влетела в классную комнату, бабушка сидела у окна с пяльцами и показывала внучке сложный шов для вышивания. Саша за невысокой конторкой писал упражнение по французскому языку.

— Фот, матам, што матмуасель Олька натфорила! — выпалила немка, сунув книгу под нос Марье Алексеевне.

Бабушка, увидев нарисованного таракана, почти не отличимого от живого, и следы тапка на странице, сразу смекнула, в чём дело. Она знала, конечно, о вчерашнем происшествии с «Толиадой». Не одобряя Сашиного занятия сочинительством вместо уроков, она всё-таки жалела оскорблённого внука, поэтому Олю распе-

кать и не подумала, оценив остроумную «месть». Марье Алексеевне самой была не по нраву привычка Лорж рыться в детских вещах и ябедничать. Строго глянув на немку поверх очков, бабушка сказала:

— Бог любит праведника, а чёрт ябедника. Так, мамзель Лорж, у нас в русском народе говорят.

Гувернантка буквально опешила, когда до неё дошло, что хозяйка недовольна ею, попятилась к двери, но «путь к отступлению» ей отрезал вернувшийся с прогулки Тришка. Котище выгнул спину, грозно зашипел и приготовился ударить утреннюю обидчицу когтистой лапой. Лорж остановилась в нерешительности. От новых царапин и дырок на чулках её спасла Марья Алексеевна, ласково позвав своего любимца и взяв его на руки. Сконфуженная немка ни с чем пошла восвояси. Остановившись по привычке за неплотно закрытой дверью, она с досадой услышала дружный хохот.

Страшась увольнения, Лорж с тех пор перестала явно наушничать за детьми, и они больше не устраивали ей неприятных сюрпризов. А злопамятный Тришка обиды ей не спустил. Бедняга с трудом отстирывала свои вещи от пахучих «подарков», пока не догадалась «подкупить» кота лакомыми кусочками.

Руссло учил Сашу и Олю до мая, а потом, чувствуя их неприязнь, всё же подыскал себе другое место и уволился, хотя ему и прибавили жалование. Дети вздохнули с облегчением. Когда гувернёр стал откланиваться, закончив последнее занятие, ученики и родители вышли проводить его в переднюю. Он надел услужливо поданный Васей плащ, сунул руку в карман за перчатками, но вместо них вынул листок, аккуратно сложенный вчетверо, и развернул его. На мгновение лицо учителя перекосила гримаса злобы, но он тотчас взял себя в руки и молча сунул назад досадную находку, боясь показаться смешным. На листке-то красовалась карикатура, где он был очень похоже изображён в обра-

зе муравья во фраке, ползущего вверх по ступенькам из стихотворных строк и тянущего издалека лапки к Луне с ликом Вольтера.

— Что такое, мсьё Руссло? — озаботилась Надежда Осиповна.

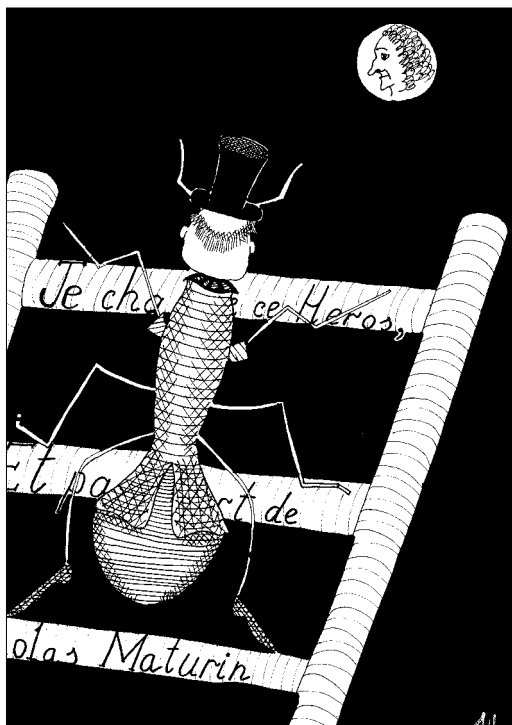
— Ничего, мадам, это... счёт от портного. Надо срочно оплатить, — пробормотал гувернёр.

Сергей Львович протянул ему конверт:

— Вот Ваше жалованье за последние уроки.

— Мерси, мсьё Пушкин! — гувернёр против обыкновения не открыл конверт, чтоб пересчитать деньги, положил его в портфель, тотчас вежливо откланялся и быстро ушёл в распахнутом плаще, без перчаток на руках.

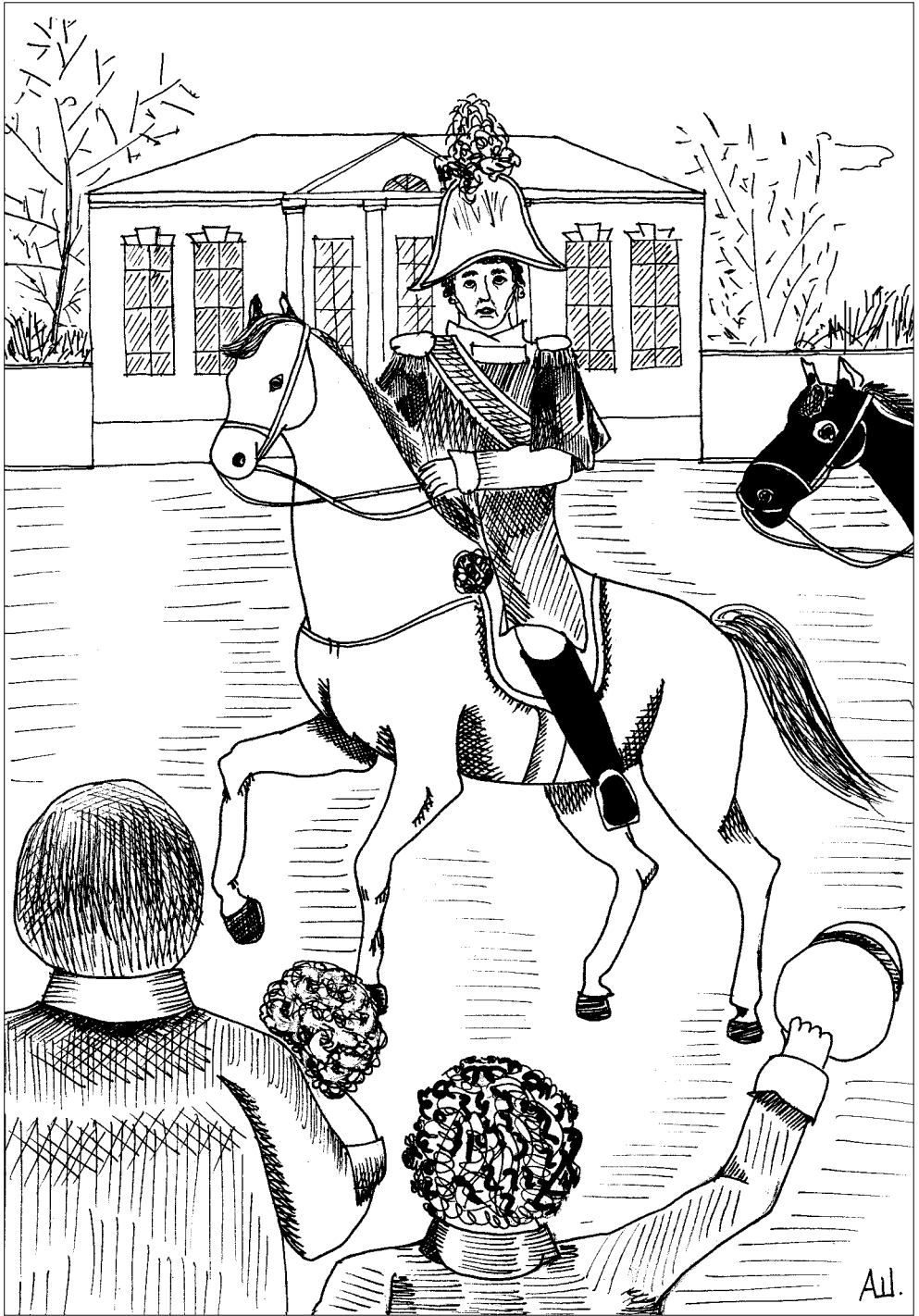
Саша и Оля переглянулись и не сговариваясь пошли в классную комнату. Там они весело рассмеялись, довольные эффектом от карикатуры, над которой корпели несколько дней.

В приходе церкви Николы на Мясницкой

Квартира в Арбатской части Надежде Осиповне пришлась не по нраву, и в конце ноября 1809 года Пушкины переехали на Мясницкую улицу в дом купца Птицына близ церкви Николы Чудотворца. В давние времена на её месте стоял деревянный храм, потом одноглавая каменная церковь. При Петре I по собственному его плану к ней пристроили отдельно стоящую четырёхъярусную колокольню и храм во имя Сошествия Святого Духа. Полвека назад за ветхостью его полностью переделали, и Никольская церковь стала приделом большого однокупольного Духова храма. Однако приход называли по-старому и особо почитали древнюю икону Николы Чудотворца.

6 декабря, в престольный праздник, Пушкины с домочадцами, отстояв литургию, вышли на высокое крыльцо церкви. По сторонам улицы толпился народ — прошёл слух, что по Мясницкой вот-вот проедет сам император со свитой. С крыльца улица хорошо видна даже детям, и Пушкины не стали спускаться вниз. Саша и Оля стояли, внимательно вглядываясь в заснеженную даль улицы. Дядька Никита взял Лёвушку на руки, чтобы и он мог увидеть царя. В напряжённом ожидании прошло полчаса. Наконец над толпой показались треуголки всадников, одетых в зимние генеральские шинели с отороченными мехом пелеринами. Народ заволновался, пытаясь узнать государя. Наконец всадники приблизились, у церкви один из них, ехавший на высоком белом коне, остановился и трижды широко осенил себя крестным знаменем. По этому жесту народ узнал своего императора. «Государь, государь-батюшка! Александр Павлович!» — послышалось вокруг. Мужчины стали снимать шапки и кланяться, женщины приседали в книксенах. Адъютанты и генералы свиты остановились вслед за царём и тоже начали креститься. Звонарь ударил в колокола. Саша впервые

увидел почти прямо перед собой молодое красивое лицо государя, поднявшего взор на крест Никольской церкви. Александр Павлович, тронув лошадь, поехал в Кремль, сопровождаемый колокольным звоном. Когда статная фигура императора скрылась за поворотом улицы, народ начал расходиться. Это была первая встреча Александра Пушкина с царственным тѣзкой, неожиданная и памятная.

Через полтора месяца, 23 января 1810 года, в доме Пушкиных произошло приятное событие: у слуги Васи родился сын Ванюшка. Скоро счастливые родители собрались окрестить младенца и пригласили в приемники Олю и Сашу. После воскресной службы всё к крестинам было готово. В купель налили тёплую воду, приготовили деревянный крестик на ленточке, крестильную рубашечку и пелёнку. Взволнованным приемникам няня показала, как правильно взять малыша, придерживая ему головку. После чтения положенных по чину молитв и освящения воды в купели священник велел отцу раздеть младенца, и тут он расплакался. Трижды осторожно опуская его в купель, батюшка чётко произнёс:

— Крещается Раб Божий Иоанн во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь.

Сразу угомонившегося Ваню священник отдал Саше. Оля развернула чистую пелёнку и стала вытирать крестника, а потом взяла на руки. Малышу надели крестик и рубашечку. Приемники с младенцем трижды обошли вокруг аналоя вслед за батюшкой, который пел: «Во Христа креститесь...» Потом сладко посапывающего крестника помазали миром, выстригли крестообразно крошечные прядки волос и понесли в алтарь для воцерковления.

Всё таинство заняло немногим более получаса. В метрической книге церкви Николы на Мясницкой сделали запись: «Г. подполковника Сергея Львовича Пушкина у

служителя его Василия Михайлова родился сын Иоанн... Восприемниками были вышеозначенного Г. Пушкина дети: сын Александр Сергеев и дочь Ольга Сергеева».

Так у Саши и Оли появился крестник. Иногда они заходили к куму Васе, приносили малышу гостинчик или погремушку, забавляли его. На причастии юные крёстные всегда пропускали Васю с Ванюшкой вперёд себя.

Вознесение Господне в 1810 году Пушкины встретили ещё в Москве. Праздник пришёлся на 26 мая — Сашин день рождения, как и 11 лет назад. Счастливое совпадение!

После службы и причастия Пушкины выходят из церкви, а вокруг народ гуляет, веселится, радуется последнему весеннему празднику. Отец с матерью, Арина Родионовна с Лёвушкой и Ульяна с маленькой Сонечкой поспешили домой, а старшие дети и дядька Никита увидели, как идут по Мясницкой калики перехожие, и остались их послушать. Остановились убогие перед храмом, перекрестились, шапки сняли и запели:

*Веселятся небеса,
И радуется земля
Вкупе с человеки
Всегда и вовеки,
Все Ангелы, Архангелы,
Небесныя силы,
Апостоли, пророцы
С мученики святыми,
С преподобными со всеми,
Угодники Господни!..*

Хорошо поют, сердечно! Православный народ умиляется и кладёт им в шапки монетки. Саша с Олей подали по алтыну, и Никита — копеечку.

Домой пришли, а навстречу Арина Родионовна. Поздравила Сашу с днём рождения и с праздником

великим, вышитое полотенце подарила и подала ему и сестре пшеничные на меду «лесенки», украшенные сахарным узором. Их искусно испекла лёгкая на руку молодуха Неонила Арбеньева. Новую кухарку бабушка привезла из сельца Михайловского на смену Алексашке, который пустился в бега.

— Мамушка, а отчего это на Вознесение пекут такие «лесенки»? — спросила Оля.

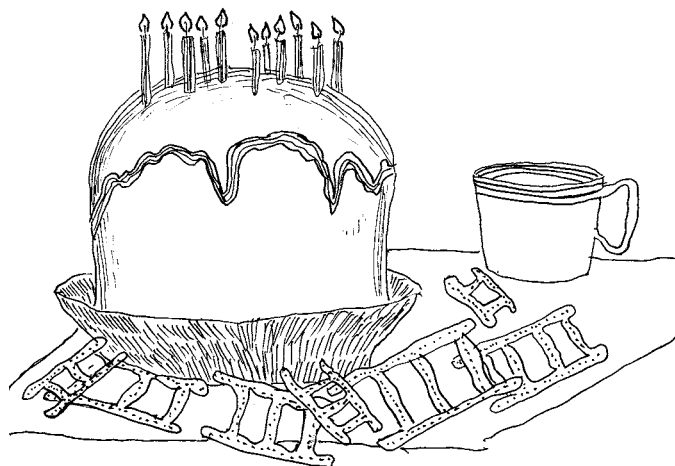
— В народе православном так, Олюшка, говорят: сорок дней ходит Спас по земле — с Воскресенья до Вознесенья. Ещё сказывают, когда служат обедню на Вознесеньев день, разверзается твердь небесная над каждой церковью. Иным благочестивым старцам в свой последний год дано от Бога видеть, как с небес опускается к главному церковному яблоку лестница, сходят по ней Ангелы и Архангелы, и все Силы Небесные, становятся по сторонам и ожидают Христа. Как ударят в колокол к молитве «Достойно есть...», так и поднимается—возносится Спаситель с земли на Небо. И все цветы весенние зацветают, Христа—Батюшку в небесные сады потаённой молитвою провожают. Оттого, видать, и повёлся обычай печь на Вознесенье «лесенки».

Кухарка позвала всех в столовую. А там уже Лёвушка, не дождавшись молитвы «пред вкушением пищи», уплетает свою «лесенку». Марья Алексеевна не заворчала на него ради праздника, только укоризненно покачала головой.

На обед подали куриный суп, котлеты с печёной картошкой и соленьями, большой пирог с крыжовенным вареньем и ароматный чай из самовара. Все Сашу поздравляли, подносили подарки. Родители подарили чёрный короткий пиджак—редингот, жокейскую шапочку и сапоги для верховой езды, Марья Алексеевна и Оля — связанную ими безрукавку, Никита — резную подставку для книг. Саша был очень рад и расстроган.

После обеда Надежда Осиповна прилегла отдохнуть, Арина Родионовна стала укладывать Лёвушку, а Ульяна — Сонечку. Старшие дети с отцом и дядькой Никитой, прихватив корзинку со сладкими «лесенками», отправились поздравлять родню и друзей. Как говорили в старину, «пошли на перепутье», или, вернее, поехали в экипаже. Были у Пушкиных, Сонцовых, Бутурлиных, Сушковых, у бабушек Чичериных... Их гостеприимно встречали и одаривали в ответ.

Домой вернулись к ужину. Саша принёс к себе в комнату подарки. Выбрав из них книгу «Басни Фенелона», мальчик раскрыл её, обмакнул гусиное перо в чернильницу и аккуратно подписал: «Александр Пушкинъ». Прочитав нравоучительную басню о вреде излишеств «Путешествие на остров наслаждений», Саша отвлёкся. Он снова и снова воскрешал в своём воображении картины счастливого дня рождения и праздника Вознесения Господня: весёлые народные гулянья на московских площадях, яркие и пёстрые, как цветы, женские и девичьи наряды, благоухающие бульвары и сады. С ароматным вечерним воздухом и соловьиными трелями лились ему в душу любовь и благодать и охватывали её вешним теплом.

Прощальный сезон в Захарове

В 1810 году Пушкины в последний раз провели лето в Захарове. Бабушка и мать владели ещё вотчинами в Псковской губернии, и содержать несколько малоодоходных имений им стало накладно. Полученное в наследство сельцо Михайловское было обременено долгами почившего дедушки, хоть и невеликими, но для небогатой семьи Пушкиных существенными. Да ещё на чиновников Комиссариатского ведомства, где продолжал служить Сергей Львович, император наложил большое денежное взыскание после военных поражений лета 1807 года, отчего отцу более двух лет жалования вообще не платили, хотя никакой личной вины за ним не имелось. Жизнь в Москве была недешева, и отец, несмотря на всю свою экономность, был вынужден занимать деньги, а отдавать оказалось, увы, нечем. Поэтому Марья Алексеевна ещё осенью 1808 года пришлось заложить Захарово в Московском опекуном совете, а теперь и покупателя подыскивать. Однако с наступлением тёплых дней бабушка решила отложить продажу до осени.

По приезде в сельцо дядька Никита и навещавший детей Сергей Львович возобновили начатые год назад занятия верховой ездой. Учиться снова стали на двух спокойных невысоких кобылах: Оля на гнедой Смуглянке, а Саша на серой в «яблоках» Забаве. Вспомнив прошлогодние навыки, брат с сестрой быстро освоили новый аллюр — лёгкую рысь. Им очень полюбились конные прогулки по окрестностям, когда кроме большака можно прокатиться по тропинкам в поле и лесу. Отец обычно ехал на высоком вороном жеребце Орлике. Иногда он сажал перед собой в седло Лёвущку.

Всаднику совсем иначе видятся окружающие пейзажи. Деревья кажутся ниже, а пригорки выше обычного. Сколько же вокруг Захарова поэтических видов! Не налюбуйешься, пока во время короткого отдыха кони щиплют душистую травку.

В середине июня Саша и Оля с дядькой Никитой приехали верхом в Вязёмы. Там радостной новостью их

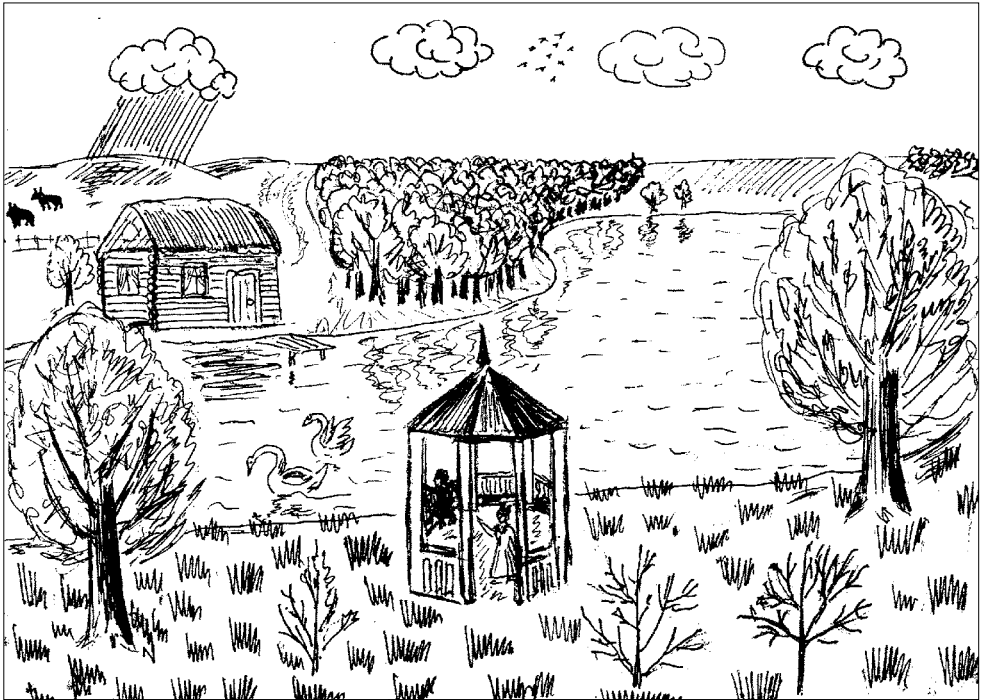
встретила Анночка: у неё появилась младшая сестрёнка — тоже Соня! Смуглой темноволосой малышке не исполнилось ещё и годика. Она смешно ползала по детской на четвереньках. Анночка агукала с ней, гремела погремушками, показывала кукол, которых сестрёнка всё норовила ухватить за волосы. Позабавившись с девчушкой, юные Пушкины откланялись. Прежде чем ехать домой, они с Никитой навестили могилу Николеньки и зашли в церковь.

Надежда Осиповна на верховые прогулки не ездила, отдав своё дамское седло и жокейскую шляпку дочери. Мать снова готовилась к родам и неважно себя чувствовала. В конце июня она с малюткой Сонечкой, её няней Ульяной и кормилицей уехала в Москву, в Печатники, где в Рыбниковом переулке Сергей Львович нанял временную квартиру. Там 16 июля родился Павлик. Роды случились трудные, новорождённый появился на свет слабеньким, и уже на четвёртый день его окрестили в приходской Успенской церкви.

Старшие дети оставались в Захарове. Саша особенно долго бродил по окрестностям — когда один, когда с Олей и Лёвушкой. Устав, он иногда заходил в деревню к Марье «на яишенку»: нянина дочь готовила её очень вкусно.

Лето пролетело быстро. Раньше обычного, в последних числах августа, отец приехал за детьми, чтобы увезти их в первопрестольную. Он снял скромный деревянный дом на углу Большой Молчановки и Борисоглебского переулка, принадлежавший Василию Иванову, священнику приходской церкви Николы Чудотворца, «что на Курьих Ножках».

Наступил день расставания с Гришкой и Варюшкой, а Стёпка тоже собирался в Москву с Ариной Родионовной и старшим братом Егором. Коляска уже стояла у ворот, когда прибежали запыхавшиеся друзья. Варюшка подарила всем на память вышитые ею носовые платоч-

ки и получила ответный подарок — нарядную куклу. Гришка преподнёс Оле красивую кованую розу:

— Вот, барышня, от нас с батькой на память, — смущаясь, пробормотал он. — Сами выковали для Вас.

— Какая прелесть! Спасибо, Гришка! — растрогалась Оля, любясь подарком.

Саша протянул приятелю азбуку:

— Это тебе. Учись читать! Твой отец грамотный, поможет.

— Благодарствую, барич! Не поминайте лихом! Прощайте!

Никита тронул лошадей. Дети махали друг другу, пока коляска не выехала на большак. Хотя сельцо скрылось за густыми елями, Саша всё смотрел и смотрел назад, прощаясь с милыми сердцу местами.

* * *

Поэтическое воображение ещё много раз вернёт поэта в маленькое подмосковное имение, проданное бабушкой в январе 1811 года своей родственнице Харитинии Ивановне Козловой. Захарово безраздельно принадлежало памяти его детства:

*Мне видится моё селенье,
Моё Захарово; оно
С заборами в реке волнистой,
С мостом и рощею тенистой
Зерцалом вод отражено...*

Лишь через двадцать лет, в 1830 году, Александру Пушкину доведётся снова побывать здесь, побродить по парку и заветной берёзовой роще, проведать нянину дочь Марью Фёдоровну и, как в детстве, откусать у неё вкусной яичницы.

Тетрадка по «истории»

10 февраля 1811 года, в пятницу масленичной недели, заехала в гости к Марье Алексеевне её добрая приятельница и дальняя родственница Елизавета Петровна Янькова, невысокая миловидная дама лет сорока. Саша и Оля вместе с её дочками Анночкой и Клеопатрой учились бальным танцам у Иогеля и бывали иногда на уроках в доме Яньковых на Пречистенке.

Возвращаясь со старшей дочерью Грушенькой и супругом Дмитрием Александровичем с масленичного катания, Елизавета Петровна велела кучеру остановиться на Большой Молчановке у дома священника, где квартировали Пушкины. Она сошла с возка, опираясь на услужливо поданную руку возницы, приказала ему вернуться за нею через час и направилась к калитке, увидев, что сметливый Вася уже отпирает ей дверь.

Марья Алексеевна приняла приятельницу в библиотеке, где занималась расстановкой французских книг. Несколько дней назад Надежда Осиповна поменяла местами библиотеку и гостиную, книги были поставлены в шкафы наспех, и бабушка наводила порядок. Обе московские барыни, хоть и хорошо знали французский язык, беседовать предпочитали на русском.

— Что, матушка Лизавета Петровна, Ваши детки, супруг Ваш? Здоровы ли?

— Слава Богу, матушка Марья Алексеевна, никто у нас не болеет. А Ваши внуки как? Что Надежда Осиповна? Всё безутешна?

— Внучата, благодаря Господу, в добром здравии, зять тоже. Поехали на катальные горки с утра, скоро вернуться должны. Наде моей легче стало, вот перестановку в доме затеяла, но печалится пока ещё. Дурно ей что-то сегодня, дома осталась. Да и то сказать, матушка, легко ли пережить такое горе: ведь двух малюток потеряли мы одного за другим, крестников моих. Перед Воздвиженьем Бог Сонечку прибрал, а сразу после Рож-

дества Христова — Павлика. Малец-то слабеньким уродился, сразу боялись, что не жилец, а девочка уж большенькой была — годок и восемь месяцев. Зубки у неё трудно резались. И не чаяли мы, что от этого за три дня в лихорадке сгорит. Пришла беда, отворяй ворота! Дочь долго убивалась и теперь ещё больше к младшему внуку Лёвушке привязалась. А няня Уляша, дворовая моя, уж как Сонечку любила и Павлушеньку! Всё плачет о них. После сороковин по мальцу, как вернулась с Надей и зятем из Донского монастыря, в коем крошечки наши схоронены, так слегла, пятый день не подымается. Жаль бабу. Овдовела рано, и детушек всех Господь прибрал.

— Ох, матушка Марья Алексевна, почитай, ни одну семью такое горе не обходит — ни бедную, ни богатую. Мы с мужем троих малюток лишились: Петруши, Лизоньки и Софьюшки.

— И я первенца своего схоронила да троих внучат.

— Всё в Божьей воле. Бог дал, Бог взял, Ему виднее. Малютки на Небесах за нас, грешных, молятся, — Елизавета Петровна перекрестилась. — Пошлёт Господь и вам утешение. Дурнота, говорите, у Надежды Осиповны? Не беременна ли снова?

— Похоже на то. Только в Петербург с зятем дочь всё равно собирается. Надобно Александра на учёбу определять. Думают в столичный иезуитский коллегийум устроить. Славится он преподавателями хорошими и строгой дисциплиной. Однако зять желает на месте разузнать, какие там порядки, чему и как учат. Иноверцы всё-таки пансион этот держат. Дело важное. Ох, и не знаю, матушка, что выйдёт из моего старшего внука: мальчик умён и охотник до книжек, но ленив, редко когда урок свой сдаст порядком. То его не расшевелишь, не прогонишь играть с детьми, то вдруг так развернётся и расходится, что ничем не уймёшь. Из одной крайности в другую бросается, нет у него середины. Бог знает, чем это кончится, ежели он не переменится.

— Ваша правда, матушка Марья Алексевна, сама всё видела. Третьего дня на детском балу у Трубецких, Ивана Дмитрича и Катерины Александровны, перед танцами забавлял ваш Саша всех эпиграммами, а как музыка заиграла и полонез объявили, уселся в углу и ни с места. Кругом танцуют, а он сидит один, о чём-то думает. Сушков Николай Михалыч с детьми припоздал. Только они вошли, внук Ваш сорвался и полетел его Сонечку на вальс звать. Развеселился, глаза заблестели, с другими стал танцевать — с Софьюшкой Трубецкой, с Клеопатрой моей, с Анночкой Зеленской, а котильон снова с девочкой Сушковой.

— Соню Сушкову внук давно отличает. Стишки он годков с шести пишет, матушка Лизавета Петровна. Оттого задумчив ни с того ни с сего бывает, рассеян, вещи то в гостиной забудет, то в библиотеке, то ещё где. Сочинения свои, правда, прячет, только Оленьке показывает да иногда Василию Львовичу. Дядя с ним занимается. Недурные, говорит, стихи у внука выходят. Только баловство всё это, учёба куда важнее. А нынешний день, поглядите, тетрадку свою здесь оставил. — Марья Алексеевна вынула из стопки книг растрёпанную синюю тетрадь и раскрыла её. — Ну вот, опять стихи. По-французски больше. Так неаккуратно пишет: вымараны слова многие, над ними другие этажами надписаны, кляксы кругом, поля изрисованы. Не разберёшь толком. Как сочиняет, всё перья грызёт и обглодками пишет, что курица лапой... Да и не стану читать. Прошлый год гувернёр посмеялся над стихами внука, так он разобиделся, тетрадь в печку бросил и заплакал, — с этими словами она положила Сашину тетрадку обратно в стопку книг.

Со двора послышался звон колокольчиков и утих.

— Зять с внучатами с катания вернулись, — заключила Марья Алексеевна.

— Матушка, едва не забыла. Вот книга, о которой Вы просили давеча. — Елизавета Петровна вынула из сум-

ки и положила на стол первый том «Истории Российской» Василия Никитича Татищева. — Пусть Ваш внук читает, сколько надобно. У меня ещё экземпляр труда прадеда моего есть.

— Премного благодарна. У нас другие тома имеются, а этот запропастился куда-то. Верно, дочь или зять кому отдали, а те не вернули. Теперь ищи ветра в поле.

В дверях, лёгок на помине, появился Саша, румяный после катания, вихрастый, в мятой рубашке. Увидев Елизавету Петровну, он смущённо поздоровался:

— Бонжур, мадам! — мальчик поклонился и поцеловал изящную ручку гостыи.

— Здравствуй, здравствуй, Саша. Вот взгляни, что я тебе привезла, — Елизавета Петровна указала на том «Истории Российской». — Не ленись, готовься старательней к вступительным испытаниям.

— О, мерси боку, мадам! — воскликнул благодарный мальчик, взял книгу и стал её листать, но потом, вспомнив, зачем пришёл, озабоченно спросил у Марьи Алексеевны:

— Бабушка, Вы не находили здесь моей тетрадки по... по истории, синей такой?

Марья Алексеевна, делая вид, будто не знает, о какой тетрадке идёт речь, нарочно пошарила по столу, взяла тетрадь со стихами и отдала Саше:

— Вот чья-то тетрадь. Может, твоя по истории?

— Она самая, по истории! — обрадовался Саша. — Спасибо, бабушка! Ну я пойду?

— Ступай, Господь с тобой.

— Оревуар, мадам, — попрощался Саша с Елизаветой Петровной.

Он резко повернулся к двери. Толстый том Татищева остался у него в руках, а синяя тетрадь выскользнула на пол, и один листок из неё отлетел к ногам Марьи Алексеевны.

Бабушка подобрала его, с любопытством взглянула, улыбнулась и, отдавая внуку, полушутя–полусерьёзно пожурила его:

— Экой ты шалун, Сашка. Помяни моё слово, не сносить тебе своей головы!

Когда отрок вышел, гостя спросила:

— Что там, матушка Марья Алексевна, нарисовано было на листке? Вроде, игральная карта?

— Бубновый валет, матушка Лизавета Петровна. Да только это не карта, а карикатура на гувернёра Шеделя, коего я на днях уволила. Внук представил его валетом с большой рюмкой вместо секиры. Нос, вино и знак бубновый красными чернилами раскрасил. Озорник!

— Статочное ли это дело, чтоб карикатуры на учителей рисовать?

— Да им разве укажешь? И внук, и внучка, коль вздумается, кого угодно нарисуют. Правду сказать, толку от француза этого было чуть. Учитель он так себе, а выпить любит да в картишки с дворнёю перекинуться на полушки и копейки. Сядет играть под мухой, они его в дурачках и оставят. Давеча, выпивши хорошенько,

пришёл ко мне жаловаться, будто Никита с Васей обманом у него двугривенный выиграли, а они мужики праведные, шельмовать не станут, Бога побоятся. Осерчала я и сразу рассчитала Шеделя.

— И правильно, матушка. Дурной пример детям и дворне ни к чему. Кто ж теперь внукам Вашим преподаёт?

— Батюшка Александр Иванович Беликов третий год учит русскому языку, арифметике, Закону Божьему и прочим наукам. Мисс Белли даёт уроки английского. И Василий Львович занимается со старшим внуком французским и словесностью.

Услышав знакомые колокольчики, гостя засобира-лась домой и стала просить прощения — по старинному обычаю это начинали делать за два-три дня до Прощёного воскресенья:

— Пора мне, матушка Марья Алексевна. Простите меня, коль что не так делала.

— Бог простит, матушка Лизавета Петровна. Простите и Вы меня.

— Бог простит.

— Может, останетесь откушать с нами блинов с лосо-синою?

— Благодарю, матушка, да уж тройка моя у ворот. В другой раз угощусь. Милости прошу Вас пожаловать к нам с внуками на урок танцев. Господина Иогеля супруг мой пригласил на завтра к двум часам пополудни.

— Непременно будем! Доброго пути, матушка Лиза-вета Петровна.

— До свиданья.

Проводив гостью, Марья Алексеевна велела накры-вать на стол и вышла справиться о самочувствии дочери. Проходя мимо Сашиней комнаты, через приот-крытую дверь бабушка заметила, что внук сидит у окна, погрузившись в чтение «Истории Российской».

Последние месяцы в Москве

На второй неделе Великого поста супруги Пушкины по хорошей зимней дороге приехали в Петербург. Сделав визиты старым знакомым и родственникам, стали разузнавать об иезуитском коллегииуме. Сергей Львович обратился к молодому директору Департамента духовных дел иностранных исповеданий Александру Ивановичу Тургеневу, которого знал ещё юношей. Тот посоветовал ему устроить старшего сына в совершенно новое учебное заведение — Лицей, открывающийся осенью в Царском Селе. Тургенев познакомил Пушкиных с уставом Лицея, опубликованным при указе Сената от 11 января 1811 года. «Учреждение Лицея имеет целью образование юношества, особенно предназначенного к важным частям службы государственной и составленного из отличнейших воспитанников знатных фамилий», — прочли родители в первом пункте.

Александр Иванович рассказал им, что образование, полученное в Лицее, будет приравняться к университетскому, что в Лицей приглашены лучшие профессора и преподаватели, что государь император Александр Павлович будто собирался обучать там своих младших братьев, но теперь оставил это намерение. И вопрос об учебном заведении был решён. Тургенев, вхожий к министру народного просвещения графу Разумовскому, обещал Пушкиным своё содействие. Сергей Львович подал министру прошение, в котором написал, что старался, сколько мог, дать сыну Александру «первоначальные необходимые сведения, как то: грамматические познания русского языка и французского, арифметики, некоторая часть географии, истории и рисованья». Прощение о приёме Саши в Императорский Царскосельский Лицей было принято. По протекции Ивана Ивановича Дмитриева, занимавшего теперь пост министра юстиции, отец без больших хлопот оформил необходимые документы о законном рожде-

нии и дворянском происхождении сына. Супруги вернулись в Москву, как только кончилась весенняя распутица.

Саше предстояло подготовиться к приёмным испытаниям по русскому и французскому языкам, арифметике, истории и началам физики — «общим свойствам тел». Хотя занятия требовали больше времени и прилежания, чем раньше, родители по-прежнему поощряли участие старшего сына в литературных вечерах, занятия танцами, верховой ездой, игры на свежем воздухе и прогулки по Москве с дядькой Никитой, сестрой и младшим братом.

Этой весной Саша и Оля особенно часто бывали в Немецкой слободе у дальних родственников — графа Дмитрия Петровича Бутурлина и его жены Анны Артемьевны. Пушкины давно дружили с ними, запросто приходили к ним на вечера, пользовались их прекрасной библиотекой: хозяин был страстным библиофилом. В его доме собиралась увлечённая литературой и искусством московская молодёжь: Михаил Макаров, издатель нового ежемесячного «Журнала драматического», граф Сергей Потёмкин, тонкий ценитель театра, музыки, стихов и сам начинающий литератор, их друзья и знакомые.

Тёплым майским вечером Сергей Львович, оставив детей у Бутурлиных, отлучился проведать престарелых тётушек Чичериных, живших неподалёку. Саша принялся резвиться с Лёвушкой, кузиной Катюшей Сонцовой, маленькими Лизой, Сонечкой и Мишей Бутурлиными в большом ботаническом саду, окружавшем дом. Графиня Анна Артемьевна, дама необыкновенно деликатная, приветливая и гостеприимная, сидела в плетёном кресле под липой. Рядом в таком же кресле устроилась её компаньонка и подруга детства Екатерина Ивановна Леруа. Вокруг них собрались молодые барышни: шестнадцатилетняя Машенька Бутурлина, воспитанницы хозяйки Генриетта Рочфорд и Надин

Гольц, красивые девушки, жившие в её доме. Ольга Пушкина о чём-то беседовала с Анной Артемьевной. Сашиней любимой сестре шёл четырнадцатый год, этой весной она начала на выход носить длинные платья, как взрослая барышня, и вела себя подобающе. Здесь же были Макаров, Потёмкин, Сонцов, другие молодые люди. Разговор зашёл о последних театральных постановках и литературных новинках.

Разгорячённый Саша пробежал мимо по дорожке за четырёхлетним Мишенькой, догнал его, подхватил и, смеясь, закружил на лужайке. Глядя ему вслед, граф Сергей Потёмкин заметил:

— Александру нет ещё двенадцати, а стихи и эпиграммы сочиняет весьма недурно.

Анна Артемьевна, зная застенчивость юного поэта, хотела перевести разговор в другое русло:

— Он мальчик начитанный, даром что шалун. Всех классиков знает: о котором ни спроси, у него уж изречение готово или стихотворение. По французскому он сделал большие успехи и по русскому языку.

Однако дипломатические усилия графини оказались напрасны. Барышни окружили Сашу, протягивая ему свои альбомы:

— Мсьё Александр, напишите мне в альбом!

— И мне!

— И мне тоже!..

Отпустив Мишеньку, Саша стоял, не находя, что сказать, и не мог вспомнить ни одной своей строчки. Желая поправить его замешательство, кто-то из гостей с неуместным пафосом, растягивая «о», прочёл Сашино четверостишие. «Ах, Боже мой!» — воскликнул юный поэт и убежал.

Макаров нашёл его в последнем из трёх библиотечных залов. Взволнованный и недовольный собой, он рассматривал сафьяновые корешки стоящих в шкафу фолиантов.

— Какая книга нужна? Могу ли я помочь? — любезно спросил Михаил Николаевич.

— Поверите ли, я так озадачен, что даже не разбираю книжных затылков, — ответил расстроенный Саша.

Тут в библиотеку вошёл граф Бутурлин с детьми, достал из шкафа толстый фолиант и начал показывать юным спутникам напечатанные там картинки. Извинившись перед Макаровым, Саша присоединился к своим товарищам и, пытаясь сосредоточиться, стал слушать, о чём увлечённо рассказывает хозяин библиотеки. Но внимание юного поэта было настолько рассеянно, он был так огорчён неуместной декламацией сво-

его катрена, что едва понимал слова. Скоро Саша откланялся и вернулся домой с дядькой Никитой, не дожидаясь отца.

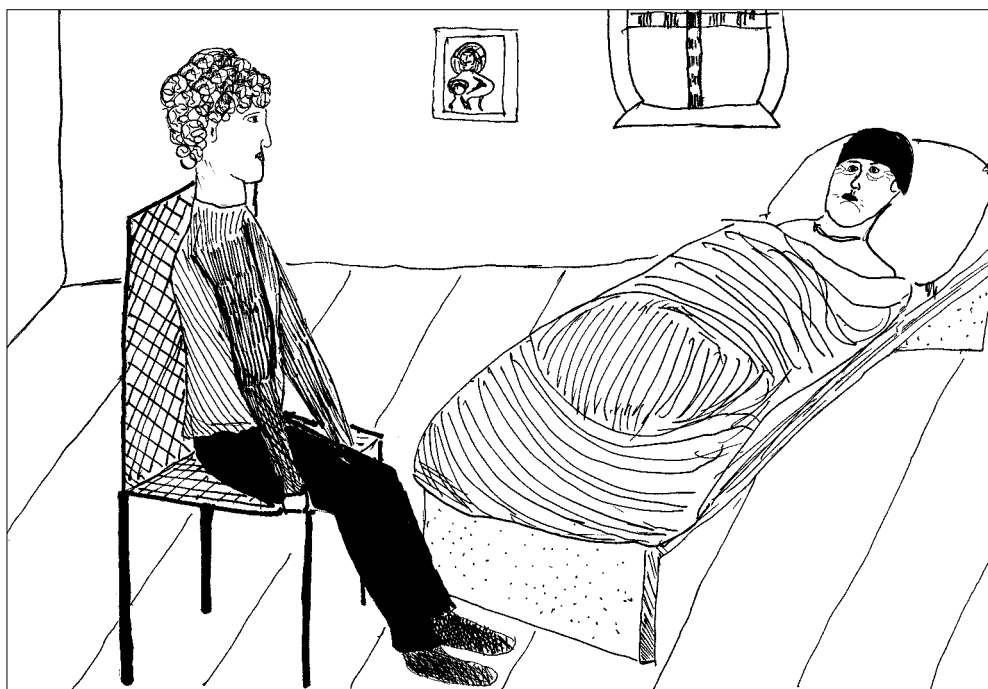
Во дворе его встретила опечаленная бабушка.

— Господи, Саша, как ты вовремя. Уляша зовёт тебя. Она очень плоха — как бы не померла.

— Хорошо, бабушка, я прямо сейчас пойду.

Ульяна болела ещё с зимы. Ей становилось то лучше, то хуже. Няня сильно похудела, осунулась и выглядела совсем старушкой в сорок с небольшим лет. Тёплыми весенними днями она сидела на скамеечке в саду и безучастно глядела вокруг. Только когда замечала Сашу, её взгляд оживлялся. Мальчик всегда старался подбодрить свою первую нянюшку.

Он пошёл в людскую и у дверей встретился с батюшкой Василием, только что исповедавшим и причастившим умирающую. Ульяна лежала на широкой скамье, покрытой старой господской периной. Сашу поразило

её землистого цвета лицо с заострившимися чертами. Искорки жизни теплились только в глубоко запавших глазах. Он поздоровался и сел на табуретку рядом.

Ульяна глухо заговорила с ним, впервые называя по имени-отчеству:

— Близок мой час, Александр Сергеич... Простите, ежели что не так...

— Что ты, нянюшка, всё так. Даст Бог, поживёшь ещё.

— Нет, смерть уж тут... Грудь давит... Прощайте, Александр Сергеич... Помолитесь за меня, грешную...

— Прости, нянюшка, меня за всё.

— Благослови Вас Бог...

Няня, не в силах вымолвить больше ни слова, слабой рукой перекрестила Сашу. Он поцеловал эту высохшую морщинистую руку, бессильно опустившуюся на лоскутное одеяло, и тихо вышел из людской, едва сдерживая слёзы.

Вскоре после прощания с ним нянюшка Ульяна Яковлева впала в забытье и наутро, 15 мая, умерла. «Новопреставленную рабу Божию Иулианию» оплакали, отпели, схоронили... И жизнь продолжилась своим чередом: 21 мая была Троица, затем Духов день и Сашин день рождения. Это отвлекло юного поэта от горестных мыслей.

27 мая, перед отъездом в подмосковное имение Белкино, Бутурлины позвали завсегдаев своего дома на субботний литературный вечер. Саша, по обыкновению, уселся в углу, а Оля за столиком рядом с матерью, Михаилом Николаевичем Макаровым и гувернёром — учёным французом Жилле, которого в семье Бутурлиных называли по-русски Петром Иванычем. Как всегда, на вечере читали стихи, спорили о литературе. Машенька Бутурлина высоким приятным голосом пела романсы. Ей аккомпанировал пожилой итальянец Перотти, учитель пения. Было весело и интересно. Обычно вертлявый, Саша вёл себя тихо, не вмешиваясь

в споры взрослых, и лишь улыбался, если кто-нибудь напыщенно читал бесталанные опусы.

Невысокий моряк, встав от избытка чувств на стул, начал провозглашать стихи собственного сочинения. Саша еле сдерживал смех. Ольга сосредоточенно уставилась в пол и, изящно опершись на руку, прикрывала ею рот, чтобы скрыть невольную улыбку. Сестра и сама иногда сочиняла стихи и эпиграммы, но никому их не показывала, считая, что у брата выходит гораздо лучше.

Тем временем морячок, размашисто жестикулируя, декламировал:

И этот кортик!

И этот чёртик!

Саша не выдержал и громко расхохотался. Надежда Осиповна гневно глянула на сына и жестом указала ему на дверь. Саша вышел из гостиной в сад и сел на скамейку. Ему было и обидно, и смешно, когда он вспоминал курьёзные строчки доморощенного «поэта», и грустно одному в безлюдном саду, где даже львы на воротах, видневшиеся сквозь зелёные липовые ветви, как нарочно, были повёрнуты спинами к нему.

Через четверть часа Оля разыскала брата и стала поддразнивать его, повторяя на разные лады:

И этот кортик!

И этот чёртик!

Саша улыбнулся.

— Ну, хватит тебе!

— Сашка, а знаешь, что про тебя мсьё Жилле сказал Михаилу Николаичу?

— Ну, что ж такого он сказал?

Сестра, повторяя манеру речи Жилле, почти пропела:

— «Чудное дитя! Как он рано всё начал понимать! Дай Бог, чтобы этот ребёнок жил и жил. Вы увидите, что из него будет». Мама́ это слышали и на тебя больше не сердятся.

Юный поэт, смутившись, ничего не отвечал.

— Тебя зовут. Пошли же! — Оля потащила брата в гостиную и усадила рядом с собой и Жилле. Француз молча пожал Саше руку.

Тем временем хозяин дома под аккомпанемент Перотти запел красивым, хорошо поставленным басом итальянскую арию... Дома Надежда Осиповна не обмолвилась ни словом о «проступке» сына у Бутурлиных.

В июне и начале июля Саша продолжал готовиться к вступительным испытаниям в Лицей с Александром Ивановичем Беликовым и дядюшкой Василием Львовичем. Занимались обычно с утра до часу пополудни, вечером Саша делал задания, а потом читал до захода солнца в библиотеке или, когда не было дождя, в саду. Днём он, Оля и Лёвушка в сопровождении дядьки Никиты Козлова гуляли в московских садах. Особенно любили Юсупов сад и Тайницкий, откуда открывался вид на Кремлёвские соборы, стену и башни. Это были прощальные Сашины прогулки по родному городу.

11 июля 1811 года в «Санкт-Петербургских Ведомостях» опубликовали объявление о приёме воспитанников в Императорский Царскосельский Лицей, которых 1 августа надлежало представить министру народного просвещения графу Разумовскому. Поездку нельзя было откладывать, и Василий Львович, собиравшийся по своим литературным делам в Петербург, решил взять с

собой племянника. В добавление к уже представленным документам срочно понадобилось оформить свидетельство о возрасте Саши, и 15 июля после полудня Сергей Львович поехал с сыном в Немецкую слободу в церковь Богоявления в Елохове. Юный поэт, конечно, не помнил, как его здесь крестили, а отца при входе в храм охватили ностальгические воспоминания. Выслушав Сергея Львовича, священник Никита Иванов вежливо попросил немного подождать и пошёл искать метрическую книгу за 1799 год.

Уже начали звонить к вечерне, когда батюшка принёс, наконец, аккуратно оформленное метрическое свидетельство. Пожертвовав на храм, Пушкины на службу не остались: надо было готовиться к завтрашнему отъезду. К тому же, Сергей Львович ждал ответа на поданное им прошение о месячном отпуске для поездки в Петербург, намереваясь поспеть на представление Саши графу Разумовскому.

Когда отец с сыном вернулись домой, бабушка и мать уже почти собрали чемоданы. Будущему лицеисту оставалось уложить книги, тетради, письменные принадлежности и разные мелочи. Ему это показалось с непривычки хлопотным. Изрядно провозившись, он вышел в сад полюбоваться закатом и застал там грустную Ольгу. Она держала в руках какую-то книгу. Несколько минут брат с сестрой молча смотрели, как солнце скрывается за кровлей приходской Никольской церкви, потом Ольга спросила.

— Саш, ну что, всё готово?

— Да, утром с дядюшкой едем.

— Жаль расставаться. В первый раз так долго не увидимся. Ты мне пиши чаще.

— Непременно буду писать, Оль. С дороги уже напишу тебе.

— И я писать буду, как только адрес пришлешь. Вот, хочу тебе подарить на память, — Оля протянула брату

книгу. — Это избранные басни Лафонтена. Я знаю, ты их любишь. Возьми с собой.

— Мерси боку! Обязательно возьму.

На улице стало темнеть, и брат с сестрой пошли в свои комнаты, пожелав друг другу доброй ночи. Саша сразу не лёг, зажёл лампу, раскрыл подаренную Олей книгу и принялся перечитывать басни. Это было парижское издание 1785 года, которое он уже когда-то брал в Вязёмах в библиотеке князя Голицына и читал под наклонённым дубом в Захарове. Через час усталость взяла своё, Саша задул свечи и заснул с приятными воспоминаниями о подмосковном сельце.

В семь утра его разбудили колокола Никольской церкви, он быстро встал и собрался на воскресную службу. Когда они с дядькой Никитой вошли в храм, родители с братом и сестрой уже стояли подле алтаря. После службы и целования креста отец Василий благословил Сашу в дорогу, и вся семья вернулась к завтраку домой.

Там уже царил предотъездная суета: слуги выносили чемоданы, няня и кухарка складывали в корзинку съестное — хлеб в дороге не тягость. Выйдя из столовой в гостиную, Саша застал там заехавшего за ним Василия Львовича, Анну Львовну и гражданскую жену дяди Анну Николаевну Ворожейкину, добрую приятную женщину средних лет, происходившую из купеческого сословия. Оставив годовалую дочку Маргариточку на попечение родных, она собралась в Петербург вместе с мужем.

Саша со всеми поздоровался.

— Ну, Александр, готов? — спросил дядя.

— Да, почти.

Взглянув на часы, дядя стал поторапливать племянника:

— Уже 10 часов. Пора ехать.

— Я сейчас, только возьму саквояж.

— Погоди-ка. Вот тебе от меня и бабушки Варвары

Васильны на орехи и гостинцы, — Анна Львовна дала Саше сотенную купюру.

— Мерси боку, тётушка! — обрадовался Саша.

Он пошёл в свою комнату, убрал деньги в кошелёк, закрыл небольшой саквояж и вышел с ним в гостиную.

— Присядем-ка на дорожку по русскому обычаю, — предложила Анна Николаевна.

Посидев минутку, отъезжающие направились к воротам. Их вышли провожать все домочадцы: Сергей Львович и Надежда Осиповна, уже не скрывавшая беременности, грустная Ольга с Лёвушкой, няня Арина Родионовна, дядька Никита и дворня. Марья Алексеевна попрощалась с внуком раньше: месяц назад она уехала в Михайловское. Все желали доброго пути и удачи Саше на вступительных испытаниях. Последней подошла прощаться мать:

— Смотри, Александр, учись хорошо, не повесничай, — Надежда Осиповна поцеловала сына в лоб и благословила. — Пиши.

— Непременно, мамá. Оревуар.

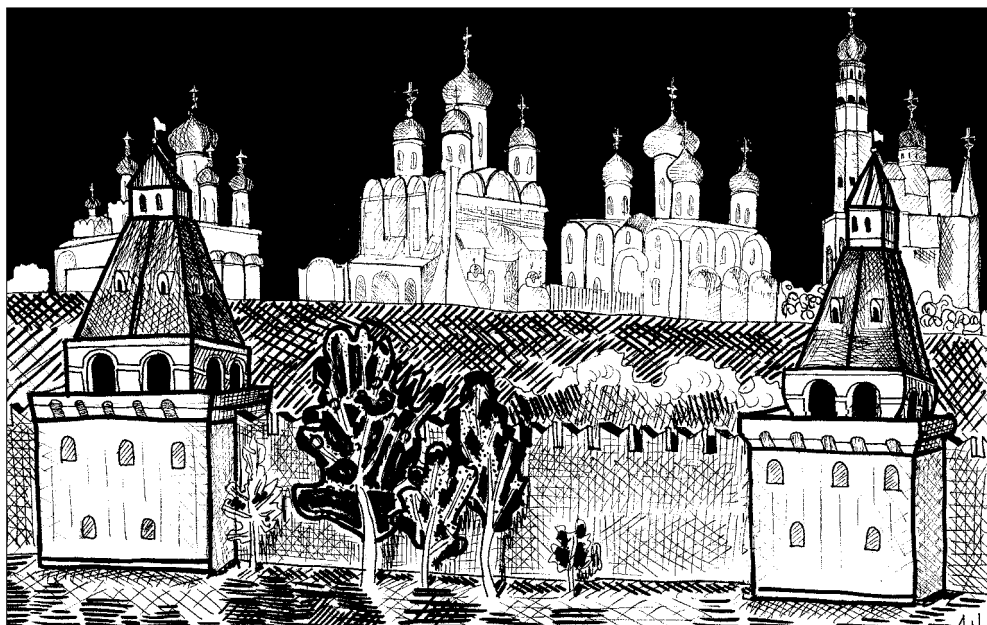
Василий Львович, Анна Николаевна и Саша сели в экипаж.

— Адъё, адъё! — Лёвушка стал первым махать брату.

— Лайон, не скучай! Адъё!

— Бог в помощь в пути-дорожке! Господи, спаси и сохрани! — няня трижды перекрестила отъезжающих.

Дядин лакей Игнатий тронул лошадей, экипаж выехал со двора, свернул в Борисоглебский переулок и покати́л по направлению к Тверской. Дом на Большой Молчановке скрылся из виду, но некоторое время ещё виднелся верхний ярус и шпиль колокольни Никольской церкви. Пока ехали Тверской улицей, Саша всё смотрел на силуэт колокольни Ивана Великого, на каменный дворец генерал-губернатора, дом Белосельских-Белозерских, Страстной монастырь, Триумфальную арку на Страстной площади...

Подъехали к Тверской заставе. Василий Львович предъявил подорожную, шлагбаум открылся и путешественники выехали из Москвы.

— Послушай, Саш, тебе ведь не нужна пока тётушкина сотня? Займи-ка её мне.

— Хорошо, дядюшка, — мальчик с готовностью открыл саквояж, достал кошелёк, отдал Василию Львовичу деньги и тут только спохватился, что оставил дома на столе книгу, подаренную вчера сестрой.

— Мерси. Да не волнуйся, верну тебе сотню, когда понадобится, — уверил племянника дядя, не предполагая, что оба они вспомнят про этот долг только спустя 14 лет.

— Я и не волнуюсь. Просто книгу Лафонтена на столе забыл.

— Не беда, напишешь отцу, он скоро привезёт тебе.

Экипаж покатился по Московско-Петербуржскому тракту к почтовой станции Чёрная Грязь, где путники собрались отобедать, мимо возделанных полей, лугов с пасущимися стадами, рощ, лесов, холмов, сельских

церквушек, деревенок. Это не та дорога, которой Пушкины ездили в Захарово, но виды кругом тоже родные, подмосковные — края, где для Саши с такою «тихою красотою минуты детства протекли...»

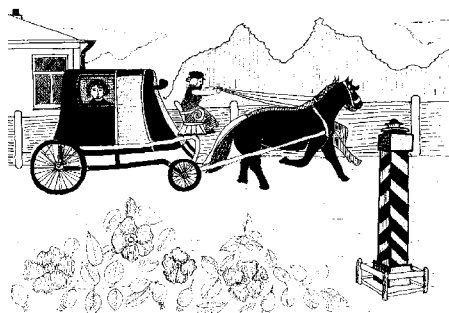
Вот последний раз блеснули вдали среди крон деревьев двуглавые орлы на воротах Тверской заставы.

Прощай, Москва!

* * *

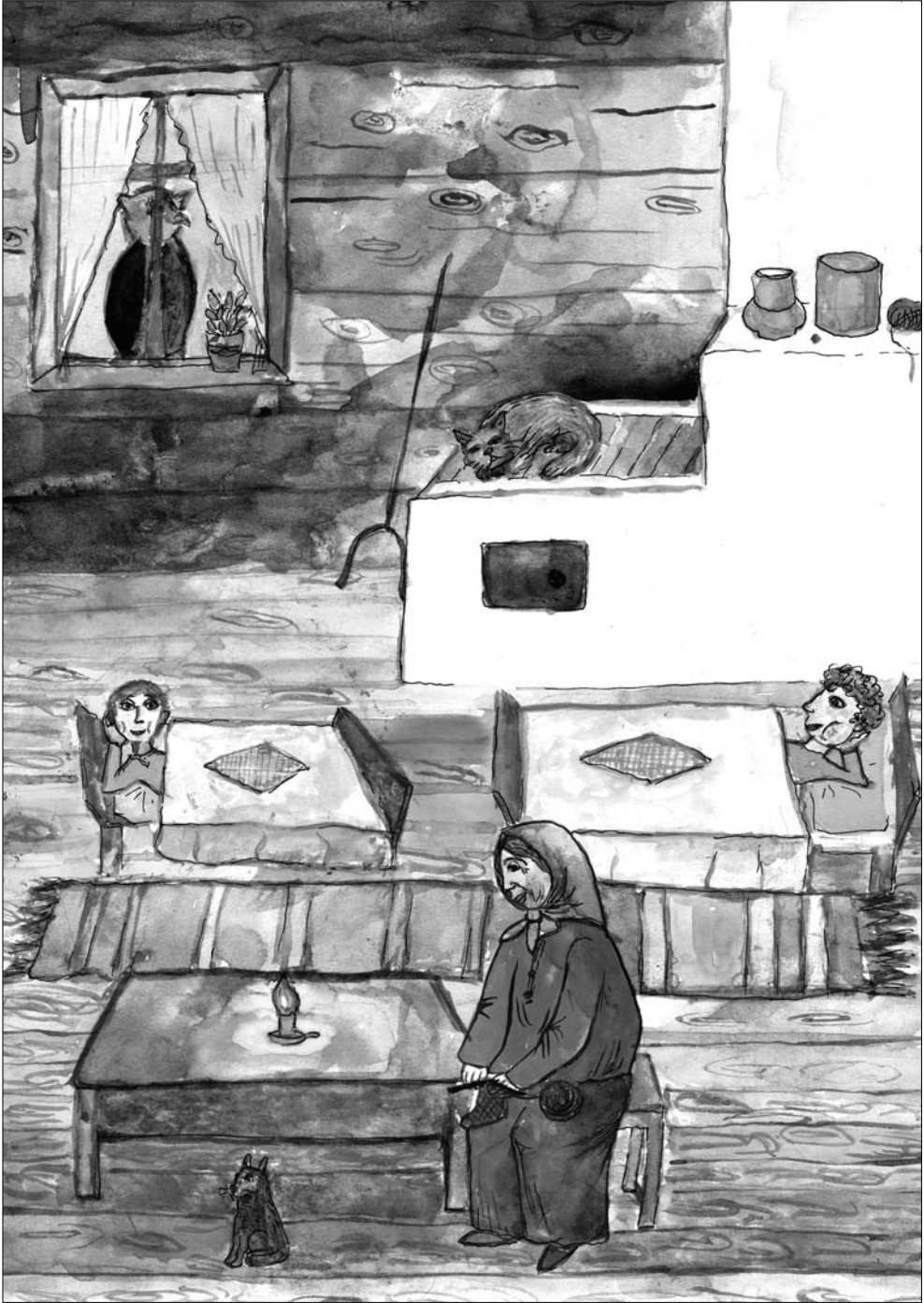
Покидая первопрестольную, юный поэт не знал, что прежним город своего детства он больше не увидит, что Москва в 1812 году будет занята французами и сгорит в пожаре, что, когда он вернётся сюда через 15 лет, древняя столица изменится и похорошеет, а улицы будут моложе гуляющих по ним красавиц. Не знал Саша и того, что не увидит брата Мишеньку, который родится 28 октября 1811 года и проживёт недолго, что в 1814 году родители с Олей, Лёвушкой и Марьей Алексеевной переедут в Петербург и станут навещать его в Царском Селе, что младший брат поступит в Царскосельский Благородный пансион.

Впереди у Александра Пушкина была учёба в Лицее, встречи с новыми друзьями и наставниками, отроческие шалости и серьёзные занятия, радости и огорчения, любовь, надежды, разочарования и счастливые муки сочинительства, в которых рождаются чудные стихи... Впереди была вся жизнь.

**Святочные сказки
Арины Родионовны**

Зажигает няня свечки,
Дети жмутся возле печки,
Сказок, обмирая, ждут.
По углам таится жуть —
Тёмны вечера на Святки,
Лишь у образов лампадки
Лик Господень освещают.
Няня сказку начинает:

«У одной крестьянки было
Два сынка. Старшой, Данила,
И послушен, и умён,
Батюшке в хозяйстве он
Помогает день-деньской.
А Ванюша, сын меньшей,
Баловник, проказник, неслух,
Ни минуточки на месте
Никогда не посидит,
Всё резвится и шалит.
Раз, проснувшись спозаранку,
Тесто ставила крестьянка.
Надо же такому быть:
Чтоб за хвост кота схватить,
Мимо пробежал сынок,
Опрокинул ей горшок.
Мать не в шутку осерчала,
И вдогон ему вскричала:
«Что наделал, посмотри!
Ах! лукавый побери!»
Только это мать сказала,
Глядь — мальчика как не бывало.
Не поверила глазам,
Ищет сына по углам.
Нет нигде! Вдруг слышит: в бане
Будто громко плачет Ваня.

Мать, отчаянно крестясь,
«Да воскреснет Бог...» — молясь,
К бане кинулась. Там нет!
Сорванца простыл и след.
Снова слышит: не иначе,
В риге горько Ваня плачет.
И она бежит туда.
Слышит: плачет у пруда.
Мать взмолилась всей душой:
«Господи, где мальчик мой?
Ты прости мне согрешенье,
Не лишай нас утешенья,
Дитяtko моё спаси!»
Мать не устаёт просить,
До земли поклоны бьёт,
На челе холодный пот,
Дух не смеет перевестъ...
Глядь — её малютка здесь!

Перепуган мальчик сильно:
«Матушка, меня носило
В баню, в ригу и к пруду,
Я боялся, упаду.
А кругом огни-огни,
Много их, страшны они —

Бесов злобные глазищи —
И за мною так и рыщут.
Вдруг огни потухли враз —
Добрый ангел меня спас,
Голубком слетел с небес,
Чудную запел мне песнь
И поставил пред тобою».
Принялась дитя родное
В радости великой мать
Обнимать и целовать,
Благодарно воздавать
Господу хвалу и славу.
Зареклась с тех пор лукавых
Поминать она — ни-ни!
Дружно всей семьёй они
Стали жить да поживать...
Детки, вам пора уж спать».

Ухнул филин за окошком,
Под столом шмыгнула кошка.
Громко свиристит сверчок.
«Няня, расскажи ещё, —
Просит Саша. — Ради Бога!
Ты ведь сказок знаешь много».
«Расскажу, но вы в кровати
Лягте...

Было то на Святки.
Красно солнышко зашло,
Веселилось всё село,
Жирно кушали и сладко,
Пели девицы колядки,
Всюду игрища, гулянья
И подблюдные гаданья.
В ночь, под мухою слегка,
Молодых три мужика
В крайний дом зашли пустой.

А один-то — холостой —
Ради смеха стал хвалиться,
Что ничуть не побоится
У нечистого просить
В эту ночь его женить,
Не могли никак унять.
«Бес! — кричит, — жени меня!»
Грудь вперёд, расправил плечи...
Глядь — выходит из-за печи
Сам нечистый под хмельком,
Блеет тонким голоском:
«Так и быть, тебя женю,
Но не сетуй на родню!»
Ухмыльнулся и исчез он.
Перепуганный повеса
К лавке будто бы прилип.
Вдруг услышал горький всхлип
И не может надивиться:
Плачет красная девица,
На щеке горит слеза.
«Ой ты, девица-краса, —
Говорит он, полюбя, —
Не обижу я тебя.
Расскажи, что приключилось,
Как со мной ты очутилась?»
Молвит девица, вздыхая:
«Матушка моя родная
И любимый мой отец
Приказали под венец
С женихом идти богатым,
Старым, лысым, бородатым.
До чего он мне не люб,
Безобразен, толст и скуп!
Не пошла я, и меня
Прокляла тогда родня.
Только крикнули проклятье,

Как меня в фате и платье
Вихрь огнями закрутил
И на лавку опустил
В эту избу против вас.
Вот и весь печальный сказ».
«Ой ты, милая дивчина,
Позабудь тоску-кручину, —

Молодец ей отвечал. —
Полюбил, как увидал,
Я тебя, мою красу,
И отказа не снесу.
Будешь ты моей женою?
Под венец пойдёшь со мною?»
Девушка взглянула мило
И улыбкой одарила
Нежных ярко-алых губ:
«Молодец, и ты мне люб.
Буду я твоей женою,
Под венец пойду с тобою».
Вышла с ним во двор она.
В небе полная луна,
И светло, как будто днём.
Следом шаферы вдвоём.
Чудо! — тройка у ворот
Их нетерпеливо ждёт.
Сели и помчались ходко,
Жмётся к милому молодка,
Холодно и страшно им
По полям лететь чужим.
Скоро звёздочки померкли,
Рассвело. Они у церкви
Очутились приходской
За оградой городской.
Внутри вошли, перекрестившись,
Вместе Богу помолвившись.
Поп спросонья поворчал,
А потом их повенчал.
Вышли из дверей наружу,
Молодица молвит мужу:
«Хоть лукавый нас кружил,
Но Господь соединил.
В этом городе большом
Мы в согласье заживём».

Всё сбылось, как порешили:
Дружно молодые жили,
Берегли свою любовь,
Бог послал им стол и кров,
И дочурок, и сыночков...
Десять минуло годочков.
Постучались раз в их дом
Старица со стариком —
Сгорбленны, и безобразны,
И оборванны, и грязны,
И с младенцем на руках.
Жалки речи старика:
«Люди добрые, пустите,
Обогрейте, накормите
Вы старуху и меня.
Мы не кушали три дня,
А младенец — вот вам крест —
Десять лет не пьёт, не ест».
Как хозяйка поглядела,
Так душой и обомлела,
Виду всё ж не подала
И к столу их позвала.
Угощала пирогами,
Щами, сладкими медами
И солёными грибами,
Парила в горячей бане
И обоих в чистом платье
Уложила на полати.
Муж не стал перечить ей,
Принял незваных гостей.
Нищие, дивясь о том,
Враз уснули крепким сном.
А хозяйка вышла в сени
Посмотреть, как их младенец,
Там оставила его,
Не сказавши ничего.

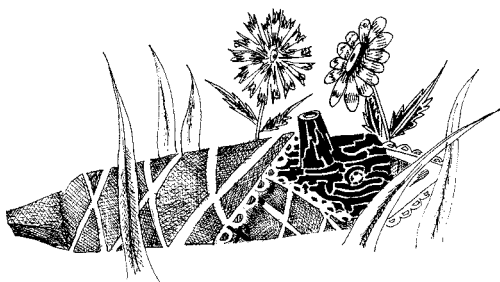
Поутру, проснувшись раньше,
Наварила мёда, брашен
И, когда был стол готов,
Разбудила стариков.
Но они благодарят,
Много кушать не хотят,
Собираются в дорогу
И уже идут к порогу.
Вдруг хозяйка их младенца,
Развернувши полотенце,
Как ударит топором!
Щепки полетели в дом —
Там лежал не мальчуган,
А осиновый чурбан!
Старики молодке в ноги:
«Нас простите ради Бога,
Одиноких и несчастных.
Прокляли мы дочь напрасно,

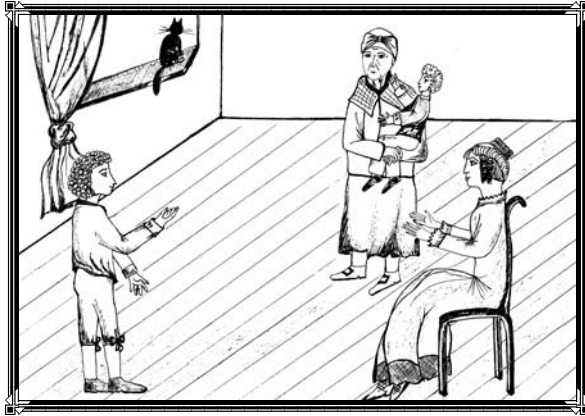

И она в тот страшный час,
Плача, вдруг исчезла с глаз.
Десять лет её мы ищем,
Не имея крова, пищи.
Но нигде Любаши нет.
Ох, не мил нам белый свет.
Ходим, каясь, по церквям,
Не видать прощенья нам.
И осиновою чурку
Мы лелеем как дочурку».
Тут хозяйка молодая
Молвит, слёзы утирая:
«Бес-чурбан вам очи застил,
Наводил лихие страсти.
Матушка моя, отец!
Узнаёте наконец?
Поглядите, я Любаша,
Дочь потерянная ваша!»
Пелена упала с глаз,
И признали в тот же час
Дочь родную старики
И, склонясь на тюфяки,
Просят горячо прощенья.
Дочь их подняла с коленей:
«Милые мои, не нужно!
Вот, родные, Ваня, муж мой.
Он теперь вам вместо сына.
Прочь навек, тоска-кручина!
Мы давно простили вас,
Оставайтесь жить у нас,
Будете растить внучат,
Не тужить и не скучать!»
Сели с радости за стол,
И горою пир пошёл!
Славят все Христову милость!
Ничего не обломилось

Только бесу, ведь забыта
Здесь вражда. Грызя копыта
От бессилья и досады,
Сгинул бес в пучине ада,
Больше не войдёт в их дом,
Но ему и поделом!
А чурбан его в ночи
Весело сгорел в печи.
И на этом сказка вся,
Дальше сказывать нельзя.
Засыпайте поскорей.
Утро ночи мудреней».

Видит няня: Оля спит.
Тихо Лёвушка сопит,
Саша трёт ладошкой глазки —
До конца он слушал сказки,
Обнимает сладкий сон
Отрока со всех сторон.
Месяц всходит за окном,
Отливает серебром
Свежий снег в его лучах.
Няня, «Отче наш...» шепча,
Крестит деточек с любовью,
Поправляет изголовья.
Погасила две свечи
И уснула на печи.

Словарь редко употребляемых и устаревших слов

Аксельбант — наплечный шнур из золотых, серебряных или цветных нитей, спускающийся на грудь, принадлежность военной формы адъютантов, флигель-адъютантов, офицеров генерального штаба, генералов, в XIX веке у адъютантов на аксельбант привязывался карандаш для удобства записи распоряжений командиров.

Аллюр — вид походки лошади.

Алтын — трёхкопеечная монета.

Античный — относящийся к древнему миру, к истории и культуре древних греков и римлян.

Арбалет — лук, установленный горизонтально на ложу и снабжённый спусковым механизмом.

Бабки — обработанные в виде фигурных дисков надкопытные кости свиней и овец, предназначенные для одноимённой игры.

Брашно — кушанье, блюдо за столом, угощение.

Бита — здесь: крупная бабка, которой выбивают другие бабки.

Бучило — омут, водоворот, пучина.

Вензель — начальные прописные буквы имени и фамилии, соединённые в одно изображение.

Восприемник, восприемница — крёстный отец, крёстная мать.

Генерал-аншеф — воинское звание в России в XVIII веке, полный генерал рангом ниже фельдмаршала.

Гувёрнё́р — домашний учитель, воспитатель.

Денница — утренняя заря.

Древлехранилище — архив, хранилище древностей.

Дрожки — лёгкая четырёхколесная открытая двухместная повозка на рессорах для поездок по городу и окрестностям.

Дьяк — начальник и письмоводитель канцелярии разных ведомств в России до XVIII века.

Заборы — здесь: мостки для полоскания белья.

Зерцало — зеркало.

Зять — муж дочери или сестры.

Каламбур — словосочетание, содержащее игру слов, основанную на использовании сходно звучащих, но различных по значению слов или разных значений одного слова, при этом комический эффект заключается в контрасте их смысла.

Калики перехожие — паломники по святым местам, расппевающие духовные песни и живущие подаянием.

Камердинер — комнатный служитель при господине.

Камергер — придворное звание старшего ранга (комнатный дворянин в буквальном переводе с немецкого).

Картуз — летний мужской головной убор с козырьком.

Катрен — четверостишие.

Качели круглые — качели в виде кабинок или сидений (обычно четырёх), подвешенных на негнущихся палках, описывающие вместе с качающимся на них полным круг в вертикальной плоскости.

Клавикорды — фортепиано старинного типа четырёхугольной формы.

Клерикалы — название политических партий в Западной Европе, стремящихся к усилению власти и влияния католической церкви.

Коллежский регистратор — чиновник последнего XIV чина «Табели о рангах» Российской империи.

Коляска — рессорный экипаж на четырех колесах с поднимающимся верхом.

Котильон — бальный танец французского происхождения, соединяющий фрагменты вальса, мазурки, польки и других танцев, обычно завершал бал.

Лик — лицо.

Ловчий — организатор охоты, с XVI века придворный чин у великих князей и царей.

Лукавый — бес, нечистый.

Манишка — бельевой нагрудник под жилет, пристёгиваемый к мужской сорочке, или белая нагрудная нашивка на женском платье.

Меды — алкогольные напитки разной крепости, основным сырьем для которых является мёд; на Руси меды были слабоалкогольными.

Молочный брат (сестра) — сын (дочь) кормилицы.

Моська — мопс, маленькая комнатная собачка.

Муштра — система воинского обучения, основанная на строевой подготовке, многократном повторении шаблонных приёмов и суровой дисциплине.

Опус — сочинение.

Особоровать — осуществить соборование (елеосвящение), таинство, совершаемое над больными, заключающееся в помазании освященным маслом (елеем), служащее духовным врачеванием от телесных недугов, а также дарующее больному оставление тех грехов, в которых он не успел раскаяться (или забыл их, но не утаил сознательно).

Пергамент — лист кожи, специально обработанной для письма.

Под мухой — выпивши, под хмельком.

Подблюдное гаданье — один из самых ярких видов святочных гаданий, основанный на принципе вытаскивания жребия-предмета из блюда.

Подорожная — в XVII–XIX веках проездной документ, необходимый для путешествия по почтовым дорогам, который выдавался властями и удостоверял право получить на почтовой станции определённое количество лошадей, зависевшее от чина и звания проезжающего. Подорожная для путешествия по казенной надобности была бесплатной, за подорожную для поездок по частным нуждам взималась повёрстная плата (в середине XIX века — полкопейки за версту и лошадь).

Пономарь — дьячок, один из низших церковнослужителей в православной церкви, главной обязанностью которого было звонить в колокола, участвовать в клиросном пении, чтении и вообще прислуживать при богослужении, убирать и сторожить храм. Ныне этой должности в русской церкви не существует.

Поручик — младший офицерский чин в русской армии, примерно соответствующий лейтенанту, капитан-поручик — следующий за ним чин (до 1798 года).

Пращур — отдалённый предок, в генеалогии — отец прапрадеда или прапрабабушки.

Рига — большой сарай для сушки снопов и обмолота.

Редингот — мужская или женская верхняя одежда прилегающего силуэта, с двумя небольшими воротничками (нижний из которых лежал на плечах) и сквозной застёжкой.

Сатира — проявление комического в искусстве, в поэзии — стихотворение более-менее значительного объема, обличающее отрицательные поступки или явления и высмеивающее их, от стихотворной басни отличается отсутствием прямой нравоучительности и более конкретной направленностью, а также редким использованием образов из мира животных и вещей.

Сафьян — выделанная козловая или овечья кожа высокого качества, использовалась для верха обуви и книжных переплётков.

Сенатор — член сената, высшего органа государственной власти и законодательства.

Сераль — дворец турецкого султана; иногда так называли и его внутреннюю женскую часть (гарем).

Святки — праздничные дни от Рождества Христова до Крещения Господня.

Сонм — множество, собрание, сходка, собор.

Сочельник — канун церковных праздников Рождества Христова и Крещения, когда принято особенно строго соблюдать пост, есть сочиво.

Сочиво — постное кушанье, зёрна, замоченные в воде, или каша с овощами.

Стольник — старинный дворцовый чин, известный с XIII века, стольники обязаны были служить при великокняжеском и царском столе в особо торжественных случаях, позже стольники назначались в приказы, посылались в воеводства и на другую государственную службу.

Стремянный — конюх-слуга, ухаживавший за верховой лошадью своего господина, а также слуга, сопровождавший барина во время охоты.

Флигель — вспомогательная пристройка к жилому дому или отдельно стоящая второстепенная постройка в городской или сельской усадьбе.

Фора! — восклицание, требующее повтора номера, то же, что и «Бис!».

Фортификация — область военно-инженерного искусства, наука о способах создания искусственных укрытий и препятствий для защиты войск или населения во время военных действий.

Хронографы — средневековые исторические сочинения, в которых систематически от «сотворения мира» излагались основные этапы всемирной истории, включали также сведения литературного и географического характера.

Цирюльня — парикмахерская.

Чубушник — садовый жасмин.

Шафер — лицо, состоящее при женихе или невесте в свадебной церемонии.

Шурин — брат жены.

Эклога — пастушеское стихотворение, жанровая сценка, преимущественно любовная, из сельской пастушеской жизни.

Экспромт — небольшое произведение, сочинённое быстро, без подготовки.

Эпиграмма — короткое сатирическое стихотворение, высмеивающее какое-либо лицо или какие-либо поступки.

Яблоко церковное — основание для креста, который устанавливается на главе храма.

Оригиналы стихов на французском языке

1. Басня Жана де Лафонтена «Голубь и муравей»

В рассказе «Первые уроки» дан перевод Е.Н. Егоровой.

Jean de La Fontaine

La Colombe et la Fourmy

L'autre exemple est tiré d'animaux plus petits.
Le long d'un clair ruisseau beuvoit une Colombe:
Quand sur l'eau se penchant une Fourmy y tombe.
Et dans cet Ocean l'on eust vû la Fourmy
S'efforcer, mais en vain, de regagner la rive.
La Colombe aussi-toit usé de charité.
Un brin d'herbe dans l'eau par elle estant jetté,
Ce fut un promontoire où la Fourmy arrive.
Elle se fauve; et là-deffus
Passe un certain Croquant qui marchoit les pieds nus.
Ce Croquant par hazard avoit une arbaléste.
Dés qu'il void l'Oiseau de Venus
Il le croit en son pot, et déjà luy fait feste.
Tandis qu'à le tuer mon Villageois s'appreste,
La Fourmy le picque au talon.
Le Vilain retourne la teste.
La Colombe l'entend, part, et tire de long.
Le fouper du Croquant avec elle s'envole:
Point de Pigeon pour une obole.

2. Начало эклоги Б.В. Голицына «Дорида»

В рассказе «В гостях у князя Голицына» дан перевод Е.П. Гречаной.

Doris. *Églogue*

Le Soleil a déjà terminé sa carrière,
Et l'horizon au loin voit pâlir sa lumière:
Vesper de son noir crêpe enveloppe les Cieux;
La Lune va monter sur son char radieux;
Secouant ses pavots, cette nuit bienfaisante
Répand sur les Mortels une nuit imposante;
Au gazon si longtemps brûlé par la chaleur,
La rosée a rendu sa première fraîcheur.

Viens, Doris, viens, suis-moi dans ce lieu solitaire
Où rien ne trouble plus le calme de la terre;
Là nous respirerons le doux parfum des airs.
Tandis qu'autour de nous tout dort dans l'Univers...

3. Ранняя эпиграмма А.С. Пушкина на свою пьесу «Похититель»

В рассказе «Похититель» дан общеизвестный перевод.

Dis moi, pourquoi l'Escamoteur
Fist-il sifflé par le parterre?
Hélas! c'est que le pauvre auteur
L'escamota de Molière.

4. Начало поэмы Вольтера «Генриада»

В рассказе «Толиада» дан вольный перевод Е.Н. Егоровой.

Voltaire

La Henriade

Je chante ce Heros qui regna sur la France
Et par droit de conquete, et par droit de naissance;
Qui par de longs malheurs apprit a gouverner,
Calma les factions, fut vaincre et pardonner...

5. Начало ранней поэмы А.С. Пушкина «Толиада»

В рассказе «Толиада» дан перевод Е.Н. Егоровой.

La Toliade

Je chante ce combat, que Toly remporta,
Où inaint guerrier périt, où Paul se signala,
Nicolas Maturin et la belle Nitouche,
Dont la main fut ie prix d'une horrible escarmouche.

Слова и выражения на французском языке,

включённые в текст в русской транскрипции

Адъё (adieu) — прощай, прощайте.

Мадам (madame) — госпожа (обращение к замужней женщине).

Мадмуазель (mademoiselle) — госпожа (обращение к девушке).

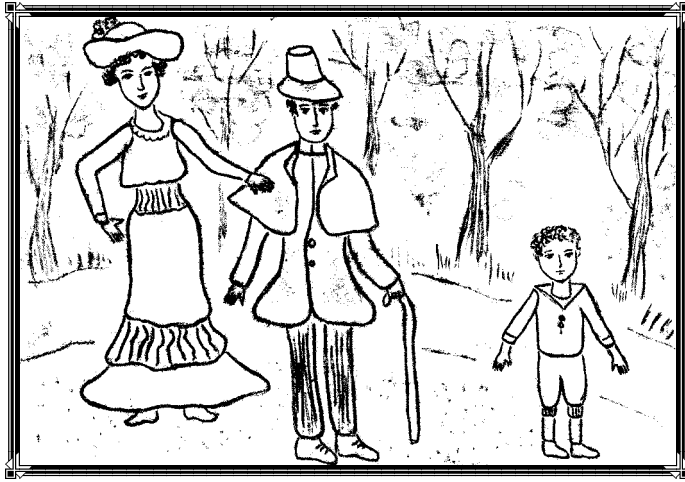
Мамзель — гувернантка (сокращённое от мадмуазель).

Мерси (merci) — спасибо, благодарю.

Мерси боку (merci beaucoup) — огромное спасибо, премного благодарю.

Мсьё (monsieur) — господин.

Оревуар (au revoir) — до свидания.

Упомянутые географические названия

Белкино, имение графов Бутурлиных в Калужской губернии, ныне на территории г. Обнинска.

Божедомка, историческая местность в Москве, где в XVIII был морг («Божий дом»), в начале XIX века здесь проходили улицы Старая и Новая Божедомки, Божедомский переулок, ныне улицы Дурова, Достоевского и Делегатская.

Большая Молчановка, улица в центре Москвы, в районе Арбата.

Борисоглебский переулок, переулок в центре Москвы в районе Арбата.

Валахия, историческая область на юге Румынии.

Вязёмка, речка в Подмосковье, правый приток Москвы-реки, ныне в Одинцовском районе.

Вязёмы, имение князей Голицыных, село, ныне посёлок Большие Вязёмы в Одинцовском районе, в усадьбе в 1987 году открыт Государственный историко-литературный музей-заповедник А.С. Пушкина.

Елохово, старинное название (по селу Елох) местности в Москве, ныне район Елоховской площади и Спартаковской улицы.

Захарово, подмосковное сельцо и усадьба М.А. Ганнибал в 1804–1810 годах, ныне в Одинцовской районе Московской области, в составе Государственного историко-литературного музея-заповедника А.С. Пушкина.

Звенигород, один из старейших городов Подмосковья, в 30 км к западу от Москвы.

Кобринно, деревня в Петербургской губернии, ныне в Гатчинском районе Ленинградской области, в 50 км от Петербурга, имение Н.О. Ганнибал в конце XVIII — начале XIX века.

Константинополь, древний город у пролива Босфор, столица Византийской империи, ныне г. Стамбул.

Курьи Ножки, местность в Москве в районе Арбата, названная по урочищу, куда в старину повара выбрасывали куриные кости с Поварской улицы.

Литейная часть, местность в Петербурге в районе Литейного проспекта, где Пушкины снимали квартиру в 1800 году (современный адрес этого дома: Соляной переулок, 14).

Малый Козловский, переулок в Москве, в Огородной слободе (ныне в Басманном районе), получивший название по прозвищу владельца Козёл.

Михайловское, сельцо, родовое имение Ганнибалов в Псковской губернии (ныне в Пушкиногорском районе Псковской области, в составе Государственного мемориального историко-литературного и природно-ландшафтного музея-заповедника А.С. Пушкина «Михайловское»).

Мясницкая, улица в центре Москвы, названа по Мясницкой слободе, где располагались мясные лавки и дома мясников.

Немецкая слобода, место в русском городе, где селились иностранцы, в Москве со второй половины XVII века Немецкая слобода находилась в районе современной Бауманской (бывшей Немецкой) улицы и села Елох.

Новинское, название местности в Москве, где располагался в XV–XVIII веках Введенский Новинский монастырь (у впадения р. Пресни в р. Москву) и проходили народные гуляния в пятницу Пасхальной недели, ныне район Новинского бульвара и ул. Чайковского.

Огородники, или Огородная слобода, местность в Москве между улицами Мясницкой и Покровкой, названная по дворцовым огородам, располагавшимся здесь в первой половине XVII века, позднее в Огородниках селились купцы, высшее духовенство и знать.

Площанка, река в Подмосковье, у сельца Захарово сливается с р. Шараповкой.

Поварская, улица в центре Москвы, названа по Поварской слободе, где жили царские повара и служители кухни.

Пречистенка, улица в центре Москвы, названная по Смоленской иконе Божией Матери (Пречистой Девы).

Санкт-Петербургский тракт, дорога между Москвой и Петербургом, с первой трети XIX века — шоссе с покрытием из щебня, ныне Ленинградское шоссе.

Страстная площадь, площадь в центре Москвы, названная по Страстному женскому монастырю, ныне Пушкинская площадь.

Суйда, село в Петербургской губернии (ныне посёлок в Гатчинском районе), имение А.П. Ганнибала (с 1759 года), где родилась и выросла Н.О. Пушкина, ныне там работает музей.

Тайницкий сад, старинный сад в Московском Кремле вдоль Южной стены, назван по Тайницкой башне.

Тверская застава, площадь, где до 1854 г. находилась Тверская застава — въезд в город и пропускной пункт на Камер-Коллежском валу (официальной границе Москвы), ныне площадь Белорусского вокзала.

Тильзит, город в Восточной Пруссии, где в 1807 году был заключён Тильзитский мирный договор между Францией и Россией, ныне г. Советск Калининградской области.

Хампиловка (Хампиловская улица), старое название улицы Большая Почтовая, данное по имени владельца усадьбы купца Хампилова.

Хомутовка (Хомутовская улица), старое название Большого Харитоньевского переуллка (между Чистопрудным бульваром и Садовой-Черногрязской улицей).

Царьград, славянское название г. Константинополя.

Шараповка, река в Подмосковье, левый приток р. Вязёмки, а также деревня близ с. Большие Вязёмы.

Упомянутые исторические лица

Августин (1766–1819), в миру Виноградский Алексей Васильевич, епископ Дмитровский и настоятель Саввино–Сторожевского монастыря в 1804–1812 годах, архиепископ Московский в 1812–1819 годах.

Александр I Павлович (1777–1825), российский император в 1801–1825 годах.

Александр Фролович (1771–1830), крепостной повар М.А. Ганнибал, впоследствии в бегах в Польше, где объявил себя паном Мартином Колесницким, там он женился, в 1814 году вернулся в Захарово.

Алексей Михайлович (1629–1676), русский царь в 1645–1676 годах.

Алексей Никитич (1791–1841), крепостной сельца Захарова, сын Никиты Андреевича, муж с 1805 г. дочери А.Р. Яковлевой Марии Фёдоровны.

Арбеньева Неонила Онуфриевна (ок. 1790 – не ранее 1842), крепостная Пушкиных, кухарка, впоследствии жила в Михайловском.

Беликов Александр Иванович (1773–1848), священник, учитель А.С. Пушкина по русскому языку, Закону Божьему и арифметике в 1809–1811 годах, автор богословских трудов и переводов, издатель трёхтомного русско–латинского фразеологического словаря (1846).

Белли, гувернантка О.С. Пушкиной, учительница английского языка, вероятно, дочь Джона Белли, преподававшего английский язык в Московском университете с 1784–1809 годах.

Богданов Алексей Иванович (1787–1860), дьякон, затем священник, выпускник Московской духовной академии (1808), преподавал А.С. Пушкину русский язык и Закон Божий, предположительно, в 1807–1809 годах.

Болеслав I Храбрый (967–1025), польский князь, в 1025 году король.

Бутурлин Дмитрий Петрович (1763–1829), граф, сенатор, библиофил, директор Эрмитажа в 1812–1817 годах, его дом в Немецкой слободе посещал А.С. Пушкин в детстве.

Бутурлин Михаил Дмитриевич (1807–1876), сын Д.П. и А.А. Бутурлиных, впоследствии чиновник при разных губернаторах, с А.С. Пушкиным общался в детстве в Москве, а затем в Одессе в 1824 году.

Бутурлина Анна Артемьевна (1777–1834), графиня, жена Д.П. Бутурлина, дочь А.И. Воронцова, троюродная племянница М.А. Ганнибал.

Бутурлина Елизавета Дмитриевна (1804 — не ранее 1860), дочь Д.П. и А.А. Бутурлиных, в замужестве Соммарива-дель-Боско, во втором браке Сейсель д'Экс.

Бутурлина Мария Дмитриевна (1895 — не ранее 1860), дочь Д.П. и А.А. Бутурлиных, в замужестве Денни-Костели.

Бутурлина Софья Дмитриевна (1806–1813), дочь Д.П. и А.А. Бутурлиных.

Василий Багрянородный, византийский император в 976–1025 годах.

Варвара Степановна (около 1800–не ранее 1834), захаровская крепостная крестьянка, жена Григория Алексеевича, в книге — Варюшка.

Волков Алексей Кононович, дьяк, владелиц каменных палат в Москве в Огородной слободе в 1727 году.

Вольтер (Франсуа Мари Аруэ, 1694–1778), великий французский философ-просветитель и писатель.

Ворожейкина Анна Николаевна, московская купчиха, гражданская жена В.Л. Пушкина с середины 1800-х годов до его кончины в 1830-м году.

Ворожейкина Маргарита Васильевна (1810–1889), дочь А.Н. Ворожейкиной и В.Л. Пушкина, в замужестве Безобразова.

Воронцов Артемий Иванович (1728–1813), сенатор, действительный тайный советник, писатель-переводчик, троюродный брат М.А. Ганнибал, отец А.А. Бутурлиной, крестный отец А.С. Пушкина.

Ганнибал Абрам (Ибрагим) Петрович (1697–1781), русский государственный деятель, военный инженер, генерал-аншеф, крестник Петра I, прадед А.С. Пушкина по линии матери.

Ганнибал Иван Абрамович (1736 или 1737–1801), русский военный деятель, генерал-поручик, герой сражения при Наварине (1770), в Чесменском сражении (1770) управлял огнём всей морской артиллерии и способствовал победе, строитель и командир крепости в г. Херсоне, двоюродный дед А.С. Пушкина, крестный отец Н.О. Пушкиной.

Ганнибал Мария Алексеевна (1745–1818), дочь А.Ф. Пушкина, жена О.А. Ганнибала (с 1773 года), бабушка А.С. Пушкина по линии матери.

Ганнибал Осип (Януарий) Абрамович (1744–1806), сын А.П. Ганнибала, служил в морской артиллерии (капитан 2-го ранга), дед А.С. Пушкина, с женой М.А. Ганнибал жил в разъезде с 1776 года, вторично женился в 1779 году на У.Е. Толстой, брак признан незаконным и официально расторгнут в 1781 году.

Генрих IV Наваррский (1553–1610), французский король с 1589 года, основатель королевской династии Бурбонов.

Глинка Сергей Николаевич (1775–1847), русский писатель, драматург, историк, журналист.

Голицын Борис Владимирович (1769–1813), князь, генерал-лейтенант, участник Аустерлицкого (1805) и Бородинского (1812) сражений, владелец усадьбы Вязёмы в 1801–1813 годах, писатель, один из основателей общества «Беседа любителей русского слова», четвероюродный брат Н.О. Пушкиной. Его гражданская жена носила фамилию Зеленская и была богатой дворянкой еврейского или цыганского происхождения из г. Вильно (Вильнюса).

Голицын Николай Михайлович (1731–1801), князь, владелец села Вязёмы в последней четверти XVIII века, при нём возведены усадебные постройки, разбит парк, налажено хозяйство.

Гольц Надежда Андреевна, в замужестве Кавецкая, воспитанница А.А. Бутурлиной.

Гораций Квинт Флакк (65 г. до н.э. – 8 г. до н.э.), великий римский поэт.

Грибоедовы: Сергей Иванович (около 1760–1814), Анастасия Фёдоровна (1767–1839); в их доме в Новинском, вероятно, бывал А.С. Пушкин на уроках танцев и мог встречаться с их сыном Александром Сергеевичем Грибоедовым (около 1795–1829), будущим писателем и дипломатом, тогда студентом Московского университета.

Григорий Алексеевич (около 1797 — не ранее 1834), захаровский крепостной крестьянин, был женат на крестьянке Варваре Степановне, в настоящей книге — Гришка.

Гринвальд, немец, учитель музыки О.С. Пушкиной.

Дагоберт I (около 605– 639), король франков в 629–639 годах, отличался благочестием и воинской доблестью.

Де Гиз Генрих (Анри) (1550–1588), герцог Лотарингский, пэр Франции, клерикал, глава Католической лиги.

Де Грамон Диана (1554–1620), графиня, фаворитка короля Генриха Наваррского в 1586–1591 годах, имела прозвище Прекрасная Коризанда.

Де Ларошфуко Франциск (1550–1617), французский герцог, мемуарист, автор «Воспоминаний».

Дмитриев Иван Иванович (1760–1837), сенатор, министр юстиции в 1810–1814 годах, поэт, баснописец, А.С. Пушкин встречался с ним в детстве в Москве, а затем в Петербурге до 1836 года.

Екатерина II Великая (1729–1796), русская императрица в 1762–1796 годах.

Жилле Пётр Иванович (1867–1849), французский эмигрант, губернёр в доме Д.П. и А.А. Бутурлиных, впоследствии профессор французской словесности в Царскосельском Лицее (с 1820-х годов).

Жуковский Василий Андреевич (1873–1852), выдающийся русский поэт, критик, переводчик, с которым А.С. Пушкин встречался в детстве, впоследствии близкий друг великого поэта.

Зеленская Анна Борисовна (1802–1835), внебрачная дочь Б.В. Голицына, с которой А.С. Пушкин встречался в Вязёмах в детстве и в Москве в 1820-х–1830-х годах, была замужем за лицейским товарищем А.С. Пушкина Александром Павловичем Бакуниным (1799–1862).

Зеленская Софья Борисовна (1809–1871), внебрачная дочь Б.В. Голицына, в замужестве Шевырёва.

Иванов Василий, священник церкви св. Николы «на Курьих Ножах», у которого Пушкины снимали дом в 1810–1811 годах.

Иванов Никита, священник Богоявленской церкви в Елохове, выдавший метрику о рождении и крещении А.С. Пушкина.

Иван V Алексеевич (1666–1696), русский царь в 1682–1696 годах совместно с Петром I.

Игнатий, крепостной В.Л. Пушкина, исполнявший обязанности камердинера и кучера.

Иогель Пётр Андреевич (1768–1855), известный московский танцмейстер, учитель танцев в Московском университете.

Карамзин Николай Михайлович (1766–1826), писатель, историк, автор «Истории Государства Российского».

Карамзина Екатерина Андреевна (1780–1851), урождённая Кольванова, жена Н.М. Карамзина с 1804 года, впоследствии преданный друг А.С. Пушкина.

Карп Нефёдович, крепостной сельца Захарово, при продаже имения исключённый М.А. Ганнибал из купчей.

Козлов Никита Тимофеевич (1778 – не ранее 1851), крепостной камердинер С.Л. Пушкина, дядька А.С. Пушкина в детстве и позднее его камердинер, был грамотным, писал стихи на темы народных сказок.

Козлова Харитиния Ивановна, полковница, родственница М.А. Ганнибал (невестка её сестры), владелица сельца Захарово с 1811 года.

Куняев Иоанн Емельянович (1780–?), с 1806 года священник Спасо-Преображенского храма в Вязёмах, в 1812 году спас от поругания французскими войсками ценные иконы этого храма.

Лафонтен Жан (1621–1695), выдающийся французский поэт, баснописец, драматург.

Леруа Екатерина Андреевна, подруга детства и компаньонка А.А. Бутурлиной.

Лорж, гувернантка в доме Пушкиных, учительница немецкого языка.

Макаров Михаил Николаевич (1785–1847), писатель, фольклорист, историк литературы, издатель «Журнала для милых» (1804), «Журнала драматического» (1811), знакомый А.С. Пушкина с детских лет.

Матвеев Егор Фёдорович (1782–?), старший сын А.Р. Яковлевой.

Матвеев Степан Фёдорович (1798–?), младший сын А.Р. Яковлевой.

Матвеева Мария Фёдоровна (1789–1858), дочь А.Р. Яковлевой, жена Алексея Никитича.

Матвеева Арина Родионовна, см. Яковлева А.Р.

Михайлов Василий, служитель С.Л. Пушкина, у которого в 1810 г. А.С. Пушкин крестил сына Ивана.

Мольер (Жан Батист Поклен, 1622–1673), великий французский комедиограф, актёр, театральный деятель, реформатор сценического искусства.

Монфор, граф, французский эмигрант, гувернёр А.С. Пушкина, предположительно в 1805–1807 годах.

Мусин-Пушкин Александр Иванович (1744–1817), граф, российский государственный деятель, археограф, историк, собиратель рукописей и русских древностей, его уникальная коллекция погибла в московском пожаре 1812 года, уцелело лишь около 20 рукописей, часть из которых сохранил Н.М. Карамзин.

Наполеон I Бонапарт (1769–1821), французский государственный деятель, полководец, император Франции в 1804–1814 годах и в марте — июне 1815 года.

Нестор, древнерусский писатель конца XI — начала XII века, монах Киево-Печерской лавры, автор житий святых, летописец, считается одним из авторов «Повести временных лет».

Никита Андреевич (около 1866 – не ранее 1834), зажиточный крестьянин с. Захарово, ратник Московского ополчения 1812 года, награждённый памятной серебряной медалью, отец Алексея Никитича.

Нострадамус (Мишель де Нотрдам, 1503–1566), французский астролог, врач и провидец, знаменитый своими пророчествами.

Павел I Петрович (1754–1801), российский император в 1796–1801 годах.

Перотти, итальянец, учитель музыки в семье Д.П. и А.А. Бутурлиных.

Першерон де Муши Аделаида Иоанна Виктория, пианистка, с 1810 года жена ирландского композитора и пианиста Джона Фильда (1782–1837), знакомая С.Л. и Н.О. Пушкиных, бывавшая в их доме.

Пётр I Великий (1672–1825), русский царь в 1682–1721 годах, российский император в 1721–1725 годах.

Потёмкин Сергей Павлович (1787–1858), поэт, драматург, впоследствии участник Отечественной войны 1812 года, старшина Московского Английского клуба, членом которого был А.С. Пушкин; весьма вероятно их знакомство ещё в 1809–1811 годах: из воспоминаний М.Н. Макарова известно, что некий граф П. в саду у Бутурлиных хвалил стихи юного А.С. Пушкина (других московских знакомых с фамилией на «П» и титулом графа у А.С. Пушкина не было).

Птицын Николай Михайлович, купец 2-й гильдии, его дом на Мясницкой нанимали Пушкины с ноября 1809 года до лета 1810 года.

Прасковья Фёдоровна (1780–?), дворовая Пушкиных.

Пушкин Александр Сергеевич (1799–1837), великий русский поэт.

Пушкин Александр Юрьевич (1777–1854), двоюродный дядя А.С. Пушкина, племянник и крестник М.А. Ганнибал, писатель, участник Итальянского похода А.В. Суворова (1799), затем чиновник разных ведомств, судья, коллежский советник.

Пушкин Алексей Фёдорович (1717–1777), прадед А.С. Пушкина по линии матери, внук стольника Петра Петровича Пушкина (1644–1692), прадеда поэта по отцовской линии и прапрадеда по материнской линии, липецкий помещик.

Пушкин Василий Львович (1766–1830), дядя А.С. Пушкина, поэт, баснописец.

Пушкин Лев Сергеевич (1805–1852), брат А.С. Пушкина, воспитанник Благородного пансиона при Царскосельском Лицее (1814–1817 годы) и Благородного пансиона при Петербургском университете (1817–1821 годы, курса не окончил), впоследствии капитан Нижегородского и Финляндского драгунских полков, служил в Министерстве внутренних дел, в Одесской портовой таможне; А.С. Пушкин любил и опекал его.

Пушкин Михаил Сергеевич (1811–?), брат А.С. Пушкина, умер в младенчестве.

Пушкин Николай Сергеевич (1801–1807), брат А.С. Пушкина.

Пушкин Павел Сергеевич (1810–1810), брат А.С. Пушкина.

Пушкин Сергей Львович (1767–1848), отец поэта, капитан-поручик Егерского полка до 1797 года, в 1802–1814 годах служил в Комиссариатской комиссии в Москве, затем до 1817 года в Вар-

1745-1818
Мария Алексеевна
Ганнибал(Пушкина)

1744-1806
Осип Абрамович
Ганнибал

1723-1790
Лев Александрович
Пушкин

1797-1802
Ольга Васильевна
Пушкина(Чигирева)

Семья

А.С. Пушкина

1775-1836
Надежда Осиповна
Пушкина(Ганнибал)

1767-1848
Сергей Львович
Пушкин

1801-1804
Николай Пушкин

1797-1868

Ольга Пушкина
(будущая Татьяна Олсуфьева)

1811-1812
Михаил
Пушкин

1810-1810
Павел
Пушкин

1799-1837

Александр Пушкин

1805-1852

Лев Пушкин

1809-1810
Софья
Пушкина

1817-1819
Платон
Пушкин

А.И.

шаве, статский советник, увлекался литературой, театром, писал стихи.

Пушкина Анна Львовна (1769–1824), тётя А.С. Пушкина.

Пушкина Елизавета Львовна (1776–1848), в замужестве Сонцова, тётя А.С. Пушкина.

Пушкина Надежда Осиповна (1775–1836), мать А.С. Пушкина, внучка А.П. Ганнибала, жена и троюродная племянница С.Л. Пушкина.

Пушкина Ольга Васильевна (1737–1802), урождённая Чичерина, бабушка и крёстная А.С. Пушкина.

Пушкина Ольга Сергеевна (1797–1868), в замужестве Павлицева, старшая сестра А.С. Пушкина.

Пушкина Сарра Юрьевна (около 1721–1790), урождённая Ржевская, прабабушка А.С. Пушкина, жена А.Ф. Пушкина.

Пушкина Софья Сергеевна (1809–1810), сестра А.С. Пушкина.

Разумовский Алексей Кириллович (1748–1822), граф, министр народного просвещения в 1810–1816 годах.

Ржевский Юрий Алексеевич (1674–1729), дед М.А. Ганнибал, прапрадед А.С. Пушкина, в 1719–1728 годах Нижегородский вице-губернатор.

Росси Карл Иванович (1775–1849), известный русский архитектор.

Рочфорд Генриетта, англичанка, в замужестве Леджерс, воспитанница А.А. Бутурлиной, позднее владелица женского пансиона в Петербурге.

Руссло, французский эмигрант, губернёр А.С. Пушкина, предположительно, в 1807–1810 годах, преподавал французский и латинский языки.

Савва Сторожевский (1406), преподобный, святой Русской Православной Церкви, основатель и первый игумен Богородице-Рождественского Саввино-Сторожевского монастыря в Звенигороде, чудотворец.

Сантти Пётр Львович (1770–1821), граф, генерал майор, камергер, впоследствии сенатор, в его московском доме в Огородной слободе, в приходе церкви Харитония Исповедника, семья Пушкиных проживала в 1803–1805 годах.

Святополк Окаянный, великий Киевский князь в 1015–1019 годах.

Скворцов Иван Васильевич, знакомый С.Л. Пушкина, в 1799 году сдавал ему дом на углу Хампиловской (впоследствии Большой Почтовой) улицы и Госпитального переулка, где родился А.С. Пушкин.

Сонцов Матвей Михайлович (1779–1847), переводчик Коллегии иностранных дел, член Оружейной палаты, камергер, муж Е.Л. Пушкиной с 1803 года, был близок к литературным кругам.

Сонцова Екатерина Матвеевна, дочь М.М. и Е.Л. Сонцовых.

Софья Алексеевна (1657–1704), русская царевна, правительница Русского государства в 1682–1689 при двух царях — её малолетних братьях Иоанне V и Петре I.

Суворов Александр Васильевич (1730–1800), великий русский полководец, генералиссимус.

Сушков Николай Михайлович (1747–1814), сенатор, действительный тайный советник, литератор.

Сушкова Софья Николаевна (1800–1848), дочь Н.М. Сушкова, в замужестве Панчулидзева, с её именем связывают запись «Ранняя любовь» в плане автобиографии А.С. Пушкина и стихи «Подруга возраста золотого...» в «Послании к Юдину» (1815).

Татищев Василий Никитич (1686–1750), русский историк и государственный деятель, автор многотомной «Истории Российской», основатель городов Екатеринбурга и Перми.

Терентий Леонович, крепостной сельца Захарово, при продаже имения исключённый М.А. Ганнибал из купчей.

Тиньковы: Екатерина Александровна, Мария Ильинична, Екатерина Ильинична, владельцы сельца и усадьбы Захарово до 1804 года, продавшие её М.А. Ганнибал.

Толстая (Толстых) Устинья Ермолаевна, урождённая Шишкина, Новоржевская помещица, вторая (незаконная) жена О.А. Ганнибала.

Трубецкая Екатерина Александровна, урождённая Мансурова, княгиня, жена И.Д. Трубецкого.

Трубецкая Софья Ивановна (1800–1852), в замужестве Всеволожская, дочь И.Д. и Е.А. Трубецких.

Трубецкой Иван Дмитриевич (1756–1827), князь, камергер, троюродный брат С.Л. Пушкина.

Тургенев Александр Иванович (1784–1845), российский государственный деятель, историк, литератор, директор департамента Духовных дел иностранных исповеданий в 1810–1824 годах, сыграл значительную роль в жизни А.С. Пушкина, начиная от содействия в приёме в Царскосельский Лицей до последних дней жизни и погребения поэта в Успенском Святогорском монастыре.

Ульяна Яковлев(н)а (около 1767–1811), крепостная Пушкиных, няня А.С. Пушкина в 1799–1805 годах, предположительно, родственница А.Р. Яковлевой.

Фёдор Мартынович (около 1791–?), крепостной сельца Захарово, при продаже имения исключённый М.А. Ганнибал из купчей.

Фенелон Франсуа де Салиньяк (1651–1715), французский писатель, архиепископ, автор педагогических трактатов, стихов, басен, философско-утопического романа «Приключения Телемака».

Фонвизин Денис Иванович (1745–1792), известный русский писатель, драматург.

Харитоний Исповедник (около 350), преподобный, основатель нескольких монастырей в Палестине.

Чичерина Анна Васильевна, двоюродная бабушка А.С. Пушкина, сестра О.В. Пушкиной.

Чичерина Варвара Васильевна (1743–1825), двоюродная бабушка А.С. Пушкина, сестра О.В. Пушкиной.

Чичерина Мария Васильевна, двоюродная бабушка А.С. Пушкина, сестра О.В. Пушкиной.

Шедель, французский эмигрант, гувернёр А.С. Пушкина, предположительно, в 1810–1811 годах.

Юрий Дмитриевич (1374–1434), князь Звенигородский и Галицкий, великий князь Московский в 1433–1434 годах, сын великого князя Московского Дмитрия Ивановича Донского.

Юсупов Николай Борисович (1750–1831), князь, дипломат, сенатор, коллекционер, в 1801–1803 годах Пушкины снимали у него дом в Огородной слободе, впоследствии А.С. Пушкина связывали с Юсуповым дружественные отношения, он посещал князя в его подмосковном имении Архангельском (в 1827–1830 годах), встречался с ним в Москве.

Яковлева Арина Родионовна (1758–1828), в замужестве Матвеева, крепостная М.А. Ганнибал, в 1799 году получившая вольную, няня и кормилица О.С. Пушкиной, няня Л.С. Пушкина и после 1805 года А.С. Пушкина.

Яньков Дмитрий Александрович (1761–1816), супруг Е.П. Яньковой.

Янькова Аграфена Дмитриевна (1794–1865), в замужестве Благово, дочь Е.П. и Д.А. Яньковых, мать духовного писателя Д.Д. Благово (1827–1897), записавшего воспоминания Е.П. Яньковой, содержащие описание её встреч с М.А. Ганнибал и А.С. Пушкиным.

Янькова Анна Дмитриевна (1796–?), в замужестве Постникова, дочь Е.П. и Д.А. Яньковых.

Янькова Елизавета Петровна (1768–1861), урождённая Римская-Корсакова, знакомая и дальняя родственница М.А. Ганнибал по линии Ржевских, правнучка В.Н. Татищева.

Янькова Клеопатра Дмитриевна (1800–1848), дочь Е.П. и Д.А. Яньковых.

Авторы иллюстраций

На страницах обложки и текста

Анастасия Шухова, 12–14 лет: на обложке — 2(2,5,10), 3(1,5), 4(1–3); в тексте — 3, 4, 8–18, 26, 32–37, 40, 43, 48, 50, 58, 63, 68–72, 79, 84, 91, 93, 102, 103, 109, 110, 115, 118–124, 127, 132–135, 139, 141, 146, 147, 155, 162, 171–173, 185, 194, 201

Владимир Шухов, 8–9 лет: на обложке — 2(1,8), 3(4,6), 4(4,6); в тексте — 5, 38, 44, 47, 85, 88, 98, 108, 137, 145, 151, 164

Мария Мичурина, 13 лет: на обложке — 2(11), 3(9), в тексте — 23, 46, 66, 82, 87, 90, 116, 126

Мария Салькова, 15 лет: на обложке — 1, 3(7), 4(7); в тексте — 1, 104

Егор Мальков, 12 лет: в тексте — 30, 55, 97, 157, 186

Алёна Четырина, 11 лет: на обложке — 3(10), 4(5,10), в тексте — 130

Анастасия Локтионова, 9 лет: на обложке — 3(8), в тексте — 174

Евгения Варюшкина, 9 лет: на обложке — 2(4), в тексте — 51

Тимофей Аладьин, 7–8 лет: на обложке — 2(9), в тексте — 21

На страницах обложки

Алёна Амосова, 15 лет: 2(9)

Алиса Боровкова, 13 лет: 2(7)

Валерия Сиделёва, 11 лет: 3(3), 4(9,11)

Залина Хадиуллина, 14 лет: 3(2)

Ирина Константинова, 14 лет: 2(6)

Светлана Новцева, 16 лет: 4(8)

Татьяна Локтева, 14 лет: 2(3)

На страницах текста

Анастасия Зенина, 13 лет: 76

Анна Фомина, 10 лет: 167

Владислав Прокопович, 10 лет: 176

Дарья Родина, 8 лет: 192

Елена Сахарова, 8 лет: 149

Иван Абрамов, 12 лет: 180

Иван Румянцев, 11 лет: 73

Людмила Голубикина, 12 лет: 183

Полина Сазонова, 11 лет: 106

Сергей Мусин, 12 лет: 150

Софья Ризнык, 10 лет: 177

Софья Смородинская, 12 лет: 61

Татьяна Фомина, 7 лет: 22

Примечание: Номера рисунков на страницах обложки указаны в скобках в последовательности слева направо сверху вниз.

Педагоги: Арустамова Н.С., Бобко А.В., Бурянин В.И., Костина Н.Б., Котыльсва И.В., Лазарева А.С., Нургалиев Р.Ш., Рогожин М.А., Фролова И.П., Черченцев В.М.

Места, изображенные на обложке

Вязёмы — 2(1,3,9–11)
Захарово — 1, 2(2,5, 6–8)
Звенигород — 3(6)
Москва — 3(1,2,4,9,10), 4 (8–10)

Исторические лица, изображенные на обложке

Пушкин А.С. — 1, 2(1,3,5,6,8), 3(5,7,10), 4(2,5,7,10)
Ганнибал М.А. — 2(1,3), 3(8), 4(3)
Голицын Б.В. — 2(9)
Зеленская А.Б. — 2(11)
Пушкин В.Л. — 4(4)
Пушкин Л.С. — 4(2)
Пушкин Н.С. — 4(2)
Пушкина О.С. — 3(9), 4(1,2)
Сушкова С.Н. — 4(6)
Яковлева А.Р. — 2(7), 4 (3,10,11)

Основная библиография

1. А.С. Пушкин в воспоминаниях современников: в 2 т. — СПб.: Академический проект, 1998.
2. А.С. Пушкин в Москве и Подмосковье // Материалы I, ..., XIII пушкинских конференций. — Большие Вязёмы: ГИЛМЗ А.С. Пушкина, 1996, ..., 2009.
3. А.С. Пушкин. Документы к биографии. 1799–1829. — СПб.: Искусство–СПБ, 2007.
4. *Берестов В.Д.* Ранняя любовь Пушкина // Избранные произведения: в 2 т. — М.: Издательство им. Сабашниковых; Вагриус, 1998. Т. 2.
5. *Голицын Б.В.* Избранные страницы. — Большие Вязёмы: Государственный историко-литературный музей-заповедник А.С. Пушкина, 2001.
6. *Заборов П.Р.* Пушкин и Вольтер // Пушкин: Исследования и материалы. Т. VII: Пушкин и мировая литература. — Л.: Наука, 1974.
7. *Кондратьев И.К.* Седая старина Москвы. — М.: Цитадель, 1997.
8. *Крылов И.А.* Сочинения: в 2 т. — М.: Художественная литература, 1984. Т. 2.
9. Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина: в 4 т. — М.: СЛОВО/SLOVO, 1999. Т. 1.
10. Мир Пушкина: Том 3. Семейные предания Пушкиных. — СПб.: Издательство «Пушкинского фонда», 2003.
11. «Моё Захарово...» Захаровский контекст в творчестве А.С. Пушкина // Сборник статей. — М.: Энциклопедия сёл и деревень, 1999.
12. Московская изобразительная Пушкиниана. — М.: Искусство, 1991.
13. *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: в 10 т. — М.–Л.: Издательство АН СССР, 1949.
14. Род и предки А.С. Пушкина. — М.: Васанта, 1995.
15. *Романюк С.К.* В поисках пушкинской Москвы. — М.: Профиздат, 2001.
16. *Томашевский Б.В.* «Маленькие трагедии» Пушкина и Мольер // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. — М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1939. Вып. 1. С. 115–133.
17. *Черейский Л.А.* Пушкин и его окружение. — Л.: Наука, 1975.
18. *Янькова Е.П.* Рассказы бабушки из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные её внуком Д. Благово. — Л.: Наука, 1989.

Содержание

Детство Александра Пушкина

Рождение	5
Раннее детство	14
Бабушкины рассказы	23
Впервые в Захарове	31
Праздник Троицы	39
Волчонок	45
Нянины сказки	50
Первые уроки	56
Ранняя любовь	62
Вязёмские впечатления	67
«Арапчик — рябчик»	74
Игра в бабки	83
В гостях у князя Голицына	85
Олины именины	89
Прощание с Николенькой	95
Московские будни и праздники	103
«Похититель»	114
Рождество в Захарове	117
«Прекрасный цветок»	125
«Толиада»	128
В приходе церкви Николы на Мясницкой	139
Прощальный сезон в Захарове	145
Тетрадка по «истории»	151
Последние месяцы в Москве	159
Святочные сказки Арины Родионовны	173
<i>Словарь редко употребляемых и устаревших слов .....</i>	<i>186</i>
<i>Оригиналы стихов на французском языке .....</i>	<i>190</i>
<i>Слова и выражения на французском языке .....</i>	<i>191</i>
<i>Упоминаемые географические названия .....</i>	<i>192</i>
<i>Упоминаемые исторические лица .....</i>	<i>195</i>
<i>Авторы иллюстраций .....</i>	<i>206</i>
<i>Основная библиография .....</i>	<i>206</i>

Елена Николаевна Егорова

Детство Александра Пушкина

Рассказы для детей и взрослых

Издание второе, дополненное

Технические редакторы: *В.Н. Киселева, Е.Н. Егорова.*

Корректор: *О.С. Бахтиярова*

Литературное объединение «Угреша»

имени Ярослава Смелякова

Московской областной организации

Союза писателей России

12106, г. Москва, ул. Б. Никитская, 50А/5, стр. 1.

<http://www.lito-ugresha.narod.ru>; lito_ugresha@mail.ru

**Благотворительный фонд содействия социальной помощи
и защиты нуждающихся жителей города Дзержинский
«Наш город»**

140090, Московская обл., г. Дзержинский, ул. Лесная, д. 18.

Тел./факс 550-63-40

**Государственный литературно-мемориальный
и природный музей-заповедник А.С. Пушкина «Болдино»**

607940, Нижегородская обл., Большеболдинский р-н,
с. Большое Болдино, ул. Пушкинская, 44. Тел. (83138) 22-759

<http://www.boldinomuzey.ru>, muzey.asp@mail.ru

Сдано в набор 26.02.2012. Подписано в печать 11.05.2012.

Формат 70x100/16. Гарнитура «Bookman». Усл. печ. л. 14.

Тираж 1200 экз.

ISBN 978-5-9903866-2-4

9 785990 386624

Отпечатано в типографии ЗАО «ДОССОМ»
Москва, ул. Большая Марьинская, 9, стр. 1
Тел. (495) 602-48-85. E-mail: bankprint@mail.ru

Заказ №